

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 АПРЕЛЬ 1982

Торжественное заседание в Ташкенте. На трибуне — товарищ Л. И. Брежнев.
Л. И. Брежнев прикрепил к знамени республики высшую награду Родины.

ПРЕБЫВАНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 14 (2855)

3 АПРЕЛЯ 1982

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1982

Фото
С. Гурария
и А. Пахомова

С 22 по 25 марта в Узбекистане находился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев. 23 марта Л. И. Брежнев побывал на Ташкентском тракторном заводе имени 50-летия СССР.

Затем Л. И. Брежнев посетил одно из крупнейших предприятий Ташкента—производственное авиационное объединение имени В. П. Чкалова.

В этот же день товарищ Л. И. Брежнев побывал в колхозе имени В. И. Ленина Ташкентской области.

Рабочие завода и производственного авиационного объединения, колхозники выразили главе КПСС и Советского государства сердечную благодарность за посещение их предприятий, практические советы и рекомендации, выс-

казанные им. Они пожелали Леониду Ильичу плодотворной деятельности на благо Советской Родины, во имя укрепления нашего социалистического государства, мира во всем мире.

Вместе с Л. И. Брежневым при посещении тракторного завода, авиационного объединения и колхоза были товарищи Ш. Р. Рашидов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР И. Б. Усманходжаев, Председатель Совета Министров республики Н. Д. Худайбердыев, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулов, первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин.

Беседа в ЦК Компартии Узбекистана.

24 марта состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Узбекистана и Верховного Совета Узбекской ССР, посвященное вручению Узбекской ССР ордена Ленина.

В зале — члены ЦК Компартии Узбекистана, депутаты Верховного Совета Узбекской ССР, руководители партийных, советских и общественных организаций республики, передовики промышленности и сельского хозяйства, деятели науки и культуры.

Бурными, продолжительными аплодисментами участники торжественного заседания встретили Л. И. Брежнева.

В президиуме заседания — кан-

дидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР И. Б. Усманходжаев, Председатель Совета Министров республики Н. Д. Худайбердыев, другие руководители республики, первые секретари обкомов партии Узбекистана и председатели облисполкомов, знатные люди труда, военачальники.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, первый секретарь ЦК Компар-

тии Таджикистана Д. Расулов, первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

Торжественное заседание открыл Ш. Р. Рашидов.

С большой яркой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

Леонид Ильич Брежнев огласил Указ Президиума Верховного Со-

вета СССР и под овацию всего зала прикрепил к знамени Узбекской ССР орден Ленина, которого республика удостоена по итогам десятой пятилетки.

В память об этом знаменательном дне товарищ Брежнев передал ЦК Компартии Узбекистана, Президиуму Верховного Совета и правительству республики картину художника Э. Выржиковского «Сердце Родины», на которой запечатлена величественная панорама близкой всем нашим народам столицы Страны Советов.

С речью на заседании выступил товарищ Ш. Р. Рашидов.

25 марта в ЦК Компартии Узбекистана состоялась беседа товари-

Во время посещения Ташкентского тракторного завода имени 50-летия СССР.

Л. И. Брежнев вручает орден Октябрьской Революции Ш. Р. Рашидову.

МИР МОЖНО ОТСТОЯТЬ, ЗА МИР НУЖНО БОРОТЬСЯ

Задачи советских сторонников мира по дальнейшей активизации действий против угрозы войны, за углубление разрядки и развитие сотрудничества миролюбивых сил рассмотрел пленум Советского комитета защиты мира, состоявшийся 26 марта в Москве, в Октябрьском зале Дома союзов.

В президиуме пленума — кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен, руководители общественных организаций.

Перед собравшимися выступил Б. Н. Пономарев. Он сделал обстоятельный анализ современного международного положения и задач, стоящих перед сторонниками движения за мир.

Пленум избрал председателем Советского комитета защиты мира политического обозревателя газеты «Правда» Г. А. Жукова. После окончания работы пленума Г. А. ЖУКОВ в беседе с корреспондентом АПН М. Пучковским рассказал о тех задачах, которые стоят сегодня перед Советским комитетом защиты мира.

— В своей речи на XVII съезде советских профсоюзов товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что сказать, что международное положение сейчас сложное и острое, еще недостаточно. Оно внушает тревогу за все дальнейшее развитие международных отношений. Международные отношения в целом, сказал Л. И. Брежнев, подошли сейчас к ясно обозначенной развилке дорог.

С одной стороны — путь укрепления мира и развития мирного сотрудничества между всеми государствами.

С другой стороны — путь, на который усиленно толкают человечество новоявленные поборники «холодной войны» и опасного балансирования на грани войны настоящей.

В этих условиях усиление борьбы за мир является самой важной, самой неотложной задачей. Мы уже располагаем большим опытом этой борьбы. Она началась в самый разгар «холодной войны», когда был создан военнополитический блок империалистических держав — НАТО. Люди старшего поколения помнят такую акцию, как сбор подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия. Сотни миллионов людей во всем мире поставили свои подписи под ним. Эта демонстрация была настолько внушительной, что Соединенные Штаты отказались от замысла использовать атомную бомбу в Корее, где они вели тогда войну.

Чем дальше, тем сильнее становится движение сторонников мира. В него включались народы стран Азии и Африки, освободившиеся от колониального ига, и

такие крупномасштабные акции движения, как, скажем, борьба за прекращение американской агрессии против Вьетнама, все более повышали его авторитет.

Однако, как говорил В. И. Ленин на IX съезде нашей партии в 1920 году, «чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления». Ленин добавил к этому: «Теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения». Эти слова невольно вспоминаются сейчас, когда правительственные круги и монополии Соединенных Штатов все больше усиливают гонку вооружений, отказываются от разрядки и без стеснения рассуждают о том, что есть, дескать, вещи поважнее, чем мир, без стеснения говорят о возможности так называемой «ограниченной» ядерной войны, «предупредительного ядерного взрыва»...

Закон физики говорит, что действие равно противодействию. Это применимо и к политике. Мы все сейчас видим, что стихийным ответом на возврат США и НАТО к «холодной войне» является резкое усиление спонтанно возникающих антивоенных движений в различных странах. Причем на этот раз борьбу возглавляют не только организации, группирующиеся вокруг Всемирного совета мира (ВСМ), но и новые силы, которые на Западе не совсем точно именуются пацифистскими.

Бурное развитие антивоенных выступлений застало руководителей США и НАТО врасплох. Вначале они пытались замалчивать рост антивоенной борьбы, а потом, когда замолчать это явление не удалось, начали изображать его как результат «советских происков».

Бросается в глаза, что спецслужбы США и НАТО сейчас приступают к разработке действий, цель которых — ослабление антивоенных движений, противопоставление его пацифистского крыла движению сторонников мира, возглавляемому ВСМ, и направление движения за мир в антисоветское русло.

Используя недостаток правдивой информации на Западе и отсутствие должного опыта у новых участников антивоенной борьбы, противники разрядки подбрасывают им идею о «равном удалении» от «двух сверхдержав». А иногда и более того: пытаются убедить их в том, будто главная угроза миру исходит от Советского Союза, а США лишь заботятся об обороне Запада и поэтому, дескать, надо выступать против СССР.

Думается, однако, что такого рода маневры обречены на провал. Как ни старается буржуазная

пропаганда скрыть от людей наши предложения о прекращении гонки вооружений, они все же доходят до сознания миллионов людей.

Советские сторонники мира считают своей первоочередной обязанностью разоблачение клеветнических наветов империализма на Советский Союз и доведение до самых широких масс Запада подлинной позиции СССР и братских социалистических стран в вопросах о прекращении гонки вооружений и развитии взаимовыгодного сотрудничества.

Утверждения буржуазной пропаганды о том, будто советские люди не принимают активного участия в борьбе за мир, а советские предложения формулируются нашими руководителями лишь в целях пропаганды, рассчитаны на слабую информированность тех, к кому обращены такого рода «разъяснения».

Советское движение сторонников мира представляет собой подлинно массовую организацию, в которой участвуют сотни тысяч людей. Среди них рабочие и ученые, колхозники и писатели, люди самых разных возрастов и профессий, верующие и неверующие. Кстати, в движении активно участвуют руководители всех церквей, существующих в Советском Союзе, представители всех вероисповеданий — православные, мусульмане, католики, евангелисты...

Во всех республиках, краях и областях нашей страны существуют местные комитеты защиты мира, которые не только пропагандируют советские мирные предложения, неизменно встречающие одобрение и поддержку на массовых митингах сторонников мира, но и осуществляют активные действия в пользу мира. Чего стоит хотя бы проведенная по инициативе комсомола кампания, в ходе которой советские люди отправили в Белый дом несколько миллионов писем с требованием прекратить гонку вооружений.

Пленум Советского комитета защиты мира, состоявшийся 26 марта, был посвящен подготовке и разработке новых важных мероприятий сторонников мира. Большое внимание мы уделяем и будем уделять непосредственным контактам советских и зарубежных сторонников мира, в ходе которых наши люди разъясняют советскую миролюбивую политику, активно поддерживаемую нашим народом, опровергают вымыслы буржуазной пропаганды о советской «военной угрозе», дают зарубежным сторонникам мира обстоятельную информацию о жизни советских людей. Работа на всех этих направлениях будет усилена еще более.

АПН — специально для
«Огонька».

ГЛУБОКИЙ АНАЛИЗ, ЯСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

С ВЫСОТЫ ДОСТИГНУТОГО

Наш колхоз имени С. М. Кирова — высокомеханизированное многоотраслевое хозяйство. Вот уже много лет мы выращиваем семенное зерно, обеспечивая им многие хозяйства области, получаем стабильно высокие, по 50—60 центнеров с гектара, урожай. В колхозе и свой консервный завод, и птицефабрика, и современные животноводческие фермы. Только в прошлом году государству продано 1100 тонн мяса, 2700 тонн молока, 1,7 миллиона яиц и много другой сельскохозяйственной продукции. А наше село Щербани, расположенное в степной зоне, давно превратилось в цветущий сад. По уровню благоустройства, по тем удобствам, которые предоставлены колхозникам, оно не уступает современному городу. За последние годы только за счет хозяйства построено сто жилых домов со всеми коммунальными удобствами. Недавно нашему колхозу присвоено звание коллектива коммунистического труда, вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Однако кому много дано, с того многое и спросится. Мы вни-

мательно следили за работой XVII съезда профсоюзов СССР, слушали по телевидению и читали в газетах яркую, деловую речь Леонида Ильича Брежнева. Его слова, обращенные к делегатам профсоюзного форума, мы восприняли как руководство к действию, к тому, чтобы целенаправленно вести социалистическое соревнование, добиваться еще больших результатов, еще рациональнее использовать рабочее время и технику.

Труженики второго отделения колхоза избрали меня председателем цехового комитета профсоюза. Наш цехком первой своей задачей считает мобилизацию трудящихся на выполнение задач, поставленных XXVI съездом партии перед труженниками сельского хозяйства.

Как известно, основой дальнейшего развития животноводства является создание прочной кормовой базы. Это еще раз подчеркнул, выступая в Ташкенте, Леонид Ильич Брежнев. Правление колхоза взяло курс на полную механизацию выращивания и подготовки кормов. Сейчас у нас строится полностью механизированный кор-

мокомплекс. А чтобы сосредоточить все кормопроизводство в одном подразделении, поставить его на промышленную основу, конкретизировать ответственность за важный участок работы, создан механизированный отряд. В него вошли четырнадцать человек, которым выделена вся необходимая техника. Это позволит выращивать корма для всего животноводческого комплекса колхоза без применения ручного труда, значительно повысить эффективность производства.

Мне поручено возглавлять этот отряд, что расцениваю как большое доверие и большую ответственность. Верю в силу нашего коллектива, он у нас дружный, механизаторы понимают важность своей задачи. В прошлом году колхоз выполнил обязательство по всем показателям. И сейчас, с наступлением весны — а весенний день, как говорят, год кормит, — мы с удвоенной энергией работаем над тем, чтобы весомым и добрым был наш вклад во всенародное дело.

Владимир ДОВБЫШ
Село Щербани, Вознесенский район, Николаевской области.

И УРОЖАЙ И КАЧЕСТВО

Никого не оставили равнодушным мобилизующие слова Леонида Ильича Брежнева об использовании резервов, тающих в орошаемом гектаре. Огромные капиталовложения в ирригационное строительство и комплексную механизацию Узбекистана лишь тогда дают соответственный экономический эффект, когда работающий на такой земле человек проявляет «любознательное отношение» к делу.

Собственно, применяемая нашими хозяйствами «ташкентская технология» возделывания хлопчатника — настоящее дитя как раз такого отношения. Ставка на машины потребовала от всех хлопководов особой четкости в работе, напряжения творческой мысли, но она и вознаграждает каждого из нас радостью, когда вызревает урожай в 50 и более центнеров на гектаре. Но тем больше должна быть тревога за сохранность урожая, за качество будущего сырья для легкой промышленности. Путь к последнему — в повсеместном внедрении в практику «ташкентской технологии» и на уборке. Суть ее в том, чтобы как можно раньше, до осенней непогоды, открывать широкий фронт работ для уборочной техники. И, разумеется, управлять этой техникой должны настоящие мастера, влюбленные в свое дело.

В Букинском районе немало таких мастеров. И, конечно, тон задают наши коммунисты. Комплектуя производственные звенья в хозяйствах, мы всегда помним об идеологическом обеспечении дела и на самые ответственные участки посылаем наиболее авторитетных членов партии, лидеров социалистического соревнования.

Тысячу раз прав Леонид Ильич Брежнев, сказав, что «надо научиться и при полной механизации возделывания хлопка получать сырье высокого качества».

Тухтамурад ИСЛАМОВ,
первый секретарь
Букинского райкома
КП Узбекистана.

РЕЗЕРВЫ — ЕСТЬ

Как секретарь парткома, как просто советский человек нахожусь в выступлениях Леонида Ильича Брежнева конкретную программу к действию.

Товарищ Л. И. Брежнев в своей яркой речи на торжественном заседании в Ташкенте по случаю вручения Узбекской ССР ордена Ленина очень точно и глубоко сказал о наших проблемах и о роли партийных организаций в их решении. Это к нам, коммунистам, обращены его слова: «И если быть верным ленинскому стилю, если не зазнаваться, быть самокритичными, сосредоточить внимание всех партийных организаций сверху донизу на нерешенных проблемах, поднять активность и инициативу самых широких масс трудящихся, то и эти проблемы, безусловно, будут решены». Какие точные и верные слова!

В середине марта нашему объединению вручили перехо-

дящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за 1981 год с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР. Высокая награда обязывает каждого из нас, весь коллектив, к еще более производительному, ударному труду. Поэтому в тот день, когда нам вручили знамя, труженики нашего предприятия единодушно приняли повышенные социалистические обязательства на 1982 год. С ними мы, уверен, справимся. Коллектив у нас крепкий, сплоченный, у нас работает много мастеров своего дела. На предприятии 166 рабочих имеют звание «отличник качества», 359 человек трудятся с личным клеймом. Немало приходит на завод талантливой, хорошо обученной молодежи.

Но внимательно прослушав, а затем прочитав речь Леонида

Ильича Брежнева, задумался: а все ли мы, коммунисты, делаем для того, чтобы рядом с передовиком не было отстающих, чтобы не встречались на производстве факты разгильдяйства, лодыричества, нарушения трудовой и общественной дисциплины? В этом отношении нам предстоит еще немалая работа. И чтобы поднять активность, инициативу масс каждой партийной организации нашего объединения, необходимо каждому коммунисту стать лидером соревнования, примером образцового отношения к труду и высокой нравственности. В этом видится наш неисчерпаемый резерв.

В. КАДНИКОВ,
секретарь парткома
Пензенского
производственного
объединения
«Пензтяжпромарматура».

ПЛЕЧО СМЕЖНИКА

Читаю выступления Леонида Ильича Брежнева на XVII съезде профсоюзов и в Ташкенте. Задумываюсь о необходимости повышать ответственность коммунистов за доверенную им работу. Действительно, правомерен вопрос: «Почему отдельные коллективы, возглавляемые коммунистами, не выполняют установленных заданий и принятых социалистических обязательств?»

Думается, одна из причин в том, что спрос с коммунистов и коммунистов с самих себя не всегда такой, какой определен ленинскими принципами. Вряд ли кто из работающих, скажем, в промышленности, не понимает, что значит сорвать, например, поставки по кооперации. И все же...

У нашего объединения много поставщиков. Большинство из

них добросовестны и аккуратны. Однако есть и такие, которые хроничны (мы так и зовем их — «хронички») или без конца остаются должниками, или присылают нам свою продукцию в последние дни месяца, когда на выполнение программы уже не остается времени. Мы несем колоссальные материальные убытки, а они отделываются пустяковыми штрафами из государственного, естественно, кармана. Причем во главе таких предприятий стоят коммунисты, партийные организации там десятки, а то и сотни членов насчитывают.

И прежде всего я назвал бы чернский завод «Холодмаш» Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР, поставляющий нам воздушники. Что мы только не предпринимали! И письма писали, и звонили, и гонцов слали (причем не рядовых снабженцев — их пробивная мощь уже не подходит). Директору завода В. И. Стопину пора бы, кажется, с помощью коммунистов предприятия что-то пред-

принять. Ничего реального! Обращались мы в министерство к начальнику главка тов. Дееву и к министру тов. Брехову. Тоже безрезультатно. Поставили в известность местные партийные органы в Черныше (хотя прибегаем к такому лишь в крайнем случае, не годится втягивать партийные органы в хозяйственную суеу, у них свои заботы). Но обстоятельства вынудили. Там сказали: «Надирекция завода заверила, что коллектив сумеет все отладить!» Нельзя же так бросаться словами!

А в один из визитов нашего представителя на «Холодмаш» ему предложили... поехать в Воронеж — отсюда в Черныше якобы неравномерно поступают двигатели для воздушников — и заняться там толкачеством. Вот ведь до чего можно дожить, если сосредоточиться на «жизненном варианте»: искать, на кого бы переключить свои заботы и ответственность.

Никан не ладятся у нас отношения с московским заводом «Каучук». Есть целая папка с перепиской по поводу по-

ставок компрессоров из Тульской области. Писали, между прочим, и в Тульский облисполком. Ответа не получили.

...Я в свое время работал начальником цеха и знаю, что даже в сложной ситуации можно, мобилизовав коллектив, выполнить план. (Не беру в расчет какие-то аварийные ситуации — не каждый же месяц они складываются!) Знаю и другое: непоправимый моральный урон наносят срывы поставок. Люди расхолаживаются, заражаются безответственностью, привыкают халтурить. А это же страшнее экономических потерь! Меня, коммуниста, это беспокоит особенно.

Коммунист должен всегда помнить об особой своей ответственности за доверенное дело.

В. ДМИТРИЕВ,
начальник отдела
внешней комплектации
Минского
ордена Трудового
Красного Знамени
объединения
имени В. И. Ленина.

ЦЕНИМ И ПОДДЕРЖИВАЕМ

Абдула Саттар ПУРДЕЛИ,
председатель
Центрального совета
профсоюзов Афганистана

Важное значение, которое придает Коммунистическая партия Советского Союза профсоюзам, мы можем видеть в речи товарища Леонида Ильича Брежнева на XVII съезде. Народы всего мира являются свидетелями того, что Советский Союз всегда высту-

пает за мир. В этом мы еще раз убедились, слушая яркую и вдохновляющую речь товарища Леонида Ильича Брежнева, который предложил ввести в одностороннем порядке мораторий на разрывание в европейской части СССР ядерных вооружений средней дальности, приостановив замену старых ракет на более новые, и, если не будет нового обострения международной обстановки, сократить часть своих ракет средней дальности. Мы высоко ценим эти предложения.

Профсоюзное движение в нашей стране получило свое развитие с Первого съезда нашей партии в Афганистане, который состоялся в 1965 году. Застрельщиком и инициатором празднования 1 Мая — Дня международной солидарности трудящихся в нашей стране был передовой отряд рабочего класса — Народно-демократическая партия Афганистана. Кроме вопросов повышения заработной платы, социального страхования, на повестке дня в то время стояли вопросы создания

профессиональных союзов. Королевский режим всячески препятствовал этому. Но несмотря на то, что все же были созданы профессиональные союзы, например, на ткацкой фабрике Гульбахар и на ремонтно-сборочном заводе Джунгала. При режиме Дауда профсоюзная деятельность развивалась в Афганистане под руководством НДПА в форме организации на предприятиях касс взаимопомощи.

После победы Апрельской революции, которая передала власть в руки трудящихся, в Афганистане уже не было никаких препятствий для создания легальных профессиональных организаций. И один за другим на предприятиях стали появляться профсоюзы. Но, к сожалению, это продолжалось недолго, так как у рычагов власти оказалась банда предателя и убийцы Амина, который пытался свергнуть революцию и партию с их основного направления, что в конечном итоге повлияло на развитие профессиональных союзов ДРА. После

победы нового этапа Апрельской революции, который освободил народ и родину, стала возобновляться деятельность профессионального движения в Афганистане. В марте 1981 года состоялся Первый съезд профсоюзов ДРА.

Администрация Рейгана объявила 21 марта днем солидарности с афганской контрреволюцией. Профсоюзы Афганистана вместе со всеми трудящимися республики выражают гневный протест против нового акта вмешательства империализма во внутренние дела нашей страны. Мы осуждаем это решение американского правительства, потому что оно поддерживает тех, кто уничтожает школы и фабрики, мосты и посевы на полях, кто убивает детей, стариков, женщин.

Наши рабочие и служащие с оружием в руках несут охрану своих предприятий и одновременно заняты в области производства. Они активно участвуют в строительстве нового общества в стране. Вот это — настоящий День Афганистана.

ПРИМЕР ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ

ПЕТРОГРАД, ГЕНУЯ, МОСКВА

Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор еженедельника
«Хорионт» (ГДР)

На днях я просматривал реакционные немецкие газеты за 1922 год. Меня интересовало, что они писали тогда о конференции в Генуе, первой международной конференции, на которую была приглашена официальная советская делегация. В целом корреспонденции мало чем отличались от обычной антисоветской страпани (хотя после заключения Рапалльского договора некоторые газеты стали сдержаннее). В прессе такого пошиба либо вообще не упоминалось о разработанном по инициативе Ленина и изложенном на конференции Чичериним предложении о всеобщем разоружении, первой такого рода программе, либо газеты отделивались злобными репликами. Любопытства ради я поднял подшивки тех же газет за ноябрь 1917 года:

в них опубликованы всевозможные жуткие истории о событиях в Петрограде, а ленинский Декрет о мире упомянут лишь одной фразой, если вообще упомянут...

Как изменился мир с тех пор, несмотря на все потуги империализма помешать этому! Сегодня ни одно буржуазное издание, будь оно хоть трижды реакционным, не может просто игнорировать советские мирные предложения. Поэтому недавняя речь Л. И. Брежнева на съезде профсоюзов в Москве сразу же оказалась в центре внимания мировой печати, экстренных выпусков новостей многочисленных телевизионных компаний и радиостанций.

В эти дни в адрес СССР и лично Л. И. Брежнева направляется много добрых слов глубокой признательности и сердечной благодарности за новый благородный шаг, направленный на упрочение мира.

В ГДР речь советского руководителя встретила единодушное одобрение. В своих комментариях наша пресса, радио и телевидение расценивают ее как новое свидетельство доброй воли Советского Союза, его стремления обсудить любые, даже самые сложные международные проблемы за столом деловых переговоров и своим новым конкретным шагом создать для этого соответствующую атмосферу. В выступлениях видных деятелей ГДР находит свое отражение тесное единение нашей республики со страной, чье появление на мировой арене позволило превратить

идею о сохранении мира из утопии в реальную возможность. К счастью, такую же позицию занимают и многие другие государства.

На этом фоне попытки борзописцев желтой прессы и их подстрекателей на Западе опорочить мирную инициативу Москвы выглядят несостоятельными. Наблюдая за интригами журналистов некоторых западных изданий, задаешься вопросом, когда наконец эти люди осознают ответственность за судьбы человечества и откажутся лить воду на мельницу агрессивных кругов империализма, которые, дай им волю, ввергли бы мир в катастрофу.

Как бы то ни было, нельзя отрицать следующие факты:

— первым шагом молодой Советской власти было провозглашение ленинского Декрета о мире;

— первое настоящее предложение о разоружении было представлено Советской Россией на международной конференции в Генуе в 1922 году;

— в основе каждого нового шага, каждого нового договора, направленного на разрядку международной напряженности и обеспечение прочного мира, лежат предложения из Москвы. Назовем лишь некоторые из них, наиболее примечательные: совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе; нераспространение ядерного оружия; запрещение бактериологического оружия.

Готовность советской стороны вновь пойти навстречу — очеред-

ная акция в этом направлении. Каждому, кто сравнит ее с заявлениями и поступками ведущих государственных деятелей США в последнее время — отказ от ратификации ОСВ-2, раздувание военного бюджета, разработка нейтронной бомбы, форсирование планов размещения ракет в Западной Европе (здесь названы лишь некоторые из них), — каждому, кто непредвзято смотрит на вещи, станет ясно, откуда исходит мир и взаимопонимание, а откуда грозит опасность. Эти две линии мировой политики демонстрируют как на словах, так и на деле неразрывность таких понятий, как социализм, мир и взаимопонимание, с одной стороны, и таких, как империализм, война и конфронтация — с другой.

Речь Л. И. Брежнева придает новые силы всем, кто с разных позиций, но сообща выступает за то, чтобы уберечь нашу планету от ядерной катастрофы. Эта борьба сотен миллионов людей протекает в несказанно тяжелых условиях — ведь им противостоят империалистические авантюристы, не останавливающиеся ни перед чем. Но сторонники мира могут победить в этой борьбе, ибо на их стороне в конечном счете самые мощные силы. Убедительным доказательством тому служит весь ход событий в мире, начиная с Петрограда 1917 года, через Геную 1922 года и вплоть до наших дней, когда из Москвы поступил новый сигнал, который никто не может пропустить мимо ушей.

Берлин.

ВЫДАЮЩИЙСЯ СЫН ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

7 апреля Генеральному секретарю ЦК Коммунистической партии Вьетнама, выдающемуся сыну вьетнамского народа, видному деятелю международного коммунистического и рабочего движения товарищу Ле Зуану исполняется 75 лет.

Жизнь товарища Ле Зуана, с юношеских лет связавшего свою судьбу с революционной борьбой,— яркий пример неутомимого служения делу партии и народа. Вступив в компартию при ее рождении, в 1930 году, товарищ Ле Зуан прошел славный путь борца за народное счастье. За свою революционную деятельность он неоднократно подвергался преследованию колонизаторов, прошел через годы тяжелых испытаний в колониальных тюрьмах.

Победа Августовской революции в 1945 году принесла свободу вьетнамскому народу. Однако французские колонизаторы, стремясь восстановить во Вьетнаме утраченное господство, развязали агрессивную войну против молодой республики. Товарищ Ле Зуан, будучи в то время секретарем южновьетнамского бюро Компартии Индокитая, развернул работу по организации отпора захватчикам и местным реакционерам.

После разгрома Французских колонизаторов и подписания Женевских соглашений 1954 года, когда Северный Вьетнам вступил на путь мирного строительства, товарищ Ле Зуан отдает все свои силы борьбе за мирное воссоединение родины, за создание материально-технической базы социализма в Северном Вьетнаме.

В сентябре 1960 года в Ханое проходил III съезд партии. Президент Хо Ши Мин назвал его «съездом строительства социализма в Северном Вьетнаме и борьбы за мирное объединение страны». На этом съезде товарищ Ле Зуан был избран первым секретарем Центрального Комитета партии и с тех пор беспрерывно находится на высшем партийном посту. Всю свою энергию, богатейший жизненный опыт товарищ Ле Зуан отдает делу строительства социализма, превращения Вьетнама в процветающее социалистическое государство.

После освобождения Юга и воссоединения страны, о чем мечтали многие поколения вьетнамцев, народ получил возможность отныне и навсегда жить под одной крышей. Помешать этому вздумали китайские экспансионисты, развязавшие в 1979 году открытую агрессию против Вьетнама, но они получили сокрушительный отпор. Это были годы решения исключительно сложных проблем, связанных с заживлением ран, оставленных разруши-

тельными войнами, с переводом экономики страны на мирные рельсы, с преобразованием в Южном Вьетнаме всей системы производственных сил и производственных отношений, с созданием в масштабах всей страны материально-технической базы социализма. На этом пути достигнуты немалые успехи, преодолены многие трудности и препятствия.

Товарищ Ле Зуан внес огромный вклад в решение всех этих задач, в разработку стратегии и тактики вьетнамской революции на новом этапе ее развития, проблем, связанных с переходом Вьетнама к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

В статьях и выступлениях товарища Ле Зуана дается анализ положения в стране, показывается творческое использование Коммунистической партией Вьетнама богатого опыта КПСС, других братских партий в строительстве социализма.

Товарищ Ле Зуан внес большой личный вклад в разработку и осуществление внешнеполитического курса партии, отвечающего стремлениям вьетнамского народа к мирной

и счастливой жизни. Этот курс выражается в укреплении братской дружбы и всестороннего сотрудничества со всеми странами социалистического содружества, в развитии взаимопонимания и добрососедских отношений с народами Юго-Восточной Азии, со всеми государствами мира.

Товарища Ле Зуана — боевого соратника Хо Ши Мина — хорошо знают в Советском Союзе и во всем мире как видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, последовательного борца за укрепление сплоченности стран социализма, рядов коммунистического и национально-освободительного движения, всех революционных сил современности, за торжество марксистско-ленинских идей.

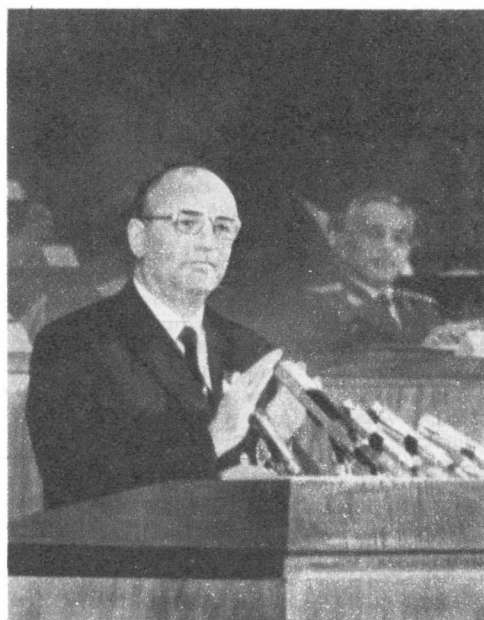
Много сил и энергии отдает товарищ Ле Зуан укреплению братской дружбы и всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Вьетнамом.

Советский Союз оказывал и оказывает братскому Вьетнаму большую и разностороннюю помощь в решении стоящих перед страной народнохозяйственных задач, плечом к плечу выступает с ним на международной арене. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркивал, что «советские люди близко к сердцу принимают дела и заботы героического вьетнамского народа. Широкая поддержка братского Вьетнама в Советском Союзе встречает полное одобрение. Мы, — отмечал Л. И. Брежнев, — солидарны с активной, миролюбивой внешней политикой СРВ, направленной на развитие добрососедства и сотрудничества в Юго-Восточной Азии, превращение этого района в зону мира и стабильности».

Отмечая выдающиеся заслуги Ле Зуана в борьбе за мир и безопасность народов, Комитет по международным Ленинским премиям присудил ему премию «За укрепление мира между народами» за 1979 год. В этой высокой награде ярко отражено уважение всех людей доброй воли к славному сыну вьетнамского народа.

За большие заслуги в революционном движении, в укреплении мира и социализма, за активный вклад в развитие дружбы и всестороннего сотрудничества между народами СССР и СРВ Ле Зуан награжден высшей наградой Советского Союза — орденом Ленина. В этой награде не только признание больших заслуг юбиляра, но и проявление глубокого уважения, которое питают советские коммунисты, советский народ к славному сыну вьетнамского народа, беззаветному борцу за народное счастье.

Е. ПАВЛОВ

СЪЕЗД ВЬЕТНАМСКИХ КОММУНИСТОВ

27 марта в Ханое в торжественной обстановке открылся V съезд Коммунистической партии Вьетнама. С политическим отчетом Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама выступил Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан.

Съезд заслушал доклад члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Совета Министров СРВ Фам Ван Донга «Основные направления, задачи и цели экономического и социального развития страны на 1981—1985 годы и на период до конца 80-х годов», а также до-

клады члена Политбюро ЦК КПВ Ле Дык Тхо «О работе в области партийного строительства» и «Некоторые предложения о частичных изменениях в Уставе партии».

Тепло встретили присутствующие выступления главы делегации Коммунистической партии Советского Союза, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. От имени ЦК КПСС, от всей нашей партии и советского народа он пожелал коммунистам и народу Вьетнама новых больших побед в социалистическом строительстве.

На трибуне V съезда КПВ глава делегации КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Фото ВИА — ТАСС.

4 апреля национальный праздник Венгрии — День освобождения от фашистских захватчиков.

Народную Венгрию и Советский Союз связывают тесные узы дружбы и сотрудничества. Одним из примеров взаимовыгодных деловых связей двух стран является сотрудничество в области птицеводства. Во всем мире знают марку крупнейшего в Венгрии сельскохозяйственного комбината Баболна. С участием его специалистов в Советском Союзе создано четыре крупных птицеводческих хозяйства. В одном из них побывал наш корреспондент.

Виталий ЗАСЕЕВ
Фото автора

За окном еще властвовала зима. Серые сугробы тускло отражали холодное солнце, когда директор Орельской птицефабрики, что близ Днепропетровска, Иван Федорович Головкич подсчитывал будущие годовые доходы. Отточенный «конструктор» в его руке выводил на бумаге цифры. Фабрика бройлеров начала строиться в апреле 1979 года и к концу 1981-го дала государству 7520 тонн первоклассного птичьего мяса, а на финише нынешнего года даст двенадцать тысяч тонн.

— Наша основная задача — к концу третьего года пятилетки выйти на проектную мощность комплекса. А это значит, что в торговую сеть и на предприятия

селок. На комбинате одновременно выращивается более трех миллионов суточных цыплят, а производство яиц достигает трехсот миллионов в год. Все эти сведения я узнаю от Иштвана Магела — венгерского эксперта-консультанта, с которым иду осматривать хозяйство Орельской птицефабрики. Иштван небольшого роста, обстоятельный молодой человек, неплохо говорит по-русски, окончил сельскохозяйственный университет, потом еще три года специализировался на высших курсах по выращиванию домашней птицы. Он не раз выезжал по заданию Баболнайского хозяйства в нашу страну, Сирию, Ирак. Кстати, в эти и другие страны Ближнего Востока Баболна только за год поставляет сто тридцать пять миллионов инкубаторных яиц, почти восемь миллионов суточных цыплят мясной породы и более двух миллионов яйценосной породы. Для своих экспортных целей ком-

плекс, — поясняет Магел. — На основе собственных экспериментов в Баболне сложился свой метод кормового хозяйства, основа которого — промышленная система выращивания кукурузы. В этой системе участвуют двести пятьдесят хозяйств. Расчеты показывают, что в результате неразрывного единства технологического процесса и улучшенной организации производительность труда при использовании баболнайской системы выращивания кукурузы в десять раз (!) превышает показатели хозяйства, выращивающих эту культуру по старинке. Сейчас в Баболне действует крупнейший в Венгрии завод кормов производительностью двести сорок тысяч тонн в год. Это позволяет нам без ущерба для своих нужд поставлять корма в те страны, куда летают баболнайские цыплята...

К нашей беседе присоединяется заместитель директора птицефабрики по производству Иван Иванович Васильченко. Он был в числе первых строителей комплекса и много сил вложил в организацию работы. Сегодня Иван Иванович отвечает за жизнь почти двух миллионов цыплят — такова единовременная посадка молодняка. Через пятьдесят шесть дней — две недели санитарного режима, и птичники вновь заполняются поселенцами.

— Велик ли падеж цыплят? — спрашиваю у Васильченко.

стного комитета Компартии Украины Евгений Радионович Чулаков с удовольствием вспоминает, что и строители объединения «Днепросельстрой» и монтажники из Венгрии работали дружно.

— Такой энтузиазм и взаимопонимание царили на стройке, — говорит Е. Чулаков, — что, казалось, люди строят нечто грандиозное, а не обыкновенную птицефабрику. Зато когда оканчивалась рабочая неделя, было приятно видеть, как наши строители вместе с венгерскими товарищами садились в автобусы и уезжали на экскурсии в Запорожье, на Азовское море, вместе с семьями отправлялись в знаменитые зоны отдыха Приднепровья. И всем нам было радостно узнать, что за досрочный пуск первой очереди птицефабрики генеральный директор Баболнайского комбината Роберт Бургерт и его заместитель Дьердь Хоффер удостоены высоких правительственных наград нашей родины — ордена Дружбы народов.

— Чем обогатил наши страны опыт совместной работы по строительству Орельской птицефабрики и других комплексов промышленного производства птичьего мяса? — этот вопрос по возвращении в Москву я адресовал начальнику Птицепрома СССР Ивану Александровичу Бахтину.

— Во-первых, — говорит И. А. Бахтин, — наши достижения демонстрируют перед всем миром

ЦЫПЛЯТ СЧИТАЮТ КРУГЛЫЙ ГОД

Венгерские специалисты Иштван Магел (слева), Янош Фортуна и птичница Нина Алахова трудятся на Орельской птицефабрике.

общественного питания будет ежегодно поступать около шестидесяти тысяч тонн бройлерного мяса, — говорит Иван Федорович Головкич с уверенностью. А ведь речь идет, думаю я, не о разведанной добыче угля, не о возведении здания, когда под рукой и материалы и техника, но о крохотном теплом комочке жизни, которого с первых минут появления на свет подстерегает множество опасностей.

— Современная технология, — продолжает он, — я подчеркиваю, именно технология выращивания птицы гарантирует от всяких случайностей. Наш птицекомплекс сооружен на основании решения советско-венгерской межправительственной комиссии при непосредственном участии монтажников из братской страны. Все оборудование нашей фабрики венгерское. Это и установки искусственного климата, и кормораздатчики, и автопоилки. Надо отдать должное венгерским друзьям — вся техника работает безупречно.

Баболна! Во всем мире известны сегодня этот небольшой по-

бинат ежегодно около полутора тысяч раз арендует транспортные самолеты.

Мы подходим к одному из ста четырнадцати домиков, где разместились часть птичьего царства — двадцать две тысячи цыплят. Неделью назад вылупившись в Баболне, они прилетели специальным рейсом из Будапешта, куда были доставлены по скоростной трассе в автобусах с искусственным климатом. Здесь им предстоит провести восемь недель. После того, как цыплята наберут товарный вес, их отправят в торговую сеть.

В птичнике по-летнему тепло и сухо. Окон нет, но электрического солнца, судя по всему, хватает на всю птичью братву: цыплята подвижны, голосисты. Вдоль стен и по центру, из конца в конец, стоят круглые оранжевые поилки. Зрелище такое, будто целая армия мотоциклистов, разложив свои шлемы, забыла вернуться за ними. Вода и корм для молодняка подаются автоматически и бесперебойно.

— Главное в нашей системе выращивания птиц — кормовой ра-

— Не более четырех-пяти на сотню, — отвечает Иван Иванович.

— А сколько работников обслуживает птичник?

— Всего два оператора необходимо, чтобы каждый из двадцати двух тысяч поселенцев одного птичника был и накормлен и напоен, — сообщает заместитель директора. Потом он знакомит меня с лучшими производственными хозяйствами Ниной Алаховой, Марией Ишковой, Кириллом Кривобок, Любовью Кваша и продолжает: — Все наши девочки работают с особым старанием и заботой. Каждая из них знает, что только один грамм лишнего привеса дает хозяйству дополнительно более ста десяти тонн мяса. Так что благодаря усилиям наших работников и всего коллектива в целом Орельская фабрика бройлеров уже в прошлом году получила около одиннадцати миллионов рублей чистой прибыли, а за XI пятилетку обязалась полностью окупить все затраты на сооружение птицеграда.

Бывший парторг строительства Орельской фабрики, а ныне секретарь Днепропетровского обла-

неоспоримые преимущества социализма, позволяющего сочетать как общие, так и национальные интересы стран социалистического содружества. Во-вторых, и это не менее важно, мы общими усилиями решаем продовольственную проблему. Мы рады тому, что в 1979 году известный на весь мир Баболнайский комбинат из Венгерской Народной Республики приступил к выполнению крупнейшего в своей истории контракта — создать в Советском Союзе четыре предприятия по откорму домашней птицы общей стоимостью 80 миллионов рублей. Уже нынешней весной в Ессентуках, Киеве, Барановичах и Днепропетровске вступили в строй в общей сложности 516 производственных птицеводческих построек. После завершения строительства кормосмесителей, инкубаторов, лабораторий производство домашней птицы в нашей стране возрастет на 160 миллионов голов. Будет расти товарооборот между Венгрией и Советским Союзом, а следовательно, экономика обоих государств получит новый импульс в своем развитии.

ПОЗЫВНЫЕ ПРАЗДНИКА ТРУДА

В Москве на 2-й Хуторской улице расположен небольшой завод, возникший в середине прошлого столетия. Выпускают там сейчас в основном элементы гидравлических приводов — это механизмы, без которых не тронутся с места строительные и дорожные машины: экскаваторы, бульдозеры, скреперы, подъемные краны. Детали к этим машинам отправляют отсюда более чем по семистам адресам в Советском Союзе и в сорок стран мира.

Коллектив машиностроительного завода имени М. И. Калинина одним из первых среди предприятий столицы откликнулся на призыв провести общемоковский субботник, посвященный дню рождения В. И. Ленина. Был создан заводской штаб. Обязательство приняли высокое: выпустить 17 апреля продукции на сумму 51,5 тысячи рублей, причем более половины произвести за счет сэкономленных топливно-энергетических ресурсов. Кроме того, маши-

ностроители обязались собрать и сдать в день субботника не менее 15 тонн металлолома. Много людей будет трудиться там, где требуется благоустройство и уборка территории завода, жилого фонда. Пример, конечно, покажут передовые люди завода. Среди них — комплексная бригада станочников Михаила Шипова. Пришел он на завод десять лет назад восемнадцатилетним парнем. Профессия токаря-полуавтоматчика понравилась ему. Отслужив три года

на флоте, молодой рабочий вернулся на родное предприятие. Здесь заметили его активность, дисциплинированность, чуткое и отзывчивое отношение к товарищам. Шипову доверили возглавить комплексную бригаду. Коллектив сложился крепкий, дружный. Рабочие стремились показать себя с самой лучшей стороны. Каждый научился работать на нескольких станках. Это обеспечивает взаимозаменяемость. Трудятся Шипов и его товарищи ритмично, без авралов, задания ежемесячно перевыполняются. Только в нынешнем году они трижды оказывались победителями в соревновании заводских бригад. На прошлогоднем субботнике бригада М. Шипова выполнила дневную норму на 176 процентов. «Думаю, что и в этом году, — говорит бригадир, — поработаем не хуже. Не подкачаем! Мы взяли обязательство выполнить сменное задание не менее чем на сто пятьдесят процентов».

В субботу 17 апреля рабочие и служащие завода займут свои рабочие места. И каждый постарается сделать все, на что он только способен.

* * *

Это стало традицией — с приближением весны москвичи выступают с призывом ознаменовать день рождения В. И. Ленина субботником. Показательные результаты ударного труда коллективов столицы в дни коммунистических субботников, проведенных в 1969—1981 годы: промышленность Москвы произвела продукции на сотни миллионов рублей. Большая часть денежных поступлений была направлена на строительство учреждений здравоохранения, просвещения и культуры. За счет этих средств в Москве построено около 90 объектов, в том числе в 1981 году — 3 больницы, 5 поликлиник, 7 детских дошкольных учреждений.

Таков вклад москвичей.

Марат ЦЕБОЕВ

Мариэтта Сергеевна ШАГИНЯН

Советская многонациональная литература понесла тяжелую утрату. На 94-м году жизни скончалась выдающаяся писательница, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, член КПСС с 1942 года Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Жизнь и творчество М. С. Шагинян неразрывно связаны с историей становления нашего общества. Следуя горьковским традициям, она всецело посвятила свой талант художника и публициста борьбе за созидание новой жизни. В годы первой пятилетки, будучи специальным корреспондентом «Правды» и «Известий», писательница создает серию очерков о социалистических преобразованиях в стране. В ее романе «Гидроцентральный» отражен трудовой героизм советских людей. Широкую известность получила книга «Урал в обороне» о под-

виге рабочего класса в годы Великой Отечественной войны.

М. С. Шагинян внесла достойный вклад в советскую Лениниану. Тетралогия «Семья Ульяновых» — «Рождение сына», «Первая Всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока у Ленина» — пользуется большой популярностью и любовью читателей. В произведениях М. С. Шагинян постоянно проявлялось мастерство, широкая эрудиция, неиссякаемый творческий темперамент писателя-коммуниста.

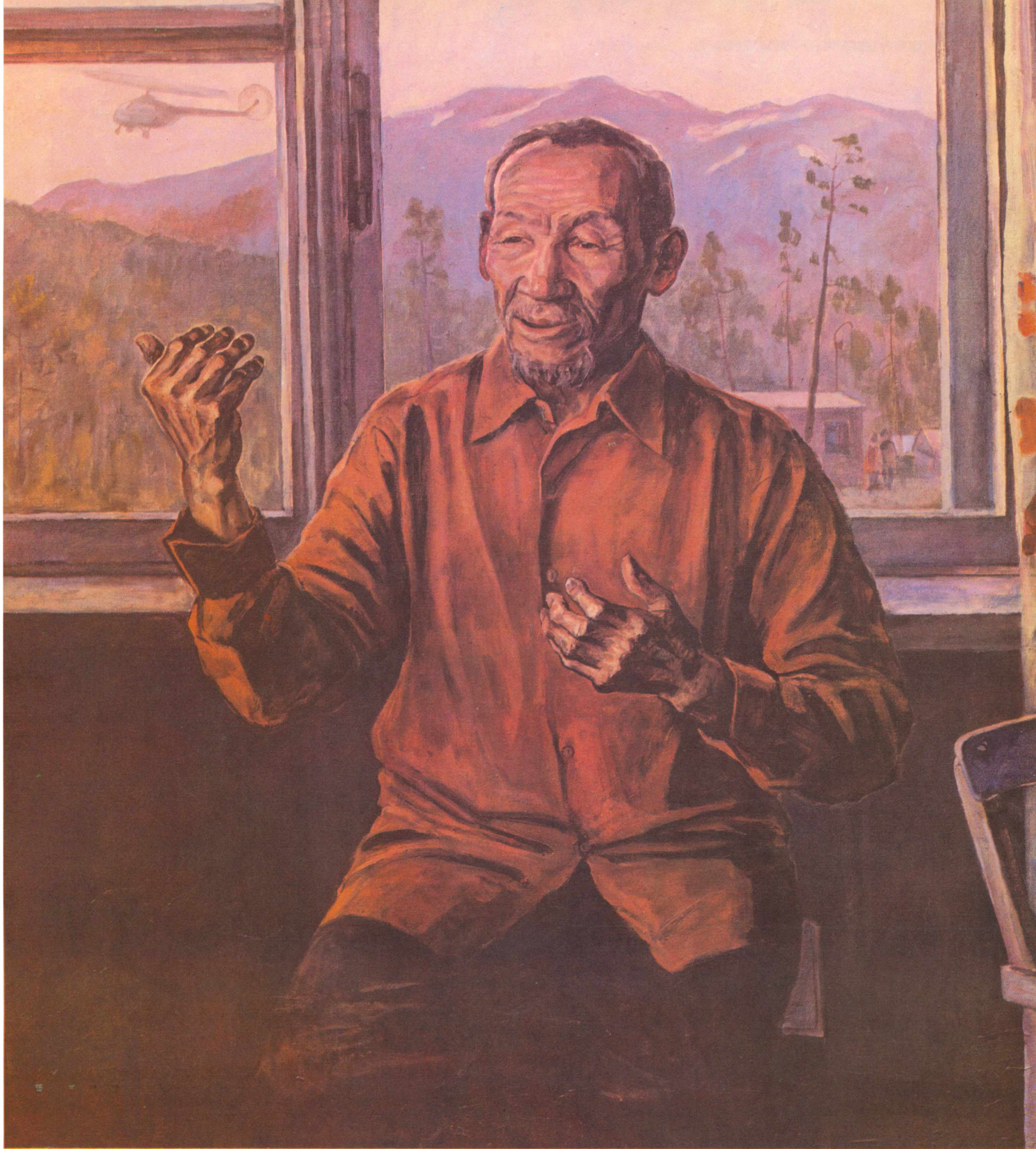
Старейший мастер литературы социалистического реализма М. С. Шагинян щедро делилась своим жизненным и творческим опытом, облада-

ла качествами мудрого воспитателя литературной смены.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги М. С. Шагинян в развитии многонациональной советской литературы. Ей присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, она награждена двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов, Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями.

Пламенный патриот своей Родины, человек большой культуры и личного обаяния М. С. Шагинян навсегда останется в памяти народа.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, К. С. Демирчян, В. Н. Макеев, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжелников, В. Ф. Шауро, Б. Н. Пастухов, Б. Е. Саркисов, Ф. Т. Саркисян, В. И. Кочемасов, А. М. Роганов, Г. М. Марков, Ф. А. Абрамов, С. А. Азимов, Ч. Айтматов, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, Н. В. Думбадзе, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, Е. А. Исав, М. Каноатов, В. В. Карпов, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, С. В. Михалков, Д. Мулдагалиев, В. М. Озеров, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), А. А. Сурков, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. А. Шолохов.

Н. Инокентьев. Род. 1946. ПОРТРЕТ ВЕТЕРАНА ТРУДА Х. И. РУФОВА. 1980,

А. Грицай. Род. 1950. ВЕСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ. 1981.

ВАХТА ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Александр ПОПОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Северо-восток европейской части страны... Его часто называют еще русским Севером. Край — ларец, доверху наполненный драгоценностями. Здесь открыты новые месторождения нефти, газа, угля, горючих сланцев, титана, бокситов, край, располагающий огромными лесными и водными ресурсами. Здесь, на территории Коми АССР и Ненецкого автономного округа, еще в десятой пятилетке начато формирование Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса. Дальнейшее развитие его предусмотрено и в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

На огромном пространстве от Сыктывкара до Нарьян-Мара и Воркуты, среди тайги и в междуречье северных рек, их многочисленных притоков уже поднялись вышки буровых — идет нефть русского Севера, выросли новые поселки и города — обживается край, в прошлом дикий и малонаселенный, протянулись новые нитки трубопроводов и дороги, строятся компрессорные станции и нефтегазоперерабатывающие заводы — конкретные результаты огромного труда буровиков, нефтяников, газовиков, строителей. Человек пришел сюда полноправным хозяином окончательно и навсегда. Но у Севера характер крутой, жесткий, покоряется Север трудно. Однако уже сегодня проникнуть к северным богатствам помогает вахтовый метод. «Огонек» за последние годы неоднократно обращался к этой теме, рассказывал о возможностях такого приема освоения Севера. Но вахта — не значит споздания на работу, беспорядок на производстве, невыполнение планов, неуют... Время идет, и этот испытанный метод требует своего дальнейшего совершенствования.

НА РАБОТУ — САМОЛЕТОМ

Вечером в вагончике, где разместились контора нефтепромысла, наконец-то стало тепло. На вечернюю оперативку собралось руководство всех служб и участков — добрых полтора десятка людей, — и в небольшом помещении с невысоким потолком быстро надышались. Многим скоро показалось жарко — расстегнули тулупы, сдвинули шапки на затылок: началась энергичная прикидка работы на завтра. Тут станет горячо, если мороз под сорок, техника не выдерживает, люди болеют, а работа не ждет — нефть должна подаваться круглосуточно. Через час наряды расписали, технику и людей распределили, все утрясли, уладили. К семи часам разошлись, чтобы завтра снова начать бурить, чистить скважины, прокладывать трубы, строить насосные станции.

Но утро следующего дня распорядилось по-своему. На работу не выехали сразу несколько спецмашин для прогрева нефти. Диспетчерская служба сообщила о прорыве труб на одном из коллекторов. Хватились за сварку — осечка, не нашлось, кому запустить сварочный агрегат. Началась беготня, поиски людей, техники. Все полетело кувирком, что было намечено с вечера.

Старший инженер промысла Владислав Журавлев сел за телефон: «Выручай, Олег! — говорил он кому-то в трубку. — Несколько швов на коллекторе... Так, небольшой порыв. Что — свои? Вахта из Ивано-Франковска где-то крепко засела, не прилетела в Усинск. Старая история...»

Журавлев тогда договорился с соседом, начальником участка из ПМК-1 (передвижная механизированная колонна) Олегом Каличем. Калич выручил, его сварщики заваривали трещины на трубах. К тому времени начальник нефтепромысла Александр Алексеевич Алексашин снял часть людей из других транспортных хозяйств и посадил на спецмашины. Только к полудню стал налаживаться привычный ритм на производстве.

Что же произошло в тот день на 4-м нефтепромысле НГДУ (нефтегазодобывающее управление) «Усинскнефть»? Почему то, что намечили с вечера, было выполнено только наполовину?

Как выяснилось, дело обстоит так. Вечером

ждали вахту из Закарпатья, которая должна была сменить операторов, шоферов, сварщиков, отработавших свои пятнадцать дней на промысле и готовых улечься утром домой, на отдых. Планы составлялись в расчете на свежее, отдохнувшие силы. Но самолет со сменой то ли по погодным условиям, то ли по каким-то другим причинам задержался где-то в пути. Люди, которых должны были заменить, утром на работу не вышли, ждали: вот-вот прилетит сменная вахта. Так неожиданно-негаданно создавалась критическая ситуация. Но полного провала не произошло. Вывернулись на промысле... Но какой ценой!

Позже я узнал, что летают самолетом на работу в Усинский район вахты не только из Закарпатья. Спецрейсами доставляются сюда рабочие и специалисты из Белоруссии, Татарии, Башкирии, Волгоградской области, Калуги, Москвы. Только в НГДУ «Усинскнефть» трудятся около 500 летающих, не говоря уж о буровиках, геологах, рабочих различных ПМК. Счет идет на тысячи.

Раз летают люди через всю страну на работу, значит, в этом есть необходимость? Безусловно. Геологи-разведчики уходят все дальше на Север, открывают новые месторождения нефти и газа. А там, где новые промыслы, там и новые люди. Обойтись теми, кто работает на обжитых месторождениях, практически невозможно. Запасы нефти и газа на них еще далеко не исчерпаны и работы хватает. Поэтому на новые месторождения остается возить людей издалека.

Таковыми рассуждениями начался наш разговор с одним из лучших операторов нефтепромысла Расульямом Тавабиловым. Расульям на Севере вот уже шесть лет. Так что по праву его можно назвать старожилом в здешних местах. Одним из первых он начинал работать на Возейском нефтяном месторождении, которое продолжает разрабатывать и 4-й нефтепромысел.

— Так-то оно так, — согласился Тавабилов, — но будем говорить конкретнее. Сейчас я оператор, моя обязанность прочитывать металлические скребками скважины. В нашей нефти много парафина, который оседает на стенках труб. Попросту я рабочий. Но у меня диплом Саратовского политехникума. Окончил отделение добычи нефти и газа. После учебы работал здесь мастером. Но недолго выдержал в начальниках, попросился в операторы. Сейчас

у нас на скважинах сорок четыре оператора. Сколько, думаете, из них постоянно живут в поселке? Двенадцать... Остальные летающие. Две недели здесь, две недели дома. Сегодня вахта опоздала на день. Это пустяк. У меня в бригаде не раз бывало так, что мы ждали смену третьего, а она прилетала только пятнадцатого. Попробуй тут добейся порядка! Один едва ноги таскает на работе — оператор весь день на улице, на морозе, — ждет-пождет сменщика! А тот в это время от безделья мается где-нибудь в аэропорту, в зале ожидания. Только прилетела вахта — шаш! — сменяемые немедленно бросают работу и мчатся собирать вещи, ведь им надо еще успеть на самолет в обратный рейс. А скважины остаются без присмотра, добыча нефти падает. Не говоря уже о том, сколько мы из-за этого инструмента потеряли. Бросают и уходят. На следующий день сменщик ищет, ругается, а работа-то стоит... Вечером начинаешь подводить итоги — опять норму не выполнили! Смотришь, такая же картина и у соседа. А в итоге получается так, что в прошлом году НГДУ с планом не справилось.

Рассуждения оператора во многом проливали свет на утренние неурядицы 4-го нефтепромысла. Возникал вопрос: а как сами летающие? Что они думают о своей кочевой жизни? И вот встреча с Василием Алексеевичем Филимоновым, помощником мастера на 471-й буровой. Пятый год летает Филимонов на Север из Куйбышевской области. За время вояжирования между вагончиком на буровой и домом, где остаются жена и двое детей, немало повидал и выдержал. Поэтому на мой вопрос, чем привлекает такая хлопотная жизнь, только рукой махнул:

— Чего уж тут привлекательного по аэродромам мотаться! Дома жена наседает: «До каких пор бродяжничать будешь?» И она права, в семье должен быть мужчина. Надо детей воспитывать, за хозяйством смотреть. А получается, что и родных видишь мимоходом, и на производстве работаешь не с полной отдачей сил. Пока прилетишь, пока в ритм войдешь, смотришь, двух дней как не было. Но самое мутное, когда сутками в аэропортах сидишь. Заняться нечем, кроме как газету или книгу почитать. Поэтому и пьют чаще всего во время перелетов... Сколько раз жена говорила: «Бросай! Всех денег не заработаешь!» А я не могу: не только ради денег здесь, привык к Северу, люблю свое дело...

Мы сидели с Филимоновым в его временном жилище, в вагончике, где вместе с ним жили еще трое буровиков. В комнате было жарко и душно. Питник, электрообогреватели, которые накрывают круглые сутки, съедают весь кислород. Где-то рядом с стеной раздавались голоса людей, что-то ухало и шипело. Температура на улице была минус сорок. Но люди работали. Несколько раз уходил посмотреть, как идут дела на буровой, Филимонов. Уходил в одной ватной безрукавке, надетой на свитер. К морозам Василий Алексеевич привык, а вот к частой разлуке с домом, судя по всему, нет.

— И как же вы полагаете жить дальше? — спросил я, когда Василий Алексеевич в очередной раз вернулся с буровой.

Филимонов не долго думал над ответом.

Мне показалось, что этот вопрос он сам себе уже задавал и нашел окончательный ответ.

— Что тут скажешь... Людям нужно жилье давать здесь, на Севере. Если бы у меня была квартира в Усинске, то я без раздумий переехал бы сюда семью. Я ездил бы к ним на выходные, а может, и чаще, тут как вахту организуешь... Вот сейчас я замещаю нашего мастера Николая Павловича Фадеева. Он уехал к семье в Усинск. Там у него квартира, сын скоро пойдет в школу. Обычно возвращается из дома хорошо отдохнувшим, со свежими силами. Тогда и работа ему в радость. Вот такая жизнь желательна для всех нефтяников... А то когда долго летаешь — я замечал за многими, — вырабатывается психология временно-

го здесь человека, появляется равнодушие к своим обязанностям, ко всему окружающему. Словом, беда...

Здесь мы на время прервем рассказ Василия Алексеевича. К нему мы еще вернемся. Прежде одна история.

ПОСЕЛОК В ТАЙГЕ

В начале года решением Усинского народного суда Мария Михайловна Миндубаева была оштрафована на 60 рублей. Кто такая Мария Михайловна и за что ее оштрафовали? Штрафом была наказана комендант нового вахтового поселка, который два года назад начало строить усинское НГДУ на 51-й буровой. Представьте себе среди невысокой тайги (60—70 километров отсюда на север уже и начинается тундра) несколько десятков вагончиков, балков, три сборных жилищных комплекса — вот и весь поселок.

Но как бы там ни было, в нем живут люди. И Мария Михайловна приняла это небогатое хозяйство, чтобы жилось в поселке хорошо и уютно. Человек с чувством порядка, она взялась за дело горячо.

Летом позапрошлого года посадила рядом с общежитиями два десятка елочек и березок. Деревья приживались трудно. Мария Михайловна долго ухаживала за ними: поливала, рыхлила почву, подкармливала удобрениями. Выходила. Глаз радовался, как поднималась среди неброского северного пейзажа красивая рожица.

Минувшей осенью случилось несчастье. Водитель огромного трехосного грузовика облюбовал аллею под стоянку как место сухое и чистое... На месте красивой посадки осталась глубокая колея.

Мария Михайловна рассказывала, что она не помнит в тот момент, когда случилась беда, как подбежала к машине. «Будь в моих руках тогда что-то тяжелое, — говорила она, — я бы, кажется, разнесла грузовик вдребезги!» Ничего тяжелого под руку не попало. И тогда она сорвала с машины номера.

Шофер подал в суд. Миндубаева выплатила за порчу государственного имущества 60 рублей.

Сейчас, как говорит Мария Михайловна, «все уже перегорело. Обидно, правда, но что делать. Я тоже была не права, номера следовало записать и составить акт. Но мне тогда было не до размышлений. Так больно стало... Уж очень хотелось, чтобы в поселке поуютнее было! И деревца трудно приживались, а как красиво начали расти».

— И не жалко было этому шоферу?! — невольно вырвалось у кого-то, когда Мария Михайловна рассказывала свою печальную историю.

— Какое там! Когда я подбежала к машине, шофера там не было, он спокойно ушел в столовую. В кабине оставался его напарник, который кричал мне через стекло: «Ты что, дура, спятила?! В лесу живешь, а три кустика пожалела!»

— А чей был грузовик?

— Из спец УТТ. Есть такая у нас организация — специализированное управление технологического транспорта. А там одни летающие. Они чувствуют себя здесь временными, поэтому им все равно.

Здесь я позволю напомнить читателю замечание Василия Алексеевича Филимонова о симптоме равнодушия, который ему приходилось наблюдать среди тех, кто летает в Усинск на работу из других областей страны, среди людей, в силу обстоятельств чувствующих себя в этих краях временными. Об этом болит сердце и Марии Михайловны Миндубаевой, которая столкнулась, по ее выражению, «с опасной болезнью вплотную». Филимонов судит еще более категорично — «беда», говорит он.

Но раз беда, нужно что-то предпринимать. Продолжим прерванные размышления Василия Алексеевича:

— ...Но чтобы отвести эту беду, надо не только больше строить жилья в Усинске, но и основательно заняться вахтовыми поселками. Прежде всего быстрее подводить к ним дороги, связывать с базовым городом. Иначе от вахтового поселка останется только одно название, что он вахтовый. Возьмите, например, поселок на 51-й буровой. Регулярного сообщения из-за бездорожья с Усинском нет. Люди, за исключением летающих, живут оторванно от внешнего мира. И что из этого получается?

...В поселке на 51-й буровой мы жили в рабочем общежитии. Общежитие, или, как его здесь называют, «комплекс», — новое, собранное из щитовых панелей полгода назад. Это теплое и удобное жилье. Чистые белые комнаты на троих, душевые, хорошо оборудованные прачечные и кухни. Рядом заложены — привозятся в комплексе с жилыми помещениями — фундаменты вместительной столовой, бани.

Поселились в общежитии в основном молодые операторы, специалисты: 140 парней и девушек. К слову сказать, скоро пустят в поселке второй такой комплекс. И кажется, все есть в общежитии, все предусмотрено, чтобы жилось в нем не хуже, чем дома. В красном

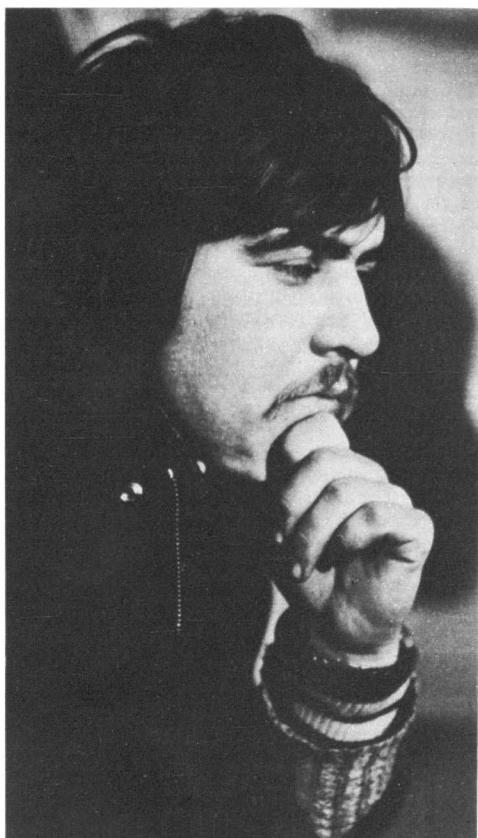
Современный северный пейзаж.

Вахта на буровой.

Во временном поселке под Усинском.

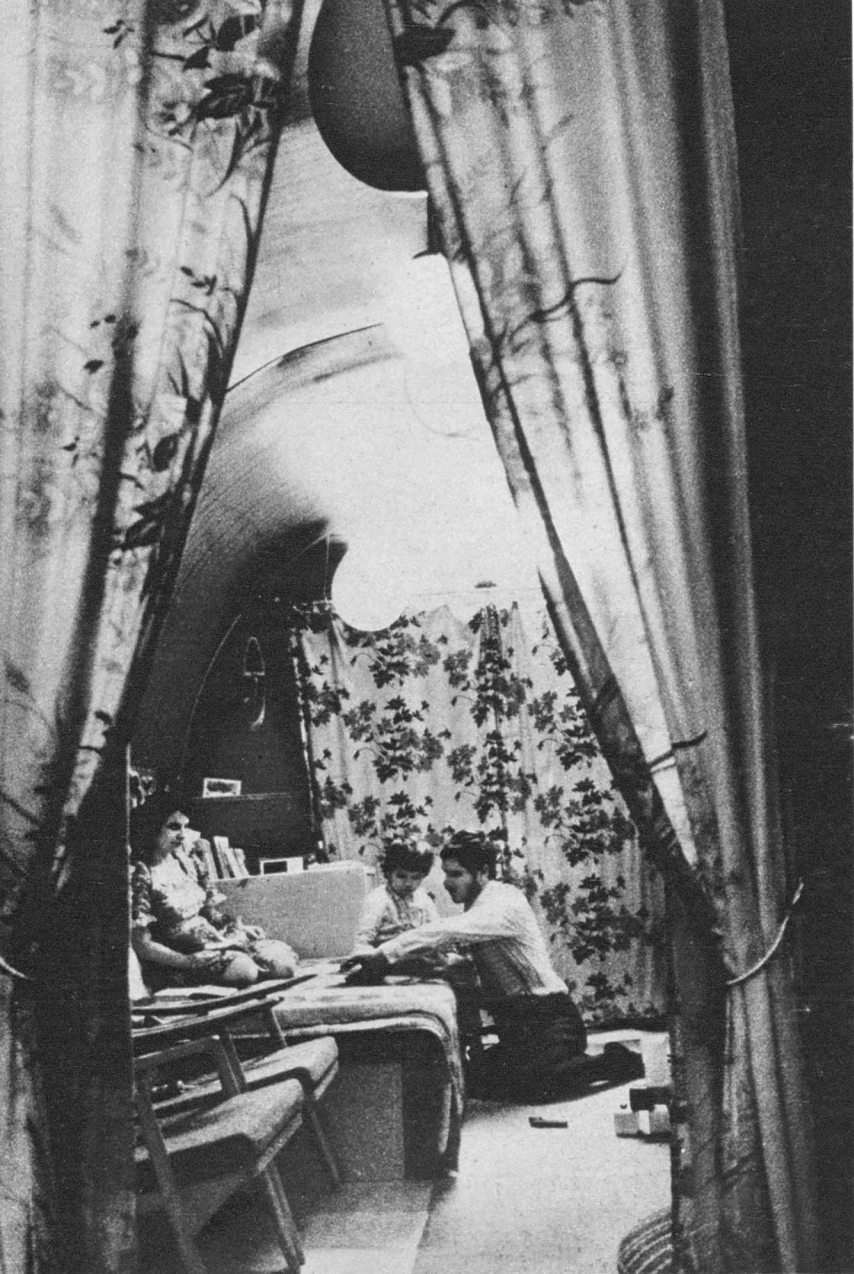

Минуты сосредоточения... Старший инженер 4-го нефте-
промысла Владислав Журавлев.

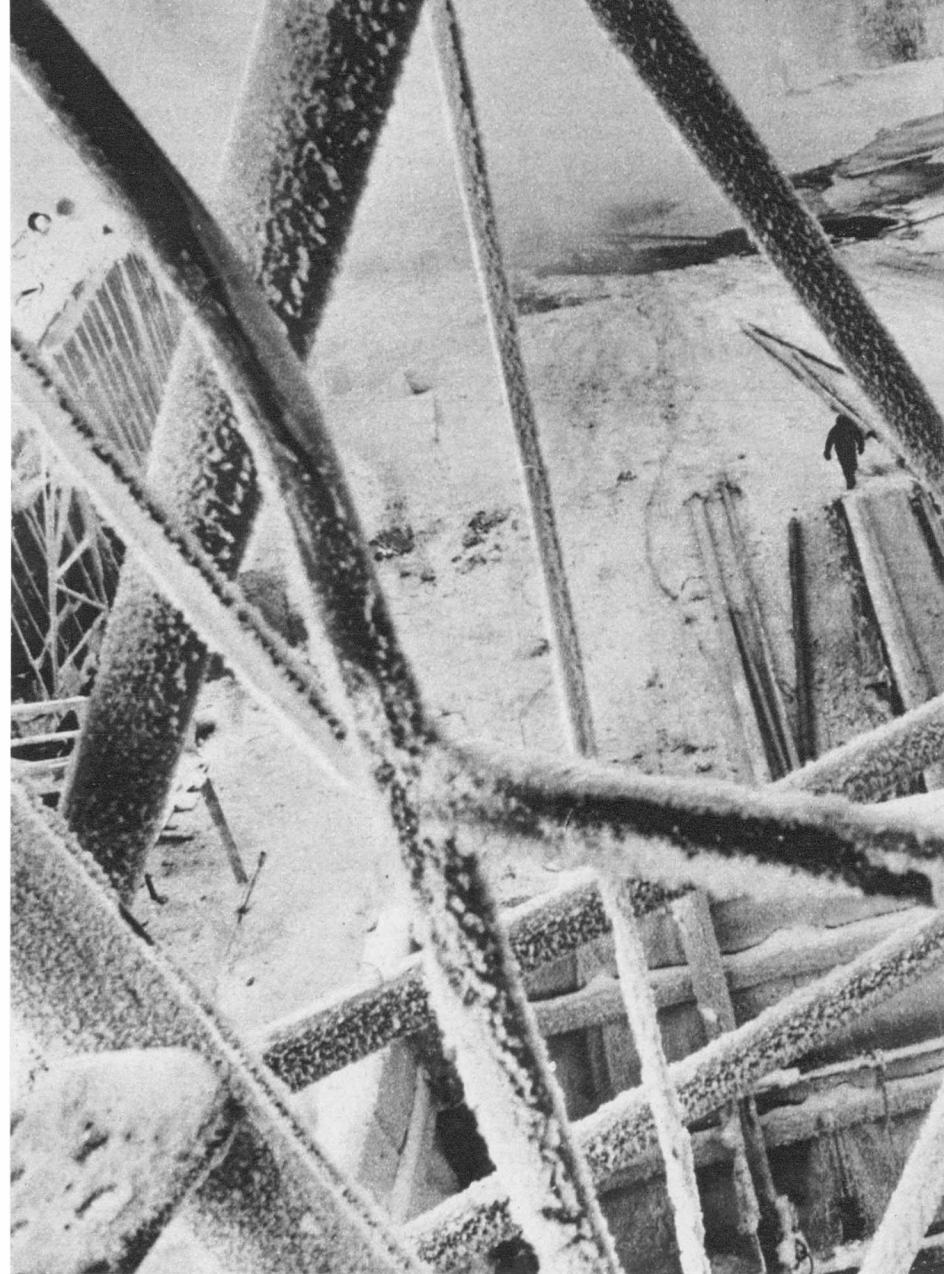

Свет мой, зеркальце, скажи... В рабочем общежитии на
51-й буровой.

В доме-бочке после работы.

На буровой.

уголке телевизор, библиотека, газеты, журналы. Начали проводить радио. По вечерам почти в каждой комнате играет магнитофон.

Но стоит разговаривать с молодежью по душам, как от девушек можно услышать грустное: «Ску-учно!» А от ребят более резкое: «Тоска!» Не поэтому ли Галя Ростопчина и Надя Кашпур, операторы технологических установок, приехавшие в Усинский район из Белоруссии после Речицкого ПТУ нефтяников, весной собираются уезжать обратно? Не оттого ли вечером после работы в общежитии можно встретить парня изрядно навеселе?

Чем дольше мы жили в общежитии, тем понятнее становились грустные настроения его жильцов. Телевизор по вечерам упорно молчал. Оказывается, ретранслятор в поселке старый, изношенный, передачи принимать отказывается или засыпает экраны «снегом». Библиотека небогатая и пополняется от случая к случаю. Все книги давно уже читаны-перечитаны. Поэтому наш старый знакомый Расульян Тавабилов подписал в этом году периодики ни много ни мало на 96 рублей. Выписал почти все, что позволял каталог — от «Юного техника» до «Сибирских огней». Правда, очень опасается Расульян за доставку, почта приходит в поселок с большим опозданием. «Медвежий угол, одним словом», — говорил он.

Однажды ночью заболел оператор из комнаты напротив. Неожиданно поднялся жар, температура подскочила под сорок. Лечили народными средствами. Врача у нефтяников в поселке нет. Есть фельдшерница у соседей-геологов, но она обслуживает людей из НГДУ, когда свободна от хлопот со своими. Утром наш больной не вышел на работу.

Больничный ему, как можно понять, никто не выписал. Пришлось ехать в районную больницу. До Усинска и обратно добирался на попутках. А если случится что-то более серьезное, требующее безотлагательной медицинской помощи? Как тут быть?

Выходит, есть от чего загрустить молодым ребятам из поселка на 51-й буровой? Получается, так.

«Основная беда у нас в том, что поселок пока только в теории вахтовый, — обронил однажды кто-то из парней. — Общежитие — наше постоянное место жительства. Другого жилья мы не имеем. Настроение у людей изменится, когда к нам проложат дорогу и дадут квартиры в Усинске. Тогда мы будем ездить сюда только на вахты. Как это делается в поселке Возей — тридцать километров южнее, в Западной Сибири... Жить в городе и работать здесь — это отличный вариант! И по-нашему правильно организованная вахта: удобна для людей и выгодна производству».

А что сам город? Как там расценивают мнение и проблемы людей с 51-й буровой? С такими мыслями мы уезжали из поселка в Усинск. Нас провожала Мария Михайловна Миндубаева. Приглашала приезжать летом и вроде нехотели неожиданно сказала:

— Вы заметили, в новом комплексе нет летающих. Мы их пробовали сюда селить, но потом стали пропадать дверные замки, ручки, лампочки. Пришлось их размещать по старым вагончикам.

— Слово изолировали... Подальше от соблазна?

Мария Михайловна неопределенно пожала плечами:

— А что делать, если разоряют... Что им?

Они здесь залетные... Так что другого выхода пока нет.

«Залетные?» — подумал я. Но Север-то мы осваиваем на века. А значит, и выход должен быть. Обязательно должен...

Посмотрим, что скажет на это Усинск, сегодня все дороги ведут в него.

БАЗОВЫЙ ГОРОД

Первое знакомство с Усинском состоялось вечером. Мороз, по московским меркам, ударил тогда лютый — сорок пять ниже нуля. Но улицы были полны людей, и стояла такая тихая безветренная погода, что скрип шагов ввинчивался сквозь шум мотора даже в кабину нашей машины. Искрился под фарами снег, светились неоновые вывески магазинов, мерцали над землей окна многоэтажных домов.

— Ну, чем не Теплый Стан у вас в Москве?! — сказал наш шофер Коля.

...Более тесно познакомились с городом, когда вернулись с промысла. Тогда мы узнали, что Усинск — город по своему внешнему облику, а по статусу, учитывая число жителей, это еще поселок. Но быстро растущий. И не исключено, что через два-три года Усинск по праву назовется городом. А пока в нем с временными близлежащими поселками свыше 40 тысяч жителей. Неплохой рост, если учесть, что жизнь начиналась здесь семь лет назад на голом месте, среди болот и тайги.

Усинск набирает силу. В последние годы начал особенно бурно строиться. Только в 1981-м местные строители сдали 57 тысяч квадратных метров жилья. Словом, основа города заложена прочная.

— Это верно, основа есть,— начал развивать мысль, когда мы встретились, заместитель председателя Усинского райисполкома Иван Петрович Артеменко,— но то, что построено на сегодня в поселке, к сожалению, еще далеко не удовлетворяет нас. Пока только тридцать восемь процентов населения обеспечены квартирами. Люди селятся по окрестным поселкам во временках, нередко самострой. Вам не показывали тут недалеко конгломерат из самодельных балков? Его метко прозвали «Нахаловкой». А куда денешься, если потребности пока опережают возможности... Большая проблема у нас с детскими садами и яслями. На пятилетку нам отвели средства, чтобы построить детсады на две тысячи мест, а уже сегодня в Усинске на очереди четыре с половиной тысячи ребятишек, да плюс ежегодная рождаемость около тысячи. Плохо с местами в больнице, нет в городе кинотеатра, Дворца культуры, не говоря уж о спортзалах, кафе, столовых. Видите, сколько у нас проблем?

В свою очередь, я рассказал Артеменко о тех проблемах, с которыми столкнулся на нефтепромысле, о том, что люди там смотрят на Усинск с надеждой,— здесь, по их мнению, начала и концы тех нерешенных вопросов, с которыми они сталкиваются на работе и дома.

Иван Петрович утвердительно кивнул головой:

— Правильно рассуждают на промысле. Дай хорошее жилье в Усинске каждому, проложи дороги к вахтовым поселкам,— естественно, отпадет нужда гонять самолеты за тридевять земель, больше будет чувствовать человек себя хозяином на этой земле, решится и проблема досуга у молодых ребят... город есть

город. Вот почему главное сейчас для нас — это как можно больше строить квартир. В этой пятилетке мы должны сдать триста девять тысяч квадратных метров жилья. Тогда уже восемьдесят процентов усинцев будут обеспечены капитальной крышей над головой. Как мы думаем выполнить такую задачу? Большая ставка делается на вторую очередь нашего домостроительного комбината. Сейчас усинский ДСК выпускает в год восемнадцать тысяч квадратных метров панелей. Это два девятиэтажных дома... С пуском второй очереди комбинат будет поставлять по сто тысяч квадратных метров жилья. Уже в конце восьмидесяти третьего года ДСК должен выйти на шестьдесят тысяч. Повторяю, это наш главный козырь. Много берутся построить хозяйственным способом наши ведущие производственные организации. Они будут строить дома на свои средства, но по единому генплану. Есть и другие резервы. Например, надемся на отзывчивость наших людей. Вот сейчас — временно — заморозили отделку Дома быта. Но скоро мы объявим его народной стройкой. И, знаете, надеемся, что усинцы доделают Дом быта на субботниках, в свое свободное время. Люди у нас живут отзывчивые, чуткие. И уж коли возникают проблемы, которые касаются всех, то их надо решать сообща. Ведь за словом должно стоять и конкретное дело каждого. Только тогда мы разрешим наши наиболее болезненные вопросы, построим на Севере красивый и удобный город. А он должен быть именно таким и только таким.

Мысль Артеменко была ясна. Усинск — это город, устремленный на север, к месторождениям ценнейшего топлива. И от того, как будет жить в этих суровых краях человек, зависит успех огромного государственного дела.

КУБОК — ВО ВТОРОЙ РАЗ

«ОГОНЕК» НА «АТОММАШЕ»

Все ребята из бригады Николая Ковалева живут почти что рядом друг с другом, во всяком случае, в пределах Нового города. По утрам, торопясь на смену, встречаются на троллейбусной остановке. В салоне, как бы ни был он переполнен, угадывают своих, перешучиваются с соседями по цехам и в первую очередь с ближними — реакторщиками. В шутках допускают безобидные «подначки», но вот о заводских делах разговор ведут серьезно: и те и другие знают цену своим могучим цехам — реакторному и парогенераторному.

В этот раз дорога на работу для бригады Ковалева получилась необычной. Только вступились в троллейбус, кто-то сказал:

— Поздравляем с «Мирным атомом».

Коллектив слесарей-сборщиков, возглавляемый Ковалевым, во второй раз завоевывает переходящий кубок «Огонька» — «Мирный атом» за победу в соревновании, в котором участвуют многие десятки бригад.

Бригада сейчас временно занята не на своей основной работе — сборке парогенераторов (как здесь говорят, не на «атомной тематике»), а выполняет сторонний заказ — монтирует испарители для ТЭЦ. Но и эту непрофильную работу выполняет предельно собранно, на своем привычном уровне и, значит, надежно.

Несколько раз в день бригадир замечал, как то один, то другой из ребят будто невзначай шел на другой участок — туда, где проходил строжайшую проверку корпус нового парогенератора — рентгеном, ультразвуком, магнитопорошковой и другой дефектоскопией. Бригадир понимал нетерпение ребят: всем хотелось поскорее приступить к основной любимой работе — «начинке» огромной гондолы парогенератора (кстати, вес «сухой» установки далеко за двести тонн). Работа эта займет не один месяц: только труб внутри гигантского корпуса добрая сотня километров.

Но Николай понимал и другое: строгие дефектоскописты ни за что не выпустят раньше положенного срока корпус парогенератора. Так что придется ждать еще недели две. Но не просто ждать, а делать другую ответственную работу — испарители так нужны на теплоэлектроцентралях страны. Один, готовый, уже успели вчера отправить, второй — на очереди.

Ковалев видит, что и эту работу бригада выполняет охотно, на совесть. Но сердцем все уже в завтрашних трудовых буднях — на монтаже любимого детища. Вот почему и он, и Саша Бородин, и Василий Щербанов вновь и вновь мозгуют над папками со сложными чертежами. Солидные это папки — толщиной сантиметров в сорок. Не было случая, чтоб не разобрались сами, без помощи ИТР, в хитросплетениях чертежей. Подготовишься заранее — не будет сбоев и задержек потом.

Из стеклянного кабинета, вознесенного над цехом, к бригаде спустился начальник участка Владимир Рогачев:

— Ну, добры молодцы, даже в этот день приходится напоминать, что смена кончается. Даю вам часика два на сборы — и пожалуйста в Дом культуры.

А вечером состоялось торжество. Секретарь парткома «Атоммаша» Леонид Иванович Попов пригласил на сцену представителей бригады-победительницы. Николай Ковалев, лучшие слесари-сборщики Виктор Вологжанин и Николай Хорев — вот кому поручила бригада принять кубок — поднялись на сцену, залитую светом юпитеров. Переполненный зал горячо аплодировал победителям. Николаю вспомнилось, как три года назад он впервые принимал этот переходящий приз.

* * *

Редакция благодарит артистов Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, выступивших перед атоммашевцами на вечере чествования победителей социалистического соревнования на приз «Огонька».

А. ПАНЧЕНКО,
фото И. Гаврилова

Бригада Николая Ковалева с кубком «Мирный атом».

ДЕНЬ ДАВНИЙ И

Татьяна АНДРОНОВА

НЕИЗМЕННОСТЬ

1. Вседозволенность

Не даю всепрощения
(вседозволенность мщения!) —
для злодеев оно.
Много стрел сведено
в их руке, всяких: травленных,
прямо в сердце направленных,
острых, быстрых и меченых
и с зазубриной встречною.
Изловчились палить
эти стрелы без жалости!
Ишь, чего захотели
среди людской канители
(самой глупенькой малости),
ишь, что просят дарить —
всепрощения прыти!

2. Проходные дворы

А меня не трогают
злые взгляды,
проходите мимо, наслаждаясь!
К вам за мир и ласку не пойду с наградой,
в сарафан с прошивкою наряжусь!

Бью поклон душе своей —
пусть пребудет
без потери зримой иль беды.
В недалеком времени всех судьба рассудит,
развезет по кладбищам да в горячий дым.

А пока стучите
бодро каблуками,
не забыв издевкой корчить рот.
Вам лишь непохожие мнятся дураками.
Это было раньше, будет и вперед!

3. Отзвуки прошлого

Среди прекрасных лиц —
не припадаю ниц,
лишь помню все следы
негаданной беды,

когда в моих висках —
удар ножа, на миг
в хладеющих руках —
дрожь и в гортани — крик!

Среди плебейских лиц
(литературных жриц,

лакеев всех мастей,
любителей вестей) —
кто мал и кто велик?
И потому в толпе
(в завистливой борьбе
под милый, тайный смех)
всегда чужую плоть
хоть взглядом уколоти
им вольно и не грех?

Но щит имею я
в той тесноте жилья,
среди роскошных лиц —
не припадаю ниц.
О, понимаю всех!

4. Поветрие

Все утешаются напуганные люди
фантазией придуманной — бессмертием,
пытаются найти его. Да будет
усилье это благостным поветрием!
Ищите, люди, таинство манящее,
отбросьте мысли, душу леденящие!
Работайте с мечтой, с ожесточением!

И если вдруг ударит звездный час,
то, смертные, мы просим: с сожалением,
по-человечески подумайте о нас —
о столь трагически коротком гостевании
в прекрасном мире. Жизнь ему название!

5. Мечтатели

Злые духи, вы изгнаны
из сердец или снов?
Все мечтатели издавна
не сносили голов!

Благородным стремлением
так смущали молву,
что лишь зло и томление
не во сне — наяву,

будто прочили загодя
непокой в их тиши
(непосильные тяготы
для ума и души).

И за это — возмездие:
под терновый венец!
Изгоняли в бессмертие,
но из снов иль сердец?

В тюрьмах наглухо прятали
и сжигали в кострах —
мстили бездари знатные
за непонятый страх!

Но потом, как до старости
доживали, мудрей
становились их радости
и печали — добрей.

Возвращались к мечтателям,
к их могилам живым;
поклонялись каратели
своим жертвам былым,

все раздумья и бедствия
изучали, любя.
Только новых, естественно,
гнали прочь от себя.

6.

Вон живут, их слезинки — целебные
(не печальные и не радостные).
Дружелюбные или враждебные?
От любви к себе лица — благостные!

А у тех не бывает сочувствия,
Все позор да бесчестье мерещится.
На губах — предсказаний напутствия.
От любви к себе лица — вешние!

А другие страдают завистливо
каждодневной тоской. Счастье краденое:
всё у прочих (браво-брависсимо!).
От любви к себе лица — праведные!
А у этих — ни тени сомнения.
Первобытный напор — врукопашную!
(Если битые — лишь удивление.)
От любви к себе лица — зряшные!

7. Фашисты

Они так люто ненавидят нас
за то, что мы сгубить себя не дали!
Они когда-то судьбами играли,
на прах замученных не опускали глаз
и лиц убитых не запоминали!

И аккуратно клали в штабеля
(ни камня, ни бугра у смертного жилья)
людей (людей!) — мужчин, детей и женщин.
Давно всю кровь их выпила земля,
а в мире льется новая — не меньше!

Вы, современники! Герои и народ!
Скажите всем, что тот же век — двадцатый!
Остановитесь: тот же век идет!
Он с прежней скорбью в души нам глядит:
забудем ли о войнах и расплатах,
о тех, кто был замучен иль убит?

ДИАЛОГ

1

«А скорых радостей не требуй
от желтых роз святого неба,
не кличь, не сетуй, глядя ввысь,—
мне говорит сердито Жизнь,—
и с колоском чужого хлеба
пророчить тоже не берись.
Хотя б испробуй для начала
своим плечом забытый груз —
земной работы пот и вкус —
и будет с чем дойти к причалу,
увидеть мой усталый лик.
Тогда что скажет твой язык?»

2

А я отвечу с уваженьем
на все строптивые упрёки:
«Твои, о Жизнь, ничтожны сроки,
седеет быстро голова,
и быстро кружат жернова,
готова пыль уничтоженья!
И лишь истории движенье
с натугой, медленно плывет,
тяжел ее скрипучий ход.
Ты, нас жалея, подтолкни
через века, как через дни,
вперед вселенские колеса —
наперекор судьбе и тленью
внеси в наш разум просветленья!
И тем ответишь на вопросы!»

3

А Жизнь с усмешкой: «Может быть.
Но трудно вас всегда любить,
не зная, глупы вы иль горды,
нужны иль нет мои следы
на прошлых и живых дорогах;
а вы, едва-едва родившись,
едва одждою прикрывшись —
уже спешите от порогов;

ДЕНЬ БЛИЖНИЙ

определив, кто враг и друг,
надменно смотрите вокруг,
и каждый сам себе — герой!
Но каждый через тот же строй
от точки к точке, тот же круг
безумств, ошибок и страдания
проходит вновь, без ожидания
моих размеченных дорог!
И потому так мал ваш срок.
Вы долго ищите понятие:
что — неизменно и что — счастье!»

4

А я: «Но рядом, шаг за шагом,
идем с тобой под общим стягом,
под общим небом родились,
в телегу общую впряглись,
хомут несем, оглобли держим,
и впереди бегут надежды,
за ними вьется колея,
бренчит, шумит, грохочет скарб.
Ты — не соратница моя?
Ты госпожа, а я — лишь раб?»

5

А Жизнь: «О нет, совместны мы
(как травы — лета, снег — зимы),
всему черед и краткий срок,
свое обличье и значенье:
взрастить плоды, потом — забвенью
(закон незыблем и жесток,
но лишь единственный, увя!).
Так возвеличьте душу — вы,
чтоб меж слепого зла уметь
всегда беречь любовь и жалость,
чтоб на Земле не только Смерть,
но Жизнь — вечною осталась!»

* * *

В мире войн, на Земле этой грозной,
я люблю тебя с жалостью слезной,
скрытой жалостью, без упрека,
что от страха до счастья далеко,
что среди человечьей общины
так враждуете вы, мужчины
(и сражают нас раны и муки,
будто нету иной разлуки!),
что не в силах спасти я от тризн,
хоть люблю тебя целую жизнь.

* * *

К памяти вернувшись, оживи
ту дорогу нашу — без крутиз,
по которой пробегала жизнь
в радости любви.

Как невятен был ее рассказ!
Не грозила ни бедой, ни смертью,
и земной (такой надежной!) твердью
надеяла нас.

Ты, бескрайность, чудилась вдали!
Ты, огонь удачи, где твой отблеск?
Потеряли мы теперь ваш облик,
долю обрели.

* * *

Тебя помню я, степь дорогая,
и прикормская, и прииртышская,
когда лето уходит, сгорая,
ковыли клонят голову низко.

Вижу ясно, прикрою лишь веки:
вон песков золотистые реки
охладели, недвижны их волны;
стебли высохли, будто калек
разметались устало на холмах.

А все та же, как теплой весною,
благородна земли этой древность.
Замечаю сквозь время седое
ее нрава секрет — неизменность:

гордость неба,
хоть в солнце, хоть в тучах;
гордость далей
в снегах ли глубоких,
в разнотравье ли,
в маках летучих;
вольность троп,
бесконечных, текучих
и, как думы души, одиноких.

Так понятна мне осень степная
с равнодушием хмурым к участию!
Увяданье и жизнь принимает
она просто, как молодость — счастье!

* * *

Жаль, трудно главное понять,
когда несет нас жизнь, как в сказке
(надежд, печалей, счастья ветер),
и одинаковые маски
при маскарадном, зыбком свете
с лиц неизменчивых не снять;
не разглядеть, увы, великих
возле беспечных и безликих
и говор мудрых не поймать
сквозь шум волшебного веселья!

Когда ж покинутые кельи
заполнит новая толпа
(от сил избыточных слепа,
от ожидания восторга),
то скажет в стенах новоселья:
«Как старость бедная глупа!»
И будет медленно и долго
перебирать наш реквизит:
вот это шлем, вот это щит,
а это платье для свиданья.

Или задержит миг вниманья
колеса мчащихся безумий,
чтоб среди жалких игр успеть,
хоть, оглянувшись, посмотреть
на тень отвергнутых раздумий?!

* * *

Будет, как всему на свете, — старость,
будет то печаль, то удивленье
увяданью; будет жадно радость
бытия вкушать еще продленье;

будет сердце, замирая, слушать
гуд весенних сил, пугаться зимам;
будет боль моя — к ушедшим душам,
будет нежность — к близким и любимым;

будет взгляд ловить, томясь утратой,
предрассветный блик на первом снеге —
так ли занимался день когда-то,
в чьей-то жизни давней, в чьем-то веке;

будет скорбь о нашем расставанье,
путь к нему так краток, так недолог;
бьется занавес, трепещет зазываньем,
как волшебники — глядим в зеркальный полог;
там видение свое встречает каждый,
отвернувшись, чтоб не мешать передним;
будет миг и мне — насильной жадой
захлебнись; ни первой, ни последней.

* * *

Глупа была та, юная любовь,
и вспомнить грустно!
Но и тоскуя, мне не прекословь
ни мысленно, ни устно.
Прислушайся теперь к счастливым дням!
О, все не долгие лета —
пришли, ушли опять, жалеть ли нам,
разыскивать ли где-то,
и против вод на весла налегать
в безумье снова?
Но лучше, скажешь, в прошлом берега?
И хуже — новый?
Не оглянусь я. Лодки старый борт,
колючим будь же!
А сердце тайно ноет и зовет:
«Да, лучше, лучше».
И я, ладонь занозой опала,
на поворотах вижу:
живет прекрасная, знакомая земля,
чем дальше, ближе.

* * *

И забудешь мое лицо,
иногда лишь горячим свинцом
вдруг нальется сердце тяжестью.
Как в тумане, мой образ покажется.

Ни призыва в нем, ни упрека:
будто прежде, стою у порога,
но к тебе — отрешенный взгляд,
спрятал руки цветастый плат.

Вздригнешь ты, пониманье гоня,
что жалеешь совсем не меня,
что являюсь к тебе непрощено,
только часть неотрывного прошлого.

* * *

В душе моей думы
все чаще, грустней
томятся наивным
и робким стремленьем:
о многом, что часто
лишь смутным волненьем
тревожит уставших людей,
рассказывать. Всем — о таинственных муках
вражды и любви, о невольном участии
в своих же неверьях, расплатах, разлуках
(напрасно убитых возможностях счастья).
Открыть — заблужденье
коварно просты!

Судьбой становясь,
по намеченным векам
несут нас (и будто
в согласии с веком!) —
до самой последней черты!
Но как рассудить мне о собственной жизни?!
Трудней, чем чужую, увидеть пред склоном,
когда невозвратность объявит законы,
когда без отличья день давний и ближний:
увы, один прожит, другой — предрешенный.

* * *

Слова души примите благосклонно,
поверьте им,
пусть станет мир пред взором обновленным —
живым (живым!),
в единстве чувств, всеобщего желанья
счастливых дней
любви, доверья, просто — пониманья
в сердцах людей!
И пусть затмит вражду и подозренье
улыбки свет,
мелькнет в зрачках готовность примиренья —
святой ответ
на добрый зов к согласию земному
среди бурь земных,
чтоб знак тропы к отеческому дому
сберечь от них!

ХРАНИТЬ ТРАДИЦИЮ

М. ИРМЕШЕВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Музеи можно назвать овестью чужой памяти. Переступив порог музея, мы начинаем путешествие во времени — от дня нынешнего вспять. Только книги способны дать нам такую же возможность, и, наверное, совсем не случайно музейное дело и книгопечатание возникли в одном и том же веке — пятнадцатом. Погружая нас в прошлое, музеи заставляют сравнивать, а значит — учат видеть мир в развитии...

Вот лежат под стеклом на столешке лапти. Люди, которые на них смотрят, никогда в жизни не видели лаптей, а еще не в столь уж далекие времена пол-России ходило в лаптях, и в годы гражданской войны существовал даже такой орган снабжения — Главлать. В деревнях и селах были особые мастера плести лапти. А теперь что же говорить? Давно исчезли мастера, сувенирные же лакированные лапоточки, вешаемые в модных квартирах на стену, не более чем пародия...

К чему тут вдруг лапти? А вот к чему. Рядом — ведомость и в ней слова:

«Выписка из счетов о выдаче обмундирования рабочей милиции Петрограда.

Январь 1922 г.
Выборгский район — 2 пары лаптей.

Лужскому уезду — 20 пар.
Курсам комсостава — 27 пар» и т. д.

Этот исторически экзотический экспонат — лапти — помещен в самом начале музейной экспозиции. По логике вещей в конце ее демонстрируется новейший автомобиль ПМГ — подвижной милицмейской группы — и вертолет ГАИ. Принцип построения экспозиции понятен: показать, какие большие перемены произошли за шестьдесят четыре года.

Однако Центральный музей МВД СССР, открытый совсем недавно, к 64-летию советской милиции, поставил перед собой гораздо более важную задачу. Каждый своим экспонатом он показывает и внушает мысль — да, все неузнаваемо изменилось в нашей стране, но неизменным остался передаваемый из поколения в поколение высокий дух людей, которые совершили Октябрьскую революцию и защитили ее от врагов. Музей рассказывает историю рабоче-крестьянской милиции, созданной по инициативе Владимира Ильича Ленина 28 октября (10 ноября по новому стилю) 1917

года, но в ней, как в зеркале, отражена история всей страны, ибо советская милиция всегда жила одним дыханием с народом и во имя своего народа.

...Идет гражданская война. Молодая республика, напрягая все силы, дерется насмерть с бесчисленными регулярными полками белогвардейцев и интервентов и разномыслными бандами. «Народный комиссариат внутренних дел обязуется из прикомандированных к отделам управления 1/3 милиционеров и 1/5 командного состава постоянно держать в действующей армии».

Читаешь это, ставшее музейным экспонатом постановление и понимаешь, как непросто было Наркомату внутренних дел дать такое обязательство. Милиционеров и без того не хватало, громила даже в Питере и Москве обнаглели настолько, что совершают налеты среди бела дня на самых людных улицах. Силы неравны, и гибнут в перестрелках защитники порядка. 4 апреля 1918 года убиты в схватке с пятнадцатью бандитами милиционеры 1-го Пятницкого комиссариата Москвы Егор Швырков и Семен Пекалов. Они погибли, но граждан уберегли. И благодарные жители Замоскворечья похоронили их на Красной площади, у Кремлевской стены, а скульптурные портреты героев стоят в музее.

Близится к концу гражданская война, но милиции спокойнее не стало. Вот телеграмма, отправленная из столицы в Казань председателю Совнаркома Татарской Автономной Советской Социалистической Республики: «Прошу срочно подтвердить особые заслуги перед Советской Россией убитого 2 марта 1920 года при исполнении служебных обязанностей начальника отделения уголовного розыска Николая Голубятникова на предмет назначения усиленной пенсии. Наркомсобес Винокуров». И тут же добавление: «Подтверждаю просьбу, прошу быстро ответить телеграфом. Предсовнаркома Ленин».

Советская власть и в то трудное время заботилась о своих бойцах, а когда они погибали — об их осиротевших детях.

Но не всем детям можно было назначить пенсию. И Советская власть взяла и согрела под своим крылом чужаков: племя беспризорников, и лично Феликс Эдмундович Дзержинский, нарком внутренних дел, принял на себя эту благородную заботу.

Кончилась война, настали мирные дни — мирные для всех граждан, кроме милиционеров. В городах цвели по панелям и кабинам ядовитые цветы, возвращенные на дрожжах нэпа, по селам гуляли недобитые осколки банд, стреляли в ночи кулацкие обрезы. 11 января 1926 года Орловский губернский исполком вручает сотруднику угрозыска Ивану Агееву благодарственную грамоту, в которой сказано: губисполком «выражает от лица трудящихся губернии

свою благодарность с выдачей Вам своего скромного подарка — отреза на костюм и одновременно возбудил ходатайство перед Президиумом ВЦИК о награждении Вас орденом Красного Знамени».

Каждый документ, как магическая линза, показывает неповторимые черты своего времени. Кого сейчас удивишь отрезом на костюм? А ведь Иван Агеев был, как теперь говорится, поощрен им за настоящий подвиг. Он ликвидировал банду неких Жердова и Карытина, которая наводила ужас на обитателей Орловщины и на кровавом счету которой многие десятки зверски замученных и убитых людей. Особенно лютовали они против коммунистов и комсомольцев.

...Залы музея ведут посетителя сквозь годы, спрессованные здесь, и он словно вдыхает горячий и густой воздух истории.

Великая Отечественная война... Не все, пожалуй, знают, что в числе бессмертных защитников Брестской крепости сражался 132-й отдельный батальон войск НКВД и что небольшое подразделение сотрудников линейного отдела милиции и железнодорожников целых два дня удерживало здание вокзала под натиском во сто крат превосходящих сил противника, под непрерывными бомбежками и артобстрелом.

Многим ли известно, что медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени за № 1 награжден начальник штаба одного из партизанских отрядов, сотрудник милиции из Сухиничей Ефим Ильич Осипенко?

Никто, кроме коммунистов роты 270-го полка 10-й дивизии НКВД, присутствовавших на собрании в разбитом, но так и не сдавшемся Сталинграде, не слышал слова заявления, написанного сержантом К. Костенко:

«Я молод, я хочу жить, но Родина дороже жизни. Отдам свою молодую жизнь, но город Сталинград не отдам.

Иду в бой, и нет ничего выше и почетнее, как сражаться коммунистом».

А кто слышал о сотруднике ленинградской милиции П. Г. Анушенкове, в сентябре 1941-го вынесшем из-под развалин разрушенных бомбами домов двадцать пять человек, среди которых было двенадцать ребятишек?

Генерал-майор Г. В. Зуев с молодыми сотрудниками милиции * Боевое знамя * Стенд, посвященный сотрудникам органов внутренних дел — защитникам Брестской крепости.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Скульптурная композиция народного художника РСФСР, художественного руководителя Студии художников МВД СССР, подполковника внутренней службы А. А. Бичукова «Первые чекисты» * Нагрудный знак сотрудника уголовного розыска 20-х годов * Унифицированный чемодан для осмотра места происшествия * Нагрудный знак «Заслуженный работник МВД СССР» * В залах Центрального музея МВД СССР * Пробы пулями куртка начальника одного из райотделов милиции Костромского УВД Е. А. Кипелова, переданная им в музей * Экспозиция криминалистической техники * Наградное оружие Г. В. Зуева.

Кому знакомо имя оперуполномоченного Московского уголовного розыска, секретаря комсомольской организации МУРа Виктора Колесова, который погиб 16 ноября 1941 года под Москвой, прикрывая отход своих товарищей по партизанскому отряду? Милиция помнит его — приказом министра внутренних дел Колесов в 1975 году навечно зачислен в списки личного состава ГУВД Мосгорисполкома.

Отныне благодаря музею имена героев и их подвиги станут известны всенародно и память о них не умрет...

Музей богат не только документами, письменными и печатными. На стендах его много, если позволено так выразиться, более громоздких экспонатов — например, револьверов и пистолетов, в том числе именных, врученных за храбрость. И все же слово сильнее любого оружия.

Но всех экспонатов не упомянешь, а нынешняя жизнь милиции у нас на глазах.

У музея много друзей и бесценных помощников — живых хранителей истории. Среди них председатель Совета ветеранов МВД генерал-майор Григорий Владимирович Зуев, которому в музее отведен отдельный стенд, полковник Леонид Петрович Рассказов и многие другие.

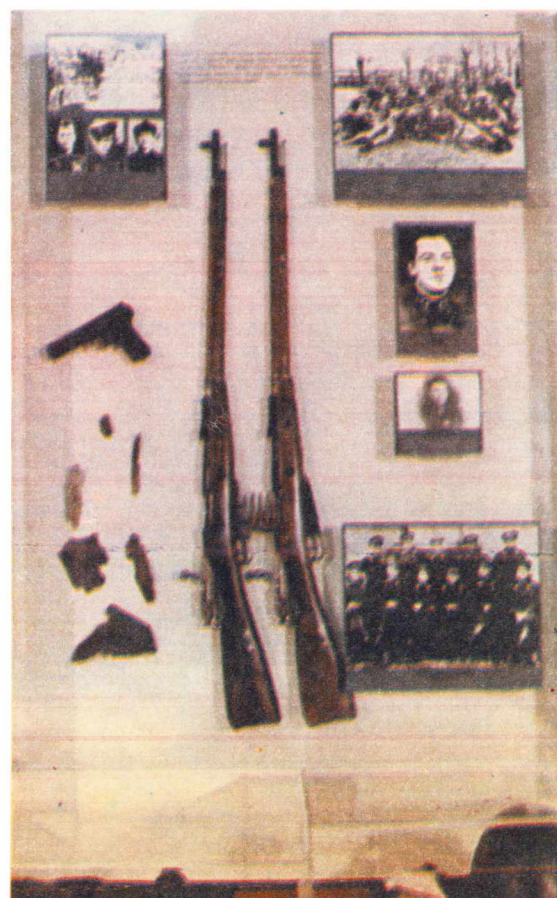
— Коллектив музея, собирая материалы и продумывая экспозицию, работал под лозунгом «Музей руками равнодушных не создашь!», — говорит начальник музея генерал-майор Николай Михайлович Буланов.

И это ощущается в царящей здесь атмосфере.

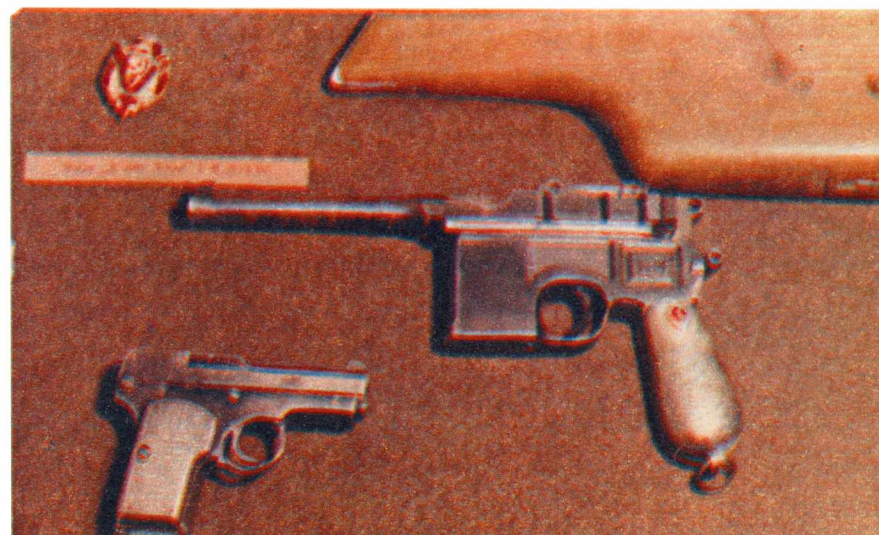
В доме на маленькой московской улице живет история, живет традиция. И знаменательно, что в его залах принимают присягу молодые сотрудники милиции.

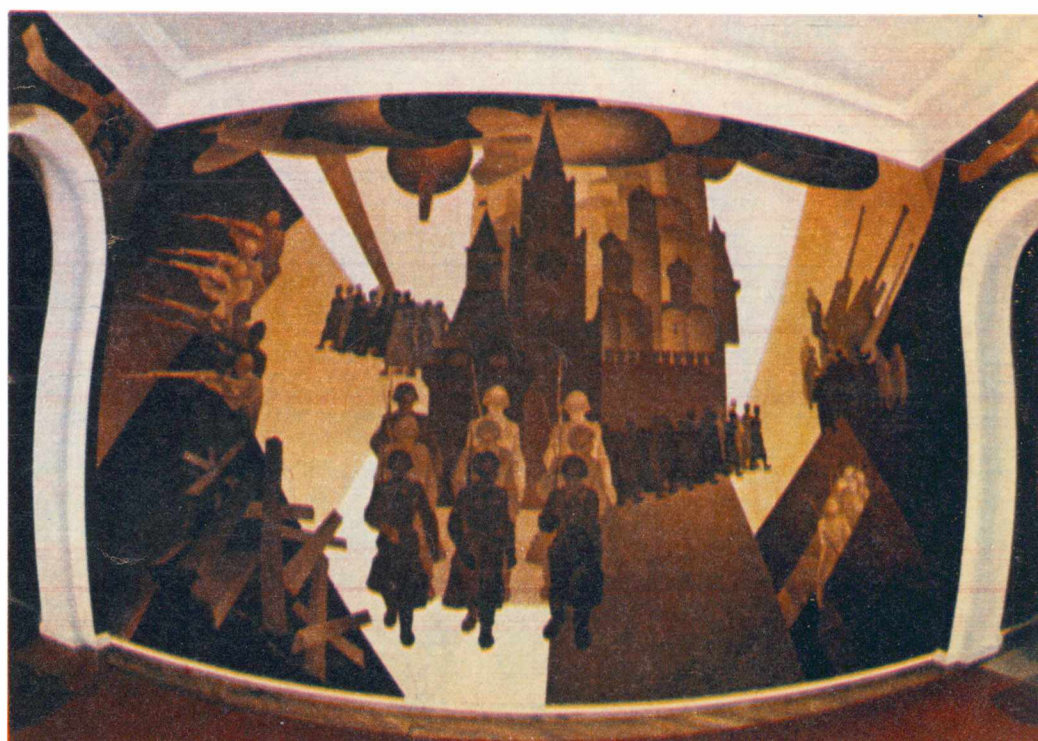
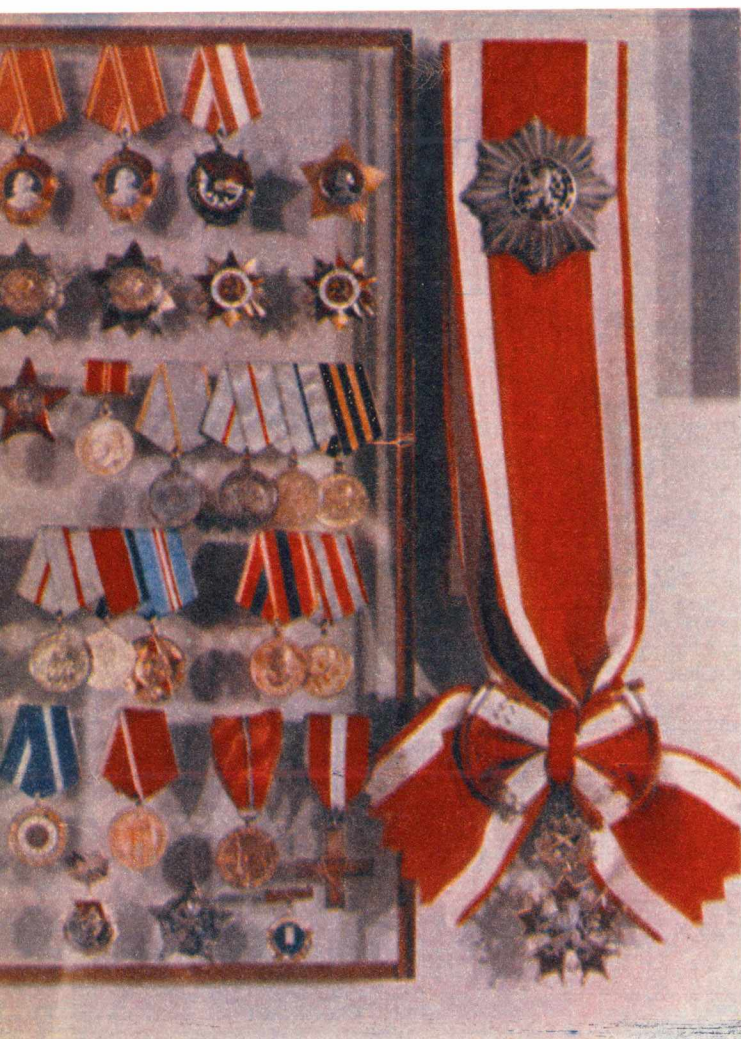
Если верить энциклопедиям, во всем мире в начале семидесятых годов нашего века насчитывалось свыше 12 тысяч музеев, из которых 1323 — в Советском Союзе. К ним добавился Центральный музей МВД СССР. Он совсем молодой, но стал уже популярным. Он будет расти и совершенствоваться.

Каждый, кто побывал в музее, уносит в душе уважение к советским законам, к скромным и мужественным солдатам правопорядка.

УРОКИ СЛОВЕСНОСТИ

Н. Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русской
литературы Ленинградского
государственного педагогиче-
ского института имени
А. И. Герцена

Преподавание литературы в школе вселяет тревогу — так констатируют положение дела почти все: и ученики, и учителя, и учителя учителей — методисты, и родители, и писатели. Поскольку если не в роли писателей и учителей, то хотя бы в роли учеников или родителей, по сути, побывал каждый, то тревогу эту можно считать почти всеобщей. Всеобщая эта неудовлетворенность поддерживается, конечно, еще и тем обстоятельством, что уже порог даже всеобщей грамотности оставлен у нас далеко позади. Страна массового чтения — вот что такое наша страна. Что бы ни говорили, не на украшение же престижных мецанских шкафов и полок идут миллионы и миллионы книг. И если для неспециалистов химия, например, или естествознание есть предмет с каждым годом отдаляющегося школьного воспоминания, то «книжка для чтения» сопровождает нас всю жизнь. А раз так, то любой человек, который не возьмется, не будучи профессионально осведомленным, судить и рядить о проблемах преподавания, скажем, физики или математики, более робко или более уверенно, но берется судить о том, какая литература преподается в школе и как она там преподается. И будет прав. В известной мере, конечно. А такой контроль «неспециалистов» уже и «специалистов» — литераторов ставит в особо сложное положение, накладывая на них особую ответственность. Все это говорит о том месте, которое занимает литература в жизни общества в целом, и о той роли, которую должна она играть в системе школьного обучения в частности.

Причины ныне всех нас тревожащего положения с делом преподавания словесности в школе многообразны. Одна из них — характер и уровень подготовки учителя-словесника. Мне и некоторым моим коллегам уже приходилось говорить об этом на страницах «Литературной газеты».

Многие недостатки школьного обучения складывались давно и исподволь. Слишком легким, но несправедливым и бесперспективным делом было бы просто указать на конкретных виновников, будь то отдельные учреждения или отдельные авторы, хотя, конечно, исправлять положение нужно конкретным ответственным учреждениям и персонально причастным людям. И, кстати, такие учреждения и люди явно уже ощущают необходимость соответствующих мер. Отсюда — сравнительно недавнее представление этому вопросу, под эгидой двух академий (Академии наук СССР и Академии педагогических наук) и двух министерств (союзного и республиканского) просвещения.

Думается, что нуждаются в кри-

тическом рассмотрении и некоторые начала и принципы, на которых зиждутся ныне действующие школьные литературные программы и курсы.

Изучение литературы, то есть прежде всего преподавание ее, не есть отвлеченное прохождение еще одного предмета в ряду других. Литература не даром единственное из искусств, издавна и во всем мире завоевавшее право на изучение в школе. И, кажется, не видно признаков того чтобы она это право уступила, по сути, и в более общем плане продолжая играть роль первоосновы для других, в том числе самых современных видов искусства, питая их и, в свою очередь, естественно, питаясь ими. Не забудем также, что, кроме прочего, так сказать, попутно разнообразнейшие сведения почти по всем областям знания идут именно через литературу. Факт как будто бы потеснения литературы такими средствами массовой информации, широко понимая это слово, как, скажем, кино и особенно телевидение, думается, только с тем большей силой выявляет значение ее роли, значение ее важнейших идейных и эстетических факторов, постоянно действующих начал и принципов, четких ориентиров в пестром, подвижном, подчас почти калейдоскопическом информационном потоке, в который вовлекается современный, особенно молодой, человек. Литература, как говорил Сухомлинский, основной в средней школе предмет по человековедению.

Кстати, отмечу здесь же, пусть чуть в сторону, хотя и в непосредственной связи, растерянность, которую испытывает подчас прежде всего именно учитель литературы: они (ученики) уже просмотрели... уже прослушали... уже прочитали... А я? Но чисто количественная гонка здесь вряд ли возможна. И нет ничего драматического в том, что сравнительно с учениками учитель чего-то не посмотрел, не послушал, не прочитал. Ведь задача его в конце концов заключается не в том, чтобы не пропустить ничего, а в том, чтобы не пропустить того, что нужно. В этом должно проявиться учительское искусство, и умение, и опыт, и чутье. Не просто источник обильной информации, а носитель идейных, нравственных, эстетических начал — вот что такое учитель литературы, вот что должны ощутить его ученики и вот чему они должны у него научиться.

В современных условиях глобальных идеологических противостояний в борьбе за человека и человечность в высшем и благороднейшем смысле этого слова все лучшее в мировой литературе — наш союзник и опора, хотя освоение его — труд нелегкий.

Недаром так называемая массовая культура прежде всего расценивается на оболванивание человека и стандартизацию его. Классика в данном случае есть главная линия обороны против этого и часто первая, принимающая на себя удар. От выпуска какого-нибудь низкопробного комикса до адаптированного, «облегченного» издания «Анны Карениной», конечно, дистанция громадного размера, но между ними есть прямая связь. И если первое должно пробудить все низкое в человеке, то второе, безусловно, призвано

подавить в нем возможную энергию противостояния всего высокого, приучить просто посмотреть на сложное, легко на трудное, заставить думать, что душа совсем не обязана трудиться. Кстати, эти же невеселые мысли приходят, когда смотришь многие из столь обильных сейчас теле- и киноэкранизаций классических произведений, их театральные, вплоть до балетных, интерпретации. Но это уже иной, однако очень серьезный разговор. «Никаких проблем» — название пошлого иностранного фильмика, в очередной раз прокатившегося у нас массовым прокатом, поистине становится и знаменем искусства и страшным знаменем времени.

Мировая, русская, советская классика есть здесь неотразимый материал противостояния.

Некоторое время назад одна газета с большим сочувствием рассказывала об опыте учителя-словесника. Ученики в его классе увлекались математикой и не слишком жаловали литературу как не очень серьезный предмет. Наш литератор вступил в соревнование с математиками и, освоив математический цикл, тем снижал уважение своих питомцев и, очевидно, тем вызвал увлечение литературой. О том, как совершалось последнее, правда, не рассказывалось. Думаю, не случайно. Возможно, там и возникло уважение к литературе, освоившему математику, но возникло ли увлечение литературой? Не знаю, каким наш учитель стал математиком, но, отдавая должное его человеческому упорству, боюсь, что он остался все же плохим литератором. Дело ведь не в том, чтобы «посрамить» математику, а в том, чтобы не посрамить литературу. Вообще же не слишком ли часто и в школе мы, с одной стороны, пытаемся оживить литературу, разнообразными способами и приемами ее иллюстрируя, а с другой — превращая ее самое в иллюстрацию. Позиции литературы должно завоевать на ее собственной почве.

Что же это за почва? Как она обрабатывается в школе? И какой с нее получается урожай? И действительно ли, наконец, этот реальный урожай соответствует статистическим о нем сведениям?

Почва благодатная: «Родная речь», «Родная литература», «Русская литература» — так последовательно называются в школе соответствующие пособия. Наша литература! Нет нужды здесь много говорить о том, что Горький называл лучшим созданием нашей нации и что получило всемирное благодарное признание. Почва русской и советской классики действительно благодатна. Но в какой мере она используется?

В системе школьного обучения, очень давно сложившейся, литература в общем предстает у нас в двух частях и в двух качествах. В младших классах (сейчас с 1-го по 3-й класс включительно) это так называемые книги для чтения. В старших классах (сейчас начиная с 8-го) это систематическая история русской и советской литературы с несколькими эпизодическими вкраплениями из истории литературы зарубежной, точнее, европейской: Мольер, Шекспир, Байрон, Гете. В классах с 4-го по 7-й литература —

нечто среднее между первым и вторым циклами.

Что же в школе изучается? Что в ней обязательно или по возможности (рекомендации для чтения) читается?

Прежде всего бросается в глаза то, что между первым и последующим циклами (назову их условно так) есть громадная разница в самом изучаемом материале. И разница эта определяется, к сожалению, совсем не только естественной в этом случае диктуемой возрастом учащихся степенью сложности такого материала. Речь идет о принципиальной разнице в качестве. Почему?

Строгий историко-литературный принцип явно сдерживает и дисциплинирует уже в самом подборе материала изучения. Никому не придет в голову, да уже в силу простой наглядности никто и не позволит, чтобы при изучении истории литературы заучивались не стихи Пушкина, а, скажем, Кукольника, оставляли в стороне повести Гоголя, но занимались повестями, допустим, Греча, не знали пьес Чехова, но штудировали драмы, например, Виктора Крылова. Или чтобы Кукольник, Греч, Виктор Крылов хоть в какой-то мере выступали при школьном, то есть хрестоматийном, изучении литературы наряду с Пушкиным, Гоголем, Чеховым, решительно тесня последних.

В литературном же чтении как школьном предмете, прямо не подчиненном историческому принципу, вроде бы открывается большая свобода выбора, но тем самым больший простор и для произвола и субъективизма всякого рода. Между тем именно здесь принцип хрестоматийности должен быть соблюден особенно тщательно.

Когда то Мопассан называл самыми счастливыми писателями тех, кого помещают в книгах для детского чтения. Очевидно, в этом он находил самый высокий критерий оценки писателя, видел вершину писательской славы и предел признания для писателя: его знают, его изучают дети. Осваивать классическую хрестоматийную трудную. Ребенка, особенно подростка, вполне можно сбить с литературного толку. Он охотно становится на путь разнобразного чтения, легкого, внешне увлекательного (детектив, путешествия, приключения — это естественно и нужно), но подчас и сомнительного, не обременяющего ни ума, ни сердца. И только классика может стать здесь необходимой ранней профилактической прививкой и прекрасным вечным коррективом к любому чтению.

Закономерно в свете всего этого предположить, что в наших книгах для начального детского чтения одно из основных мест занимают, очевидно, Пушкин, Кольцов, Иван Андреевич Крылов? Ничуть не было. В первом классе десять раз читается Маршак. И только три — Пушкин. С Пушкиным успешно конкурируют А. Барто, З. Александрова и О. Высотская, С. Гогореловский и Н. Забила. Крылов? Да ни одной строчки. А Кольцов? Здесь уже речь даже не о первом и втором классах. Общественность должна знать, что один из самых великих русских поэтов вообще выброшен из школьных программ. Наши дети уже не читают ни «Леса», ни «Косаря», ни произведения, которое Щедрин называл одним из самых великих поэтических созданий, — «Песни пахара». Ни в обязательной программе, ни в факультативе, ни в одном классе, ни единой строчки.

Будем справедливы и не ста-

Командир партизанского соединения Герой Советского Союза А. Н. Сабуров и его боевые награды * Книги, посвященные советской милиции * Курсанты Московской специальной средней школы милиции МВД СССР в музее * Фрагмент росписи одного из залов, выполненной народным художником РСФСР Д. М. Мерпертом.

нем впадать в преувеличения. Конечно, наши школьники в основном изучают не какую-то макулатуру, а добротные книги для чтения (хотя попадают вещи, вопиющие по убогости и даже малограмотности). Конечно, Маршак, Барто, Михалков — лучшие писатели нашей явно лучшей в мире детской литературы. Конечно, книга для чтения в первом классе не предполагает собственно литературных изучений: задачи ее разнообразны. И все же — «Родная (!) речь» (!). И все же — десять к трем. И все же — ни одной строчки Крылова. Естественно, изучение классики, и Пушкина тоже, будет нарастать от года к году. Но и во втором классе сохраняется такое соотношение: 9 раз — Маршак и 2 раза — Пушкин. И неужели проза Г. Скребицкого (в общем, неплохая пейзажная проза) действительно так далеко перекрывает всю остальную русскую детскую или могущую выступить в качестве чтения для детей прозу, что к ней нужно обратиться восемь раз в первом классе и одиннадцать раз во втором? Против соответствия четырех и трех обращений, скажем, к Льву Толстому и одного (пять строк) — к Чехову? Но дело не только и даже не столько в арифметике. В конце концов произвести рокировку (десять раз — Пушкин, три — Маршак) довольно просто. Дело в том, что на протяжении трех лет художественное слово, литература выступают только как иллюстрация и прописи, подчиненные так называемому тематическому принципу. К тому же на протяжении трех лет из года в год повторяются, по сути, одни и те же темы: «Идет волшебница Зима» (1-й класс), «Вот пришли морозы и зима настала» (2-й класс), «Здравствуй, гостья Зима» (3-й класс). Или: «Что такое хорошо и что такое плохо» (1-й класс), «Что такое хорошо и что такое плохо» (2-й класс), «Что такое хорошо и что такое плохо» (3-й класс). То же с темами «Лето», «Осень», «Весна», «Октябрь» и т. д. Большая литература для маленьких так просто не ложится в прописи. Не потому ли и классика оказывается сравнительно оттесненной, что при абсолютно четких идейных акцентах она отнюдь не есть собрание таких прописей. Действительно, странно выглядит в разделе «Что такое хорошо и что такое плохо» та же басня Крылова, когда до него, наконец, доходит дело, «Ворона и лисица», да еще сопровождаемая вопросом: «Какие пороки (!) людей осуждаются в этой басне?» Русская критика, начиная с Белинского, русская педагогика и психология, кончая Выготским, давно уяснили и объяснили многозначность образной природы крыловской басни, противопоставив ее докритической басне-наравоучению. Поэтому действительно было бы любопытно послушать авторов-составителей, какова же мораль крыловской басни, что же такое там хорошо и что такое плохо и какие такие пороки людей там осуждаются. А «Стрекоза и Муравей»?

Боюсь, что «Родная речь» на протяжении трех лет отстает от гораздо более научных, историчных и эстетичных принципов, которые ныне в целом приняты в последующих школьных классах и даже в предшествующих (детсадовских) чтениях. Не потому ли

классика в старших классах осваивается труднее и с меньшим интересом, что к ней в младших обращаются мало и, может быть, с опозданием, а подлинное ее идейно-художественное богатство глущится?

Кроме того, я не случайно особенно настаиваю на именах Пушкина, Кольцова, Крылова, может быть, даже в большей мере, чем на Толстом или Чехове. Роль слова у них важна, как ни у кого позднее. И слово это особое — многозначное, емкое, синтезирующее. От них идет становление нового русского литературного языка. Там возникла большая часть формул, пословиц и афоризмов, вошедших в наш обиход, нарицательных типов и имен, закрепившихся в нашем сознании. В. И. Ленин не даром в рекомендации составителям словаря русского литературного языка указал на точку отсчета от Пушкина. Здесь первооснова нашего литературного языка нового времени, здесь начало всех начал, если вспомнить формулу Горького, опять-таки относящуюся к Пушкину. Так не с пушкинского ли слова нужно начинать вообще обучение слову? Именно здесь должно вырабатываться то особое чувство родного языка, утеря которого под влиянием языковых штампов, канцеляризм, языковой газетной общности так ощутима сейчас. Язык — это не механизм, а организм. Между тем в школе именно теряется ощущение этой органики, чувство слова и как раз в ту детскую пору, когда для этого существуют условия, которые уже позднее никогда не повторяются.

Вообще изучение литературы и языка абсолютно разобщено. Даже задания по так называемому развитию речи находятся в двух «ведомствах»: уроки русского языка и уроки литературы. Тот факт, что изучение языка ограничивается в школе предложением как самой крупной единицей без выхода в еще более крупные языковые образования, тем более мешает ощутить органику родного языка. Впрочем, о разобщении в изучении языка и литературы в старших классах говорить уже не приходится, ибо в них изучение языка просто отменено. Естественно, что судорожные усилия, предпринимаемые почти во всех отнюдь не филологических вузах для того, чтобы как-то ликвидировать потрясающую малограмотность, мало что дают после такого насильственного разрыва в обращении с родной речью. Замечу, что уйма учебного времени уже и у будущих педагогов-филологов уходит на учебные часы, которые в планах стыдливо называют языковыми практиками и т. п. и которые уже неофициально называют бесстыдным «ликбезом». Координация взаимосвязи при изучении литературы и ее первоэлемента — языка насущно необходима для обоих этих предметов, а классика здесь — единственно возможное поле решения такой задачи.

Вообще только первоначальное освоение классики, русской и советской, способно подготовить малыша, а затем и подростка к освоению классики уже на этапе освоения истории литературы.

Но нужно ли вообще преподавать в старших классах историю литературы и если нужно, то как?

Окончание следует.

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. ГЕРЦЕНА

...Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадюку, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом.

В. И. ЛЕНИН. Из статьи «Памяти Герцена»

ТОВАР С А

П. ВОЛНАТЕНКО

Пятая часть «Былого и дум» Герцена завершается разделом «Русские тени». Первая глава раздела называется «Н. И. Сазонов». Университетский товарищ Герцена Николай Иванович Сазонов сейчас почти забыт, и имя его если и упоминается, то в перечне людей 30—40-х годов, среди второстепенных представителей эпохи, давшей России Белинского, Герцена, Грановского. Но, как писал Герцен, «таких людей нельзя просто сдать в архив — и забыть».

В Московском университете Сазонов не только примкнул к кругу Герцена, но благодаря своему «резкому дарованию и резкому самолюбию» стал одним из его лидеров. «Мы вошли в аудиторию, — писал Герцен, — с твердой целью в ней основать зерно общества по образу и подобию декабристов и потому искали прозелитов и последователей. Первый товарищ, ясно понявший нас, был Сазонов: мы нашли его совсем готовым и тотчас подружился. Он сознательно подал свою руку...»

Человек выдающихся способностей (об этом подробно пишет Б. П. Козьмин, ссылаясь на слова К. С. Аксакова, в публикации о Сазонове в 41—42-м томе «Литературного наследия»), выходец из богатой дворянской семьи, Н. И. Сазонов разделил политические взгляды Герцена и Огарева и включился в университетскую пропаганду. «Проповедовали мы везде, всегда... Что мы собственно проповедовали, трудно сказать. Идеи были смутны, мы проповедовали декабристов и французскую революцию, потом проповедовали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилью, к всякому правительственному произволу».

Романтический социализм, юношеский максимализм, отрицание гнета самодержавия, мечты о свободе и равенстве заложили

основу всей будущей жизни Герцена и его друзей. Но кружок распался в 1834 году, когда Герцена, Огарева и других его членов арестовали и посадили в тюрьму. Кетчер и Сазонов чудом уцелели. Вскоре Сазонов уезжает в Париж. Здесь он, казалось бы, ведет разгульную жизнь богатого русского барина, завсегда в ресторанах и кабаках, окруженный разношерстной парижской богемой, в свободе и праздности. Но в то же время Сазонов — постоянный слушатель парламентских дебатов, посетитель общественных собраний и литературных клубов, он поддерживает связь с деятелями французских тайных обществ, сближается с политэмигрантами, жившими в Париже, в 1843 году знакомится с Карлом Марксом.

Герцен вновь встретился с Сазоновым лишь в 1847 году в Париже и увидел, что «горели и его глаза и наполнялись слезой при памяти о наших университетских мечтах... Внутри его глубоко уязвленного самолюбия все еще хранилась вера в близкий переворот России и в то, что он призван играть в нем большую роль». Но длительный разрыв с Россией, неспособность оценить складывающуюся там ситуацию, когда открытая политическая борьба на время отступила, когда новости литературного и университетского мира вызвали на родине больший общественный интерес, чем назначение нового министра, фельдмаршала или митрополита, все дальше уводило Сазонова от реальных русских дел. Об одном характерном случае рассказывает Герцен. Друзья только что расстались с Белинским накануне его отъезда из Парижа. Было ясно, что видели они его в последний раз, смерть уже чувствовалась в его облике.

ИЩ ГЕРЦЕНА- З О Н О В

«— Жаль, — заметил Сазонов, — что Белинскому не было другой деятельности, кроме журнальной работы, да еще работы подцензурной.

— Кажется, трудно упрекать именно его, что он мало сделал, — отвечал я.

— Ну, с такими силами, как у него, он при других обстоятельствах и на другом поприще побольше сделал бы...

Мне было досадно и больно.

— Да скажите, пожалуйста, ну вы, живущие без цензуры, вы, полные веры в себя, полные сил и талантов, что же вы сделали? Или что вы делаете?..

— Постой, постой, — говорил Сазонов, уже очень неравнодушно, — ты забываешь наше положение.

— Какое положение? Вы живете здесь годы, на воле, без гнетущей крайности, чего же вам еще? Положение создаются, силы заставляют себя признать, втесняют себя. Полноте, господа, одна критическая статья Белинского полезнее для нового поколения, чем игра в конспирации и в государственных людях. Вы живете в каком-то бреде и лунатизме, в вечном оптическом обмане, которым сами себе отводите глаза...» («Былое и думы»).

Революция 1848 года во Франции показала Сазонову предвестницей политического переворота в России. Он бросается в революцию, организует интернациональный клуб, сотрудничает в нескольких демократических газетах, в том числе в «La Tribune des Peuples» во главе с Адамом Мицкевичем; Герцен рекомендует Прудону передать иностранный отдел редакции «Voix du Peuple» Сазонову, знатоку четырех европейских языков, литературы, политических направлений и партий... Отнюдь не случайно Герцен называл тогда Сазонова «имеющим вес в европейском движении».

Его участие в революции 1848 года не прошло незамеченным правительством Николая I. На имя Сазонова было наложено запрещение, а самого его царь повелел вызвать в Россию. Вер-

нуться он отказался и был лишен всех прав состояния и навсегда изгнан с родины по постановлению Государственного совета. А вскоре революционеры высылают и из Франции, и он поселяется в Женеве. К этому времени относится примечательное письмо Сазонова к Карлу Марксу, давшее возможность некоторым исследователям не без основания назвать Николая Ивановича Сазонова «первым русским марксистом».

«Мы уже давно знаем друг друга, — писал Сазонов Марксу, — но у нас было очень мало случаев для обмена мнениями. Вольф, вероятно, уже сообщил Вам, что в последнее время я в оценке людей и событий почти не расходился с ним, а следовательно и с Вами... и так как я думаю, что Вы не изменили своих взглядов, то Вам будет до некоторой степени приятно узнать, что я присоединяюсь по всем существенным пунктам к тому, что Вы высказали в «Манифесте», опубликованном Вами в Брюсселе (имеется в виду «Манифест Коммунистической партии» — В. П.). Да, мой друг, в ходе естественного развития, побуждаемый неотразимой логикой, любовью к свободе, равно как и любовью к порядку, я пришел к убеждению, что серьезный революционер может быть только коммунистом; и я теперь коммунист». Это признание в устах сына русских сороковых годов много значит, и вряд ли корректна некоторая ирония, с которой иногда комментируется письмо Сазонова и подчеркивается лишь «ограниченность» его воззрений. В конце концов именно Сазонов одним из первых русских признался в приверженности коммунизму, назвал Маркса «учителем» и в меру своих сил работал над превращением идеи в дело.

В подтверждение этого приведем отрывок из еще одного письма.

«Париж, 10 сентября (1851 г.) Дорогой Маркс!

Уже давно я не имею от Вас никаких известий и сам в течение долгого времени не давал Вам знать о себе. С давних пор я все собирался навестить Вас в Лондоне, но теперь я в Париже, где думаю оставаться до тех пор, пока полиция не удастся обнаружить

меня и выслать. Париж никогда еще не представлял такого интереса, как в настоящий момент. Старый мир находится накануне своего полного распада, ибо процесс разложения зашел так далеко, что составляющие его элементы выделяются и обособляются как самостоятельные центры (...). Недостает определенной, ясно выраженной доктрины. Я перевел на французский язык половину Вашего «Манифеста», опубликованного в 1848 году (...). Мне говорили, что Вы и г-н Энгельс хотите воспользоваться всемирной выставкой, чтобы показать буржуазии, как ее усилия, с виду весьма щедрые и разумные, неизбежно уводят от обычного пути и ускоряют наступление коммунизма. Это прекрасная тема, достойная Вашего гения, и как бы я хотел, чтобы Вы основательно ее разработали. «Раздавите гадину!» (слова Вольтера. — П. В.).

Пишите мне, дорогой учитель, и примите уверение в неизменной дружбе и преданности Вашего брата, Сазонова».

Маркс ценил своего русского знакомого. В одном из писем он называет его «известным русским писателем». Такое определение не случайно. Н. И. Сазонов всю жизнь активно занимался литературным трудом, и не слишком ли резок был Герцен, назвавший Сазонова, видимо, под влиянием разномыслия, «плодовитой бесплодностью»? Опубликованные Б. П. Козьминым статьи Сазонова о Тургеневе, Герцене, яркий памфлет «Правда об императоре Николае» — произведения, где политический максимализм автора сплавлен с умением проникнуть в исторические события и глубины человеческой психологии, говорят о нем как о литераторе темпераментном, умном и умелом. Не случайно о нем так высоко отзывался П. Я. Чаадаев. «Есть в Париже русский человек необыкновенного ума по имени Сазонов», — писал он А. И. Тургеневу. Многие высоко ценили ум и способности Сазонова. Пожалуй, наиболее суров к нему был товарищ его юности Герцен. Тому были свои

...Вдруг какой-то русский, приехавший недавно из Швейцарии в Лондон, сказал мне:

— Накануне моего отъезда из Женевы хоронили старого знакомого вашего.

— Кого это?

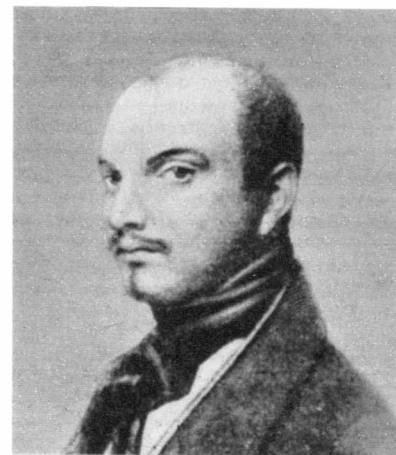
— Сазонова, и представьте: ни одного русского не было на похоронах.

И стукнуло сердце — будто раскаяньем, что я его так надолго оставил...

Сазонов умер в Швейцарии на пути в Россию. В конце пятидесятих годов ему было разрешено вернуться на родину. Он не сразу смог воспользоваться помилованием — отсутствие средств для переезда большой семьи (давно минуло время даже относительно благополучия — Сазонову довелось и голодать, и сидеть в долгой тюрьме, и скитаться в поисках заработка и жилья) задерживало Сазонова за границей.

О дальнейшей судьбе семьи Сазонова нам рассказал московский инженер Л. Н. Вельяшев, у которого хранятся интересные материалы о жене и детях Н. И. Сазонова.

После неожиданной смерти Сазонова его жена Варвара Иосифовна (урожденная Мицкевич) решила все же ехать на его роди-

Н. И. Сазонов.

ну, чтобы дать детям русское воспитание. Она направилась в Коломну, где у семьи Сазоновых был дом и где жил их давний знакомый по Парижу П. И. Вельяшев, двоюродный брат той самой Катеньки Вельяшевой, которой посвящал Пушкин стихотворение «Подъезжая под Ижоры...».

Через некоторое время П. И. Вельяшев и В. И. Сазонова поженлись, и до конца дней прожила Варвара Иосифовна в небольшой усадьбе «Новоселки» под Коломной. Здесь же, в русской деревне, выросли и получили воспитание дети русского революционера, умершего на чужбине.

Недавно я рассматривал материалы сохранившегося архива Сазоновых-Вельяшевых. В старом альбоме — фотографии и дагерротипы людей, входивших в окружение Сазонова, Бакунина, Герцена в Париже, портреты детей Николая Ивановича Сазонова. Над всеми этими документами сейчас работает Л. Н. Вельяшев, знаток русской истории, внимательный исследователь былого. И что-то новое проясняется в колоритном облике полужабытого представителя русской демократической интеллигенции Н. И. Сазонова, сына сороковых годов, товарища юности Герцена, с которым его так прихотливо сводила и разводила судьба, человека, принадлежавшего, по словам того же Герцена, к тем, кто «жертвовали всем, что им предлагала традиционная жизнь, к чему влекла среда, пример, к чему нудила семья, из-за своих убеждений».

В. И. Сазонова. С дагерротипа конца 1850-х годов. Публикуется впервые.

причины. Их имеет в виду Герцен в грустном окончании очерка о Сазонове: «Между нами пробежала кошка. Он не откровенно поступил со мной в одном деле, очень дорогом мне. Я не мог перешагнуть через это.

Между тем началась новая эпоха для России; Сазонов рвался принять участие в ней, писал статьи неудавшиеся, хотел возвратиться — и не возвращался... Долго об нем не было ничего слышно.

Вильям КОЗЛОВ

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

1

Проходя мимо Казанского собора, Кирилл увидел Евгению. В легком светлом плаще она шла навстречу. Лицо задумчивое, овальные глаза грустные. Евгения не смотрела на прохожих и наверняка прошла бы мимо, не заметив Кирилла, если бы он не загородил ей дорогу. В первое мгновение в глазах промелькнуло недоумение, смешанное с раздражением, затем в них замельтешили знакомые веселые искорки, которые он прозвал про себя звездами и планетами. И только сейчас увидел за ее спиной толстую блестящую косу. Евгения выглядела прямо-таки девчонкой, десятиклассницей. Только вместо портфеля с книжками и тетрадками в руке у нее была замшевая сумочка с красивой застежкой.

— А мне говорили, что вероятность встретить в Ленинграде на улице знакомого почти равна нулю, — улыбнулась она.

— Ваш знакомый плохой математик, — ответил Кирилл, не в силах скрыть свою радость от встречи с ней.

— Он доктор физико-математических наук.

— Бог с ним, с доктором, — улыбнулся Кирилл. — Куда вы идете?

— Я уже пришла, — сказала она, кивнув на Казанский собор. — Хотите, я вам покажу одно замечательное местечко?

Она взяла Кирилла за руку и повела за собой. Они миновали сквер с зеленоватыми скамейками и взрылленными лопатой клумбами, поднялись на массивные каменные ступеньки, прошли мимо двух огромных ребристых колонн и очутились на каменной терраске, откуда открывался вид на улицу Софии Перовской. Отпустив его руку, Евгения легко спрыгнула с терраски на каменные плиты, нагроможденные в беспорядке на земле. Одна плита лежала горизонтально. Обмытая дождями, она была гладкой и чистой. Подобрал полы плаща, Евгения уселась на нее и кивнула Кириллу: мол, садись рядом.

— Нравится? — спросила она. — Кругом город, люди, а здесь тихо и никого нет.

— Есть в Ленинграде места и поинтереснее, — сказал Кирилл.

— Мне это нравится, — с ноткой разочарования в голосе ответила она.

— Вы солнца боитесь? — спросил он.

Здесь было сумрачно и пахло влажной землей и гниющими листьями. Кое-где среди каменных глыб виднелись полоски грязного льда с вмерзшими в него бумажками и окурками.

— Вам не кажется, что вы задаете глупые вопросы? — холодно поглядела она на него.

— При встрече с вами я всегда глупею.

— В таком случае вам лучше не встречаться со мной.

— Что вы? — сделал он испуганные глаза. — Это невозможно!

— Почему? — уже мягче поинтересовалась она.

— Потому что вы мне очень нравитесь. — Кирилл чуть было не сказал, что с великим трудом ухитрился взять два билета на самолет, но удержался: чего доброго, она совсем примет его за дурака...

— Опять вы за свое... — В ее голосе прозвучали грустные нотки.

— Я все время думаю о вас и жду звонка. А вы все не звоните...

— Вы не похожи на человека, который день и ночь дежурит у телефона.

— А вы бы этого хотели?

— В том-то все и дело, что я ничего не хочу, — ответила она и, помолчав, прибавила: — Тем более морочить вам голову.

— А вы этого и не умеете делать.

— Кирилл, я любила, была замужем, у меня ребенок...

— Ну и что?

— Вы считаете, этого мало, чтобы научиться в жизни кое-что смыслить?

— Жизнь, конечно, нас многому учит, но совсем не для того, чтобы разочаровались в ней, — сказал Кирилл. — Я тоже любил... Ну и что же? Прошла любовь. И я не считаю, что мне не повезло. Люди иногда случайную любовь принимают за настоящую, отсюда и все беды: разочарования и все такое...

— Вы хотите сказать, что у вас и у меня была любовь настоящая? — Евгения с интересом смотрела на Кирилла.

— Не знаю, как у вас, а у меня — да.

— Пережив эту настоящую любовь, мы теперь с вами имеем право на настоящую? Правильно я поняла вас?

— Каждый человек имеет право на настоящую любовь.

— Все это слова, дорогой Кирилл! — сказала она. — Вы случайно лекции на тему «Что такое любовь и как с ней бороться?» не читаете в домоуправлении?

— Почему в домоуправлении? — улыбнулся он.

— Не хватит же у вас мужества говорить все это современным молодым людям? А в домоуправление на лекции ходят лишь пенсионеры и домохозяйки...

— Я уже взял билеты на пятое мая, — перевел Кирилл разговор на другое.

— Разве вы едете не один? — Глаза ее были устремлены на остановившийся троллейбус.

— Мы едем вдвоем. Вернее, летим. Вы и я.

— Здорово вы за меня решили! — воскликнула она. — А если бы мы не встретились?

— Мы обязательно бы встретились, — спокойно ответил он. — Иначе и быть не могло, Евгения.

— Вы или до неприличия самоуверенны, или...

— Вот увидите, будет по-моему, — сказал он и взял ее теплую узкую ладонь в свою руку. Она сделала слабую попытку освободиться, но он не отпустил. Ее рука осталась в его ладони.

— Покажите билет! — потребовала она.

Кирилл достал из внутреннего кармана пиджака два билета. Евгения внимательно прочитала и вернула назад.

— Евгения Офицера... — произнесла она, будто прислушиваясь к звучанию этой фамилии. — Какая же я Офицера?

— Вы почему-то упорно скрываете от меня свою фамилию.

— Она очень простая, — ответила она. — Соловьева.

— Красивая фамилия... По мужу или девицы?

— Моя фамилия, — ответила она.

Они молча сидели на камне, еще сохранившем в своих глубинах зимний холод. Кирилл протянул руку, и его пальцы схватили упругую теплую косу. Она действительно была тяжелой.

— Вы хотите дернуть меня за косу? — блеснула она в его сторону глазами. — Тогда скорее, пока у меня хорошее настроение!

— Я и в школе-то не дергал девчонок за косы, — сказал он и невольно прижал косу к лицу. Она пахла уже знакомыми ему тонкими духами.

Она высвободилась и легко вспрыгнула на каменную площадку. Вслед за ней поднялся и Кирилл. На широких каменных ступеньках собора и у дверей остановилась экскурсия. Худощавая веселая девушка бойко стала рас-

сказывать об истории создания Казанского собора. Туристы задирали головы и рассматривали своды собора, украшенные лепкой.

— Почему вы не носите с собой альбом и краски? — поинтересовался Кирилл.

— Я вам говорю, что уже с год не держала кисти в руках, — ответила она.

Он чуть было не спросил: на что же она живет? — но промолчал, посчитав, что задавать этот вопрос бесполезно.

— Вы хотели спросить, каким образом я деньги зарабатываю? — догадалась она. — Иллюстрирую детские книжки.

— А говорите, кисть в руках не держите?

— Рисунки я делаю карандашом, — пояснила она. — А кисть — это совсем другое дело, — она с неудовольствием взглянула на него. — Не будем больше об этом, ладно?

Напротив Елисеевского магазина она свернула в скверик к памятнику Екатерины Второй. Кирилл уже заметил, что ее, как магнитом, притягивают к себе памятники, соборы, дворцы. Вот и сейчас она направилась в сквер машинально, по привычке. Кириллу и самому нравился этот красивый сквер. На скамейках сидели шахматисты, окруженные болельщиками. Площадь перед Пушкинским театром пересекали две модно одетые стройные женщины. Они скрылись в служебном театральном подъезде. Наверное, актрисы спешили на репетицию или на утренний спектакль.

Кирилл думал, она присядет на скамью, но Евгения повела его мимо театра на улицу Зодчего Росси. От невысоких зданий как раз до середины улицы опрокинулись тени. Небо над головой было непривычно синее, с редкими, не загораживающими солнце облаками. Народно было мало.

На площади Ломоносова Евгения сказала, что ей надо домой: там Оля... Правда, дочка с матерью, но Евгения обещала сходить с ней в кино.

— Я провожу, — сказал Кирилл.

— Вам хочется узнать мой адрес? — улыбнулась она. — Это не очень далеко. Я живу на Бассейной, рядом с метро «Парк Победы».

— А точнее?

— Вам надоело день и ночь ждать у телефона?

Я В

— Вот именно.

Она раскрыла сумку, достала записную книжку в розовой гляцевитой обложке, записала телефон и вырвала страницу.

— В одном вы уже добились своего, — заметила она, протягивая ему узкий листок в мелкую клетку.

— И в другом добьюсь, — пообещал он.

— Мой автобус, — сказала Евгения, глядя мимо его плеча.

Автобус остановился, открылись двери. Кирилл хотел было войти вслед за ней, но она мягко остановила:

— До свидания!

— Евгения, вы собираетесь, — сказал он, стоя у раскрытой дверцы.

— Куда?

— Со мной на Кольский полуостров. И не забудьте захватить кисти и мольберт!

— Вы опять за свое! — Она рассмеялась.

Автобус ушел, а Кирилл стоял на остановке и смотрел вслед, потом перевел взгляд на Фонтанку: по темной с дегтярным блеском воде плыли ослепительно белые льдины.

2

— Не разменяете по две копейки? — обратился Кирилл к киоскерше «Союзпечати».

— Вы уже раз меняли, — заметила та, однако наскребла ему с пластмассового блюдечка мелочь.

Набирая номер, Кирилл слышал могучий рев разгоняющегося для взлета лайнера, шум проезжающих мимо такси, голоса людей. Возможно, если бы кто-нибудь на другом конце

провода снял трубку, то все шумы сразу бы исчезли, но трубку никто не брал. В монотонные продолжительные гудки вдруг ворвался голос диктора радиотрансляции и доверительно сообщил: «Николай Харитонович никогда на это не пойдет. Он спит и видит во сне, как бы выдать свою дочь Аннушку замуж за графа Шувалова...»

«Ну это мы еще посмотрим»,— мрачно подумал Кирилл и повесил трубку.

Или Евгении не было дома, или она не брала трубку. Он звонил ей с самого утра, испорченные автоматы проглотили несчетное количество монет—и все без толку. До посадки на самолет осталось меньше чем полчаса. Объемистый рюкзак с привязанной к кармашку биркой уже уплыл по транспортеру вместе с чужими чемоданами, баулами и сумками. В руках у Кирилла остались лишь зачехленные удочки да новая брезентовая куртка.

Хотя Кирилл и был готов к тому, что Евгения никуда с ним не поедет, однако настроение с каждой минутой падало. Он хорошо помнил день, когда впервые предложил ей поехать на север. Глаза ее вспыхнули, она даже растерялась. Он уверен, что в тот момент молодая женщина готова была поехать... Эта ее растерянность и вспыхнувшая на миг надежда в глазах вселили в него уверенность. Кирилл отлично понимал, что на такое решиться трудно, у нее мать, которой надо все как-то объяснить, маленькая Ольга... Кажется, Евгения говорила, что снова взяла большую работу в детском издательстве.

Нет, она не обещала с ним поехать, но он почему-то верил: они поедут вместе. Даже сейчас, когда до вылета осталось совсем немного, он все еще верил...

У прохода с табличкой их рейса уже толпились пассажиры. Симпатичная женщина в серой летной форме стояла у турникета и разговаривала с диспетчером—тоже миловидной девушкой, выписывающей багажные бирки.

Он увидел ее и не поверил своим глазам: она стояла в зале, прислонившись спиной к мраморной колонне. У ног ее приткнулся оранжевый кожаный чемодан, перетянутый ремнями. И вид у нее был несчастный. Наверное, не заметь ее Кирилл, она так и осталась

— Кирилл, я убежала...— плачущим голосом сообщила Евгения.— Как кукушка, подбросила маме на квартиру свою Ольгу и, оставив записку, бегом сюда, в аэропорт...

— Мама поймет...— не очень-то уверенно успокоил Кирилл.

— Ольга меня отпустила,— продолжала Евгения.— Только попросила привезти ей маленький подарок: всего-навсего живого белого медвежонка...

— Я знал, что ты придешь,— улыбался Кирилл.— Ты не могла не прийти!

Кирилл окончательно поверил, что она действительно летит с ним, когда «Аннушка» легко оторвалась от широкой свинцово-серой взлетной полосы и стала плавно набирать высоту. Под низко опущенным крылом, будто сворачиваясь в гигантскую воронку, изгибалась сразу ставшая далекой и незнакомой земля. А в противоположный, задравшийся вверх иллюминатор набегали пронизанные солнцем редкие облака.

Кирилл оторвался от окна и, повернув голову, встретился взглядом с Евгенией. В глазах ее посверкивали золотые и серебряные точки, но выражение лица было грустное. Земля все еще не хотела ее отпустить. Молодая женщина не была уверена, что не совершила ошибки, полетев в неведомую даль с совсем еще чужим для нее мужчиной. И не в нем в конце концов было дело: ее на самом деле давно притягивал север, ей, как никогда, этой весной хотелось каких-то перемен. Было и еще одно очень важное обстоятельство, заставившее ее решиться на такое,— это возможность набраться новых впечатлений... Что она в жизни видела? Институт имени Репина? Неудачное замужество, рождение дочери—все это надолго оторвало ее от искусства. Муж все силы приложил, чтобы сделать из нее примерную домашнюю хозяйку, он внушал ей, что из женщин никогда еще не получались гениальные художники. Пусть она назовет хотя бы одного прославившегося в веках художника-женщину? Голубкина? Так ведь она скульптор и, судя по воспоминаниям современников, так же, как и Жорж Санд, обладала мужским характером. Да и не только характером, в этих

лись в соседнюю деревню, а сюда лишь приплывали на моторных лодках-карбасах посмотреть на свои полузатопленные дома. Через год Олень смиловился и отступил, а люди снова вернулись в Клевники. До сих пор нижняя часть домов, побывавшая под водой, отличается по цвету от верхней: более темная, кое-где с остатками засохших бурых водорослей. Небольшие, срубленные из крепких сосновых бревен бани спускались к самой воде. Вволю напарившись, молодые да и старики, выскочив из бани в облаке пара, шарахались в озеро. Побарахтавшись там с минуту в ледяной воде, снова забегали в баню.

Кирилл поселился у старика Феоктиста. Тому было что-то около восьмидесяти лет, в деревне все его звали дедушкой Феоктистом, а как его фамилия, старик и сам не помнил. Жил он с внучкой Глашей, востроглазой и юркой. Глаша была сиротой. Как нередко случается на северных озерах, ее родители-рыбаки попали в сильный шторм и утонули. Олень—большое и суровое озеро. Не один рыбак нашел свою могилу на его дне, а до дна не так-то близко. В некоторых местах глубина в озере до трехсот метров. Глашины родители погибли три года назад в большой разлив. В тот год деревню-то и затопило. Сейчас Глаше восемь лет, она уже ходит в школу, но иногда в девчоночьих, чуть раскосых глазах с золотыми ресницами сквозит недетская печаль, хотя большую часть дня девочка весела и подвижна. Она очень любопытная, первые дни так и ходила за Кириллом, будто веревочкой привязанная. Глаза у нее чистые и синие, как озерная вода в спокойную погоду, редкие льняные волосики тонкие и мягкие, как паутина. Иногда она их заплетает в две тоненькие косички, торчащие по обе стороны головы, будто крысиные хвостики. Когда Глаша по своей привычке громко и быстро говорила, хвостики мелко-мелко дрожали, а поговорить девочка любила.

— И чё вы, дяденька Кирилл, мужиков наших пытаете?— спрашивала она, задирая к нему свое маленькое живое личико.— И старушек наших пытаете? Вон давеча бабушку Нюту пытали. А чё она вам сказать-то может, ежели глуха, как камень? Вы лучше со мной

А С Л Ю Б Я Л Ю ...

бы стоять у колонны, глядя в широкое окно, за которым простиралось заасфальтированное с зелеными разделительными полосами летное поле, виднелись большие и маленькие самолеты, а почти у самых окон висел над серой квадратной площадкой желтый с красным вертолет. Он или взлетал, или готовился приземлиться.

Чувствуя, как бешено заколотилось сердце, а непослушные губы растягивает счастливая глупая улыбка, Кирилл, уронив удочки, бросился к ней. Видно, удочки кого-то заделали, потому что он услышал возмущенный возглас, но даже не обернулся: подбежав к Евгении, схватил ее за руки и, заглядывая в глаза, что-то бессвязно говорил, смеялся... И с радостью видел, как в ее глазах исчезает это несчастное, затравленное выражение. Вот в них снова вспыхнули и замельтешили так поразившие его в первый раз разноцветные точки.

— Чемодан!— вспомнил Кирилл, услышав голос диктора, объявившего посадку на их самолет.

Он схватил довольно легкий чемодан, подбежал к стойке регистрации и бухнул его на весы. Дежурная наградила его недовольным взглядом и, отмечая что-то в книжке, заметила:

— Обязательно один такой найдется, который опоздает!

— Это замечательно!— глупо улыбаясь, выпалил Кирилл.— Если бы люди не опаздывали, скучно было бы жить на свете!

— Идите на посадку, весельчак...— стараясь быть серьезной, сказала девушка, но на губах ее помимо воли появилась улыбка.

женщинах было от рождения заложено мужское начало...

Да, муж все сделал, чтобы убить в ней художника. И она поверила ему, забросила краски, кисти... Лишь придя в себя после развода, стала понемногу заниматься тем, чему ее шесть лет учили в институте, но настоящей веры в себя еще не было. И эта поездка на север, может быть, вернет ей эту утраченную веру...

Кирилл взял ее за руку и, заглянув в грустные глаза, сказал:

— Я только сейчас понял, что ты со мной, рядом...

Но она еще была очень далеко от него. В этом ему еще придется не раз убедиться...

Она видела, как он обрадовался ей. И сейчас, в самолете, Евгении захотелось сделать ему что-нибудь приятное.

— Мы летим, Кирилл?— повеселев, спросила она.— Ты победил!

— Я давно лечу,— с улыбкой ответил он.— А ты только что оторвалась от земли.

И это была правда.

3

Деревушка Клевники с трех сторон окружена водой. Огромное озеро Олень почему-то пощадило вытянутый языком кусок суши, на котором в беспорядке разбросано десятка два крепких деревянных изб. Года три назад озеро вдруг разгневало на деревню и весной захлестнуло ее волнами. Год в деревне никто не жил, потому что избы почти до половины стояли в синей воде. Жители пересели-

разговаривайте... Я люблю книжки с картинками читать и ое-ей сколько всего знаю!

— Знаешь?— подзадоривал девочку Кирилл.— Ну тогда скажи: сколько твоему дедушке лет?

— Феоктисту-то?— морщила маленький белый лобик Глаша.— Много...— И убежденно добавляла:— А сколько всамделе—никто не ведает. Даже сам дедушка.

— А песни дедушка Феоктист знает?

— Песни?— прыскала в ладошку Глаша, и ее косички начинали дрожать, подпрыгивать.— Рази дедушки поют? Они только храпят умеют! Дедушка Феоктист так, бывает, храпит, что тараканы с потолка падают...

— У вас в избе тараканы?— удивился Кирилл.

Хитрая Глаша, уловив в голосе постояльца беспокойство, сообщила, что он может уйти из их избы, и поспешила успокоить:

— Какие у нас тараканы?— Она свела вместе два пальца.— Тараканчики... Крошечные, как божьи коровки... А вот у Детьяревых тараканы, так тараканы. Не тараканы, а тараканщи... Во-о!— Она щедро отмерила на ладони, так рыбак показывает величину пойманной рыбины.

— Я думал, во время потопа вся эта нечисть погибла,— заметил Кирилл.

— Нечисть, можа, и сгинула, а тараканы приплыли из соседней деревни,— совершенно серьезно пояснила Глаша.— Тараканчики, они без людей не могут.

Они сидели с Кириллом на опрокинутой лодке. Тоненькие исцарапанные ножки девочки не доставали до песка, и она пятками то

и дело бухало в борт. Лодка издавала глухой, жалобный стон.

Прямо перед ними привольно расстилалось озеро Олень. Низкие берега заросли молодой нежной зеленой осокой и камышом. Здесь, на севере, весна налетает, как вихрь. Оно и понятно: за какие-то два месяца должны деревья зацвести и дать семена, травы и цветы прожить свой недолгий век, птицы снести яйца и вывести птенцов, созреть ягоды и выплываться грибы. Короткие весна и лето на севере, зато щедрые и обильные урожаи. Стоит постоять с неделю хорошей погоды, и все вокруг буйно зацветет, ползет вверх, к солнцу. Еще старый иссушенный ветрами камыш не полег соломой на дно, а молодые побеги уже вовсю расталкивают его, неудержимо стремятся вверх. Когда ветер не рябит воду, на дне видны лиловые пятна кувшинок. Сначала они с пятак, потом с блюдце, а скоро будут с тарелку. Вот тогда-то они и появятся на поверхности. Наверное, на озере есть и лилии, но пока их не видно, может быть, тоже прячутся на дне, дожидаясь своего часа?..

Олень редко бывает спокойным, чаще всего к вечеру, когда над высоким холмом, что сразу за деревней, будто в глубоком раздумье, останавливаются облака, а розоватые солнечные лучи косо бьют в глаза, беспокойные воды озера превращаются в гигантское зеркало, отражающее в себе и небо, и солнце, и поросший мелкой корявой березой холм, который называют Пулова гора, и больших желтоклювых чаек с черными метками на хвосте, что парят над озером, зорко глядя вниз.

Солнце прячется за Пуповой горой всего на час-два, а потом снова появляется над ожившим озером. И долго оно ползет по волнам, не спеша подыматься в зенит. Ночи здесь все лето белые, точнее, не белые, а сиреневые, потому что вода и небо сливаются, а в низинах над лугами и озером стелется сиреневый туман. Ночи всегда холодные. Дед Феоктист на русской печке спит под стеганым ватой одеялом. Каждое утро он затапливает печь, готовит немудреный обед для себя, Глаши и Кирилла. В основном они едят рыбу. Дед через день садится на свой карбас и едет проверять сеть. Без рыбы не возвращается. Несколько раз ездил с ним и Кирилл, но потом перестал. Неинтересно ловить рыбу сетью. Кирилл иногда на вечерней зорьке с удочкой становится на якорь как раз напротив Пуповой горы и ловит больших черных окуней. Иногда его сопровождают Евгения и Глаша. Окуни и плотва берут жадно. Наверное, в озере мало корма, потому что они и хватают наживку из червей, сырого теста, рыбьего мяса. Глаша ловит на окуневый глаз. Неприятно смотреть, как она ногтем мизинца ловко вырывает у живого окуня радужный глаз и насаживает на крючок.

— Ему же больно,— упрекнула ее Евгения.

— Рыбе не бывает больно,— авторитетно заявила Глаша.— Чё же тогда, когда ее живую потрошат и режут на куски, она не кричит и не плачет?

Кирилл попытался ей объяснить, что у рыб есть голос и они разговаривают под водой, но на такой высокой частоте, что человеческое ухо не в силах уловить. А рыбы глаза все время и так в воде, какие уж там слезы!.. Девочка долго молчала, глядя на поплавок из гусяного пера, а потом задумчиво произнесла:

— Я замечала, как сорвется окунишко с крючка, так потом долго рыба не клюет на этом месте. Знать, предупреждает...

Как бы там ни было, но с тех пор при них Глаша больше не ловила на окуневый глаз. Да и без этого окуни и плотва хорошо клевали. Иногда Кирилл бы и еще посидел при таком-то клеве, но Евгения начинала обвинять его в жадности и потворстве низменным инстинктам, дескать, не может совладать со своей натурой и остановиться. Пойманной рыбы и на уху хватит и на жаренку, зачем же еще ловить?..

Будто угадав его мысли, Глаша, барабанивая голыми пятками в гулкий бок лодки, сказала: — Тетя Женя меня нарисовала... Дедушка говорит: здорово похоже.

— А ты как думаешь? — полюбопытствовал Кирилл. Ему нравилось разговаривать с девочкой. Когда ее долго не было рядом, он начинал скучать.

— Я же себя не вижу: какая я? — объяснила Глаша.— А на портретах люди никогда не походят сами на себя... наших рыбаков в прошлую путину сняли у карбаса в газету, так потом, когда она пришла, всей деревней гадали, кто это в газете помещен. Никто на себя ни капельки не похож! А карбас получился хорошо, даже номер видно.

Кирилл решил, что портрет девочке не понравился. Смешная она на нем: большеглазая, удивленная и с косичками в разные стороны... Это первый портрет, который Евгения написала здесь. Север ее опьянил, она с утра до вечера бродила по деревне, забиралась на Пулову гору, несколько раз уходила с рыбаками на карбасе. Один раз попала в шторм и заночевала на каком-то живописном острове. Там раньше был скит, а теперь никого нет. На берегу сторожка, напоминающая избушку на курьих ножках... Ей там очень понравилось, весь альбом заполнила карандашными рисунками. Теперь пристает к деду Феоктисту, чтобы он ее туда снова отвез. Местные рыбаки уплыли на катере в дальний конец озера и теперь вернуться не скоро. Евгения жалела, что не поехала с ними. Кирилл пообещал ей, что они и без деда, тяжелого на подъем, доберутся до острова Важенка, где сохранился монашеский скит. И теперь Евгения напоминает ему об этом. Кириллу и самому хочется поглядеть на скит, избушку на курьих ножках, половить там непуганую рыбу, но вот вопрос, как туда добраться? Озеро Олень километров двадцать в ширину, а в длину и все пятьдесят будет. И островов на нем не счесть. Когда над озером нет дымки, далеко-далеко видны сразу два острова, но это не Важенка. Тот остров большой и от деревни напрямик километров двенадцать будет, не меньше. Надо знать озеро, чтобы добраться до Важенки. И еще одно: нужно дожидаться хорошей погоды, в шторм не выйдешь. Правда, у деда Феоктиста надежный карбас и мотор хоть и старенький, но безотказный. Сам дед не лезет в него, если забарахлит, ему помогает рыбак Петя. Дело в том, что в Клевниках живут одни рыбаки. Целая рыболовная артель. Дома они бывают в эту пору редко, их небольшой катер с прицепленными к нему несколькими карбасами пашет озеро вдоль и поперек, а бывает, по глубоким протокам уходит и в другие озера. Здесь, в округе, почти все большие озера соединяются. Возвращаются рыбаки домой в субботу. С утра в деревне начинают куриться все бани. К приходу рыбаков — они, как правило, причаливают вечером — бани истоплены, столы с неизменной бутылкой накрыты, а жены, старики и ребяташки в любую погоду табунаются на берегу, из-под ладоней поглядывают на озеро, не появился ли катер. Если ветер дует с озера, то еще катера и не видно, но уже можно услышать негромкий прерывистый шум двигателя.

Улов хороший — праздник в Клевниках, а неудача — и лица у всех невеселые. Ведь от улова рыбаков зависит и благосостояние всей деревни.

— Я же вижу, вы страдаете по тете Жене, а живете порознь? — сказала Глаша.— Взяли бы да вышли за нее замуж.

— Страдаю? — озадаченно проговорил Кирилл.— Замуж это ты выйдешь, когда вырастешь...

— Я — за Саньку, — призналась Глаша.— Он мне давно шибко нравится.

— А ты ему?

— Он на меня, глупый, и не смотрит, — вздохнула девочка.

— А собираешься замуж! — поддразнил Кирилл.

— Я и говорю, глупый, — рассудительно продолжала Глаша.— Счастье своего не знает... Я ведь работающая, у нас все в роду были работающие: и батюшка и матушка... Царствие им небесное... И дедушка. Ему видн сколько годов-то, не сосчитать, а ить не сидит сложа руки? Да я, как белка в колесе, по всему дому... Кто полы моет, рубахи стирает, рыбу чистит? Я ить на все руки от скуки! Вот и подсудите, где еще этот конопатый дурак Санька сыщет лучше жену?

Вот они, дети без отца-то и матери! От горшка два вершка, а рассуждают, как большие! Понятно, все эти слова она переняла у взрослых. Соберутся женщины, толкуют о том

о сем, а ребяташки тут же, вертятся рядом, слушают, мотают на ус...

— Понятно, глупый, — скрывая улыбку, согласился Кирилл. Он вправду подумал, что из Глаши получится хорошая жена. Такие-то не избалованные жизнью дети с малолетства знакомы с любым трудом, знают цену добру и злу.

— Обедаете вместе, гуляете тоже, а живете в разных избах, как чужие, — укоризненно глядя на Кирилла, продолжала гнуть свою линию девочка.— Не годится так, дяденька Кирилл. Вам надо жениться на ней.

— Думаешь? — усмехнулся Кирилл, глядя на озеро.

— Она хорошая, красивая и... рисует! Знаешь, сколько она тебе портретов наделает? Все стены в своей избе увешает...

— А если она не хочет замуж за меня?

— Не хочет? — не поверила Глаша.— Да где же у ей глаза? А еще художница! Что ты, ростоком махонький, горбатый? Аль у тебя заячья губа?

— Заячья?

— Мужчина ты видный из себя, степенный, водку не пьешь, да еще и не старый... Наши бабы говорят, вы с тетей Женей пара, хоть на выставку!

— Погляди, что это там? — показал рукой Кирилл на озеро.— Птица или... зверь какой? Глаша приложила ко лбу ладошку и всмотрелась вдаль. Толстые губы ее поползли в улыбку, обнажив маленькие острые зубки. Один со щербинкой.

— Скажете тоже! Топляк это... Раз дедушка на карбасе налетел на топляк, так пришлось рубахой дно затыкать, а то утонул бы. В нашем озере топляков страсть как много. Сплавают лес плотами, попадут в шторм и разбегутся деревья кто куда. Поди собери их потом! Вот и плавают по озеру... Сазоновы прошлой осенью наловили плавника на целую баню. Вон она стоит у воды. Видите, новенькая и крепкая, как орех! Да вы не туда смотрите, дяденька Кирилл.

Кирилл смотрел на приближающуюся к ним Евгению. Она шла по узкой тропинке. Брюки ее были измочены росой, в руках большой альбом и складной мольберт.

— Вон вы где от меня спрятались! — весело крикнула она.

— Она тебя тоже любит, — шепотом сообщила ему Глаша.— Только еще не знает про это... Как мой глупый Санька!

4

Уже конец июля, а Кирилл еще не видел, чтобы кто-нибудь купался в озере. Вот в банный день купаются все — и стар и млад. После горячего пара, соскочив с полка, приятно бухнуться в обжигающую воду. Кирилл однажды тоже попробовал и даже поначалу не ощутил никакого холода. Холод пришел через несколько минут, когда разгоряченное тело остудилось. Если у самой поверхности вода еще терпима, то уже на метровой глубине кусается.

Кирилл стоит за спиной Евгении и смотрит, как на холсте, закрепленном защелками на мольберте, появляются очертания озера и береговой полосы у деревни. Евгения пишет красками, здесь, в Клевниках, она впервые после долгого перерыва взялась за кисть. И теперь не расставалась с нею с утра до вечера, да иногда и белую ночь писала. Если сейчас, днем, Евгения еще терпела присутствие Кирилла, то вечером работала одна. Кирилл как-то сунулся было ее проводить на Пулову гору, Евгения особенно любила писать, стоя на этом холме, но она попросила его вернуться. Она умела настоять на своем.

Художницей Евгения была неплохой, на взгляд Кирилла, ей особенно удавались портреты. Она умела скупыми точными штрихами уловить характер человека. В ее альбоме появились и ребяташки, и старики со старухами, и рыбаки, но даже карандашного наброска Кирилла не было. Евгения почему-то упорно избегала его писать.

Кирилл не сидел сложа руки, он каждый день встречался с жителями деревни и заводил с ними долгие разговоры о прошлом этого сурового края. Не каждый житель так

уж сразу раскрывал перед ним душу. Случалось получать от ворот поворот. Неохотно рассказывали о своем житье-бытье рыбаки. Лишь старики и старухи охотно вступали с ним в разговор. Главное, надо было направить беседу в нужное русло, потому что в основном все разговоры сводились к одному: сколько у кого детей, родственников, как они живут, что пишут в письмах, у кого кто родился, кто умер, когда кто собирается приехать в отпуск... Говор у сельчан был яркий, образный. Встречались забытые старинные слова вроде «вежды». Один старик, рассказывая о смерти сына-рыбака, сказал: «Сам я, батюшка, закрыл ему вежды...» Встретилось даже старинное слово, явно французского происхождения: «жавель». Преклонная старуха, ругая пропойцу племянника, заявила, что он «хлещет не только сивуху, но жавель...». Это значит одеколон. Поразило его и слово «стогна», означавшее улицу в городе. Только порывшись в словаре, Кирилл узнал, что это церковнославянское слово. Каким образом оно удержалось в маленькой деревеньке Клевники за Полярным кругом? Услышал он здесь и довольно редкие русские пословицы: «И крута гора, да забывчива; и лиха беда, да избывчива», «Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, зиме родной брат». «Старая шутка смерть, а каждому внове».

А вот редких песен и сказаний он здесь не обнаружил. Когда беседа налаживалась, Кирилл как бы между делом включал магнитофон и все записывал. Многие не обращали на это внимания, а один бородатый дотошный старик по прозвищу «Лопата» умолк и стал с подозрением поглядывать на Кирилла острым маленьким глазом из-под кустистой седой брови. А потом промолвил:

— Ты часом, кукуш, не шпиён? Чевой-то ты адскую машинку-то включил? Накрутишь, наvertишь, кукуш, а опосля по энтому... Би-би-си мой голос услышат? У внучонка мово есть приемник... Ты уж, милос, выключи, мать ее в душу!..

Евгения чуть со смеху не умерла. Она часенько вместе с Кириллом присутствовала при этих вечерних беседах на крыльце дома. Даже злые кусачие комары ее не пугали. Пока Кирилл неторопливо вел разговор, задавал вопросы, Евгения раскрывала альбом и карандашом делала портретные наброски. На нее никто и внимания не обращал, потому что она обычно молчала. И лишь когда комары совсем замучают, вскакивала с места и убегала к озеру, где тянул ветерок. Кирилл мазал лицо и руки каким-то пахучим средством от комаров и мошек, но Евгения не пользовалась им. Средство действовало от силы час-два, а потом самые отчаянные комары начинали пикировать со всех сторон, и снова надо было натираться.

Наверное, Евгения выбрала Пулову гору за то, что там никогда комаров не было. Они любят низины, сырые места, а на горе сухо, ветер обдувает со всех сторон. Низкие северные березы и сосны почти не загораживают солнце, в траве копошатся пчелы и синие бабочки, а вот птиц не слышно. Лишь изда-лека ветер приносит крики чаек да тяжелый плеск воды о берег. Олень сейчас не синий, а свинцово-черный, и волны бегут на берег с белыми гребешками. В такую погоду не стоит выходить рыбачить. С виду неопасная волна может запросто ударить в борт и опрокинуть лодку. Карбасу, конечно, не страшны такие волны, но в непогоду дед Феоктист не даст его.

На небольшом холсте появляются знакомые размытые очертания берега, несколькими мазками обозначены покосившаяся баня у самой воды и разлапистый ольховый куст, а подальше за баней опрокинута лодка, на которой Кирилл сидел с Глашей. Кстати, где она? Вроде бы хотела отправиться с ними, но потом куда-то исчезла. Наверное, решила не мешать... Смешная девчонка! Женись, говорит, на тете Жене... Странные у Кирилла и Евгении сложились отношения. Все начиналось так прекрасно, она решила полететь с ним, вместе нашли эту глухую деревушку, которая с первого взгляда очаровала художницу, а потом началось что-то непонятное...

Окончание следует.

МИР ЕЛЕНА АХВЛЕДИАНИ

связь древних рукотворных камней с природой, и, конечно, вспоминаю сумрачного русского гения, избравшего Джвари (в переводе на русский «храм св. Креста») местом действия великой поэмы:

Немного лет тому назад
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры.
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот.
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадилиц благословный дым...

Не впадая в преувеличение, можно сказать, что образ, созданный на полотнах Ахвледиаки, эстетически равнозначен художественно равноценен мерному ритму поэмы. Здесь можно говорить о проникновении творцов в суть, в глубину, о далеком от наивного фотографического реализма воплощении идеи в произведениях искусства.

Долго был путь Елены Ахвледиаки к вершинам истинного мастерства, если под мастерством понимать то единство мысли и природного дара, которое помогает художнику не только видеть яснее, чем обычные люди, но и открывать для людей сокрытое в мире.

Как когда-то Монэ, бесконечно писавший Руанский собор в разное время суток, при разном освещении и погоде, Елена Ахвледиаки множество раз возвращалась на своих полотнах к удивительному произведению древнегрузинской архитектуры — храму VI—VII веков Джвари. Для Ахвледиаки прикосновение к Джвари, вознесшемуся на вершине крутой горы над древней грузинской столицей Мцхета, было стремлением выразить душу Грузии, проникнуть в тайную тайну ее былого, рассказать о красивом, гармоничном и в то же время суровом и гордом характере ее родины. Сюита картин, посвященных Джвари, мне кажется символом искусства замечательного мастера. Я смотрю на этот храм на полотнах Ахвледиаки, поражаюсь, как сумел художник почувствовать и передать величие этой гармонии, органическую, естественную

Она родилась в крохотном городке Телави в Восточной Кахети. На живописные работы ученицы 2-й женской Тбилисской гимназии обратил внимание художник Н. Склифасовский, у которого девушка и начала брать уроки живописи. В 1922 году Елена Ахвледиаки становится студенткой Академии художеств, а затем командировается в Италию и Францию для продолжения учебы.

Елена Ахвледиаки — подлинный национальный художник. Она пишет с, казалось бы, всепобеждающей легкостью, черпая из родников грузинского народного искусства. Но эта легкость кажущаяся — за простотой видится глубокая живописная культура, к которой приобщилась она в Париже.

Здесь кстати заметить, что слияние национальных корней и французской живописной традиции характерно и для прекрасного Ладо Гудиашвили и для целого поколения художников, чей интерес к современной французской живописи совпал с пробуждением внимания к собственным истокам.

...Она очень тосковала по дому. В голубовато-зеленоватых тонах некоторых парижских пейзажей молодой художницы сквозит грусть воспоминаний, и кажется, что ищет она в этом городе искусства, жизни, света те укромные уголки, которые чем-то — обилием зелени, элементами архитектуры, самим воздухом — напоминали бы родной Тбилиси. Во Франции пишет она и грузинские пейзажи, извлекая из дали памяти драгоценные черты родной земли. Это уже не робкие, хоть и отмеченные печатью несомненного дара, ученические работы, а произведения художника, приближенного к тайнам живописной техники, умело строящего композицию, достигающего в полотнах большой выразительности и звучности. Конечно, в становлении ее мастерства сказалось многолетнее общение с величайшими произведениями мировой культуры в Италии и Франции, упорный, ежедневный труд и учеба в «свободной академии» Колоросси. И все же истинная глубина картин молодой грузинской художницы, поразивших знатоков и ценителей выставок «Салона независимых» и «Осеннего салона» в Париже была рождена печалью.

Как бы ни были выразительны и поэтичны ее «уголки Парижа», в них еще чувствуется пусть минометное, но несколько «общее выражение лица». Работы же, посвященные Грузии, ярко индивидуальны, отличаются неповторимой манерой видения и письма, появляющегося тогда лишь, когда

художник обращается к сокровенному, находит «то, что он любит», — как замечал Ван Гог.

В Париже состоялась первая персональная выставка Елены Ахвледиаки. На нее пришел и Поль Синьяк. Внимательно смотрел он на работы Елены и захотел приобрести некоторые из них. Она была бы счастлива просто подарить мастеру понравившиеся картины, но Синьяк строго сказал примерно так: «Художник должен учиться не только создавать интересные произведения, но и ценить свой труд». И купил два тбилисских вида.

Во Франции Ахвледиаки познакомилась и подружилась со многими замечательными деятелями искусства. Напоминает о том далеком времени и рисунок Пикассо с его дарственной надписью, экспонируемый теперь в ее тбилисском мемориальном музее.

Успех в Париже был тем более весом, что французская публика была в то время избалована многими великолепными выставками. И тем не менее профессиональная критика была даже необычайно щедра на оценки: «Елена Ахвледиаки — грузинский художник, привезший со своей родины целый ряд зарисовок. Эти зарисовки представляют собой живописные пейзажи и чудесные сцены из жизни Грузии. Произведения исполнены в своеобразной манере, которая передает красоту пленительных пейзажей и захватывает нас индивидуальными особенностями, характерными только для этого мастера». Критики точно почувствовали тему, которая станет одной из важнейших в творчестве художника: «...Поэзию города многие передавали со всею жизненностью, но кажется, что ты впервые ощущаешь атмосферу старого Тбилиси...

Картины Елены Ахвледиаки как бы напоены ароматом. Каждая картина проникнута искренними эмоциями. Ее рисунки необычайно привлекательны своей легкостью и чистотой».

Вернувшись на родину, Ахвледиаки устраивает выставки в различных городах Грузии, поразившие ее земляков отточенностью вкуса, самобытностью молодого мастера, уверенно вошедшего в ведущий ряд художников, определивших характер грузинского искусства нашего столетия. Вместе с Давидом Какабадзе, Ладо Гудиашвили, Кето Магалашвили и другими она создает школу живописи, в которой верность, точнее преданность национальным традициям сочетается с высокой художественной и общечеловеческой культурой.

Е. Ахведиани. 1901—1975. ПЕЙЗАЖ КАХЕТИИ. 1960.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Е. Ахвледзани. ДЖВАРИ. 1963.

ЭСКИЗЫ КОСТЮМОВ ОПЕРЫ ДЖ. ВЕРДИ
«БАЛ-МАСКАРАД». 1956.

УГОЛОК СТАРОГО ТБИЛИСИ. 1964.

Арон КОГАН

* * *

У стен кремлевских, под плитой
гранита,
Где Вечному огню не угасать,
Лежит солдат, родной землей
укрытый,
И имени его нам не узнать!

Где жил солдат? Откуда был он
родом?
С Камчатки ли, с Карпат
или с Оки?
Шахтером был? Артистом?
Садоводом?
Учил детей? Иль создавал станки?

К нему идут с утра и до заката.
Со всей страны привозят поезда
Тех, у кого война забрала брата,
Отца или сына в грозные года...

У стен кремлевских с елями
седыми,
Где даже время замедляет бег,
Лежит солдат, чье неизвестно имя,
Чей подвиг не забудется вовек!

* * *

Когда кружится голова,
Не от любви и не от хмеля,
Когда стучит едва-едва
Больное сердце в твоём теле,
Казалось — что вчера пустяк,
Сегодня главным стать стремится...
Всю волю соберешь в кулак,
Как будто твой смертельный враг
Нагрязнул адруг, чтобы сразиться!

И вот тогда из бездны лет,
Куда дорог никто не знает,
Друзей, которых уже нет,
Мне память снова возвращает.
И, как в сражениях былых,
Они встанут со мною рядом.
Их много — юных и седых,
Из-под Москвы и Сталинграда.
И с Курской огненной дуги,
С Днепровской смертной
переправы,—

Те, что за Родину легли
И обрели бессмертье славы!
Они приходят ободрить,
Чтоб силы я свои умножил,
Чтоб не сдавался, чтобы жить
За них, кто жизнь свою не дожил!

Бороться с ложью и с врагом,
С любым недугом и несчастьем!
Наш брат таков: пока живем —
Своих позиций не сдаем!
И в этом мы находим счастье!

СНЕГОПАД

Кружатся, падают снежинки,
И пахнут детством, как во сне.
И тонут медленно ботинки
В пушистой снежной глубине.

И грустно сердцу в этой шире,
И упительна она!
И кажется, что в целом мире —
Один лишь ты да тишина.

Взгляните на картины Ахвледiani. Как они эмоциональны, живописны, часто декоративны и как душевны, по-домашнему лиричны. Она писала свободно и раскованно, писала только то, что любила, чему отдала сердце и жизнь. И потому поют ее полотна, потому звучит в картинах то ликующая, то грустная, но всегда свободная музыка истинного искусства. Сравнение с музыкой не случайно — в ее произведениях удивительно слились самое абстрактное и самое конкретное из искусств, ритм ее полотен остр, выразителен, мазок пластичен и глубок, цвет чист и звучен. «Сказать Вам, что я особенно люблю в Вашей живописи? — спрашивал ее друг, Генрих Нейгауз. — Что Вы всегда себе верны и вечно меняетесь. Узнать Вас можно по нескольким штрихам, по одному уголку картины, а картины все разные. У Вас нет одного способа, одного жанра. Вы видите перед собой широкий, богатый, разнообразный мир и прежде всего Вашу святую, благословенную Грузию!.. А так как искусство для меня одно и «никаких особенных искусств нет» (как сказал еще Блок), то Ваша живопись вызывает во мне музыкальные переживания так же, как хорошая музыка вызывает зримые образы, даже философские мысли...» Приведя эти слова в статье, сопровождающей недавно увидевший свет интересный альбом произведений Елены Ахвледiani, Е. Привалова добавляет: «И, может быть, поэтому на вопрос Елены: «Где звучит самый красивый колокол?» — ей впоследствии ответила поэтесса Анна Каландадзе: «На Вашей Старой Колокольне, только в Вашем великолепном и вечном храме!»

Не случайно художники высоко-го дарования и мудрой души часто обращают взгляд в прошлое, стремятся запечатлеть в своих произведениях следы минувших или уходящих эпох. Яснее многих они сознают, что человек в обиходном стремлении вперед, в суете и спешке современности часто теряет то драгоценное, что прошлое, без которого в конечном счете невозможно будущее.

Ответственность памяти вела Е. Ахвледiani в старые кварталы ее города. И продолжает жить на полотнах «...город, расположенный ярусами по склонам гор, спускающийся до дна пропасти, с домами, похожими на стаю распуганных птиц». Эти выразительные слова А. Дюма-отца, бывавшего в Тбилиси, как бы предугадывают живописный образ старого Тбилиси, на полотнах Ахвледiani. Такие характерные, часто покосившиеся тбилисские домики с обязательными резными балконами, завешанными разноцветным бельем, вязками сушеного ярко-красного перца, золотистого лука, огненно-оранжевого шафрана; крохотные уютные дворчики; убегающие в гору зигзаги узких улочек; замерший над городом древний Метехский храм — величие и простота этих городских пейзажей, созданных в духе своеобразного «интимного урбанизма», не только реальные — они документально достоверны. И вспоминается, увы, почти забытый поэт Яков Петрович Полонский, много и сердечно писавший о столице Грузии. В своей «Прогулке по Тифлису», обращенной к Льву Сергеевичу Пушкину, он оставил нам картину города, так похожую на созданную грузинской художницей через многие десятилетия:

Мне виден замок за Курюю...
И мнится мне, что каменный карниз
Крутого берега, с нависшими
С балконами, решетками, домами,
Как декорация в волшебный
столбам —
Роскошно освещен бенгальскими
бенефис.
Отсюда вижу я — за синими
огнями.
Заря, как жертвенник, пылает —
горами
Приветствует прощальными
и Тифлис
лучами.
О, как блистательно проходит
этот час!
Великолепная для непривычных
глаз
Картина!..

Очень выразительна такая переключка художников разных эпох, во многом одинаково почувствовавших атмосферу старого города. Поистине «Тифлис для живо-

писца есть находка», как писал тот же Полонский.

Городские пейзажи Е. Ахвледiani не только строго документальны, но более того, иногда она на полотне даже указывала точный адрес изображенного, например: «Старый духан «Не уезжай, голубчик мой». Сейчас на этом месте многоквартирный дом на пл. Челюскина». Конечно, не только стремление зафиксировать уходящее подвигло Ахвледiani на создание большого лирического цикла, посвященного старому городу. Удивительно передает она своеобразную прелесть Тбилиси, поэзию быденной, красочной жизни. Как привлекательны, по-восточному изящны все эти базары, ковровые ряды, веселые духаны с подвыпившими добрыми людьми, приютившиеся на скалах над Курой дома и, конечно, занесенные легким светлым снегом крыши, деревья, улицы. Как никто умела и любила писать она прозрачную тбилисскую зиму.

Когдаходишь в ее музей-мастерскую, смотришь картины, красочным ковром покрывающие стены — работ здесь собрано много, и они висят почти вплотную друг к другу, создавая совершенно необычный прихотливо-изящный узор, — поражаешься поистине музыкальной выразительности зимних полотен. Среди пиршества красок городских и сельских летних и осенних пейзажей совершенно по-особому звучат у Ахвледiani мотивы зимы, которую всю жизнь не уставала она писать. И оказывается, что зима в Грузии сказочна и эгегически прекрасна. Необходимо было владеть незаурядным мастерством, чтобы передать на полотне тонкую игру светотени на занесенных снегом крышах, уловить неожиданную гармонию южной природы, архитектуры и выпавшего свежего снега.

Изучая национальную культуру, художница бережно собирала предметы уходящего народного крестьянского и ремесленного быта. Она жила и работала среди этих простых вещей, и они благодарно помогали ей.

Е. Ахвледiani ценила старину, понимала ее значение и, не жалея сил, боролась за ее сохранение. Не один старый дом в Тбилиси обязан художнице жизнью. Сумела она защитить от уничтожения и знаменитый, помнящий еще Пушкина, платан на проспекте Руставели. Совсем не просто было вести в иные годы такую борьбу. И теперь, когда бережно восстанавливаются кварталы старого Тбилиси, мы с благодарностью вспоминаем гражданскую позицию художницы.

Щедрость творца органично сливалась в характере Елены Ахвледiani с человеческой, душевной щедростью и благородством. В жизни она довольствовалась самым малым, без устали помогая всем, кто нуждался в помощи. Ее дом-мастерская прост, скромен — лишь рояль, картины и предметы уходящего крестьянского быта украшают его.

Она очень многое успела за свою жизнь. Увлеченно работала в театре, оформив более 80 спектаклей, отдала массу сил книжной графике и иллюстрации, создала великолепные, исполненные живописной силы и глубины пейзажи Грузии.

Большинство работ художницы собрано в ее мастерской на улице Киачели, 12, ставшей ныне музеем. Сюда при жизни любимой всем Тбилиси Елены, или Елички (так до последних дней называли ее многие друзья в Грузии и за ее пределами), приходили и простые люди, любящие искусство, и замечательные деятели грузинской и русской культуры. Здесь всегда, бывая в Тбилиси, играли Генрих Нейгауз и Святослав Рихтер, читали стихи Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Борис Пастернак, Симон Чиковани. И сейчас в музее сохраняется атмосфера доброжелательности и по-настоящему высокой культуры. В том, что дом Елены Ахвледiani сегодня живет так же напряженно и насыщенно, что двери его всегда гостеприимно открыты, что среди ее картин постоянно звучит музыка и поэзия, — продолжение судьбы прекрасного художника... Поистине, настоящее искусство не умирает.

Три Черепашки

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава III

ВОСПОМИНАНИЯ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

1

— Странные бывают фантазии у людей, которые названия улицам дают, — так начал свой рассказ Серегин.

Когда отца назначили начальником цеха на заводе «Электрометалл», мы переехали в Электроград, и отцу дали двухкомнатную квартиру на улице Красной. Честное слово, я еще тогда удивился, хотя было мне всего девять лет, почему это она Красной называется. И малому ребенку на слух понятно: красная — это уж самая лучшая. Красная площадь, например. А тут не поймешь что.

Представьте себе восемь двухэтажных домов, срублены из суковатых бревен. Стоят в ряд, и все с четными номерами, нечетных нет, на нечетной стороне — сараюшки, которыми владеют жители пятиэтажных кирпичных зданий, а здания считаются уже по другой улице. Сама Красная — просто полоса кочковатой серой земли с канавами по бокам. Вход в дома не с улицы, а с задворок. Против каждого двух домов — длинный дощатый сарай. Между прочим, это были замечательные сараи. Внутри они разделялись перегородками на шестнадцать клеток, и у каждой клетки своя дверь — восемь с одной стороны, восемь с другой. По числу квартир, потому что дома были восьмиквартирные. В сарае держали дрова или уголь, а многие ставили себе кровати, и летом это было вроде дачи. Чердака сараи не имели, перегородки — высотой метра в два с половиной. Так что при желании можно устраивать общие собрания жильцов, не слезая с кровати, а нам, мальчишкам, удобно было подглядывать, что подделывают соседи.

Получается, ругаю я нашу улицу, но это не так, только поначалу нос воротил. Оно и понятно, мы же в Москве жили, на Малой Бронной. В двенадцатиметровой комнате вчетвером, но все равно — столица.

Нет, улица наша была, извините за игру слов, не красная, а даже прекрасная.

Не понравилось мне с непривычки, что завод день и ночь шумит, а он вот, рядом, двести метров. Пыхтит, грохочет, а когда работает в кузнечном цеху главный молот — в окнах стекла дребезжат, в шкафу посуда звякает. Но быстро привык, под этот молот даже отец быстрее засыпал — сам мне так говорил, а в первые дни сильно раздражался...

Перебрались мы в Электроград в тридцать четвертом, летом, в июне или июле. Поселились в доме номер шесть, и квартира номер шесть, на втором этаже. Дедушка мой тогда уже умер, на троих шикарная была квартира, у меня отдельная комната. Помню, мать ходила такая счастливая, полы скребла, обои клеила, чистила-блистила.

Но я тосковал. Оглядываюсь день, другой — ребят-одногродков никого, и вообще пацанов нет, как будто тут одни взрослые живут. Оказалось, все в пионерлагере до сентября.

Мне идти в четвертый класс, школа была тогда одна на весь город, так что я, можно сказать, входил сразу в городское общество. Но первым знакомцем сделался сосед по дому, из четвертой квартиры, — Игорь Шальнев. Отец у него работал бухгалтером на заводе. Мы были ровесники, и он тоже в четвертый перешел, и потом мы за одной партой сидели семь лет.

Сошлись мы без всякой подготовки. Я как-то утром по лестнице спускался, скрипучая такая лестница, а он из своей квартиры вышел с кружком от конфорки с кухонной плиты и железным прутком с крючком на конце — была тогда мода катать кружки и обручи по тротуарам.левой рукой задашь обручу начальную скорость, подцепишь его крючком и катишь, а он звенит. Если человек семь кучкой обручи катят — целый оркестр, приятно слушать.

Увидел он меня и спрашивает:

— У нас живешь?

— В шестой квартире.

— Ты кто?

— Толя Серегин, — говорю.

— Это тебя так мама-папа зовут, а взаправду как?

Я сообразил, о чем он, отвечаю:

— Серьга. — Так меня в Москве на Малой Бронной прозвали.

В те времена все ребята поголовно клички имели, по большей части от фамилии. Он говорит:

— Я Эсбэ.

— А это что — Эсбэ?

— Справочное бюро — сокращенно. Я все знаю.

Ну, я, конечно, не очень-то поверил, москвичу баки забить, голову заморочить не так просто, но вообще-то скоро обнаружилось, что он действительно знал много таких штук — мне и не снилось. Он показывает свой крючок и конфорочный диск, спрашивает:

— Умешь?

— Нет, — признаюсь.

— Айда, покажу.

Он повел меня на ту улицу, где кирпичные дома стояли, — это центральная улица была, Горького, как в Москве. Только на ней асфальт и имелся.

За час освоил я это дело, и поговорили мы о том, о сем. Он, между прочим, спросил, есть ли у меня поджиг, а я и не слыхал, что это такое.

— Эх, ты, Серьга! — сказал мне Эсбэ, как больному. — Хочешь быть жертвой, да?

Я не ведал, что значит стать жертвой, даже слова такого никогда не встречал, поэтому, чтобы не выдать своего невежества, задал неопределенный вопрос:

— Почему?

— Без поджиги тебя кто хочешь может подстрелить. Айда!

Он повел меня к сараям и там, в закутке, вынул из кармана своих штанов револьвер, не настоящий, конечно, но очень красивый — глаз не оторвешь.

— Это браунинг, — говорит. — У меня есть еще маузер, вот такую доску с двадцати шагов насквозь пробивает, и пуля улетает дальше. — И показывает пальцами — доска получается сантиметров пять толщиной.

Я уже освоился с ним немного и подначиваю:

— За горизонт улетает?

Оказалось, напрасно подначивал.

У Эсбэ уши сделались розовые — оскорбился. Достает из другого кармана коробок спи-

чек, прилаживает одну спичку к револьверу — там на деревянной рукоятке маленькая скобочка из стальной проволоки, спичка втыкается так, чтобы головка легла на прорезь, сделанную в казенной части ствола.

— Отойди! — командует.

Я стал у него за спиной. Он чиркнул коробком по спичке, вытянул руку, и тут как бабахнет — в ушах зазвенело.

Стрелял он в стенку сарая шагов с семи. Доска была не в пять сантиметров, но в сантиметр — это как минимум.

Продул небрежно дуло (мы ствол дулом называли), подошел к стенке, ткнул пальцем и приглашает меня этак сквозь зубы:

— А ну смотри.

Я посмотрел: дырка, аккуратная такая. Он говорит:

— Понял? А у маузера дуло в два раза длинней.

Теперь, наверно, уже у меня уши покраснели и вид был, как у оплеванного, потому что Эсбэ поглядел на меня и сжался.

— Ладно, — говорит, — тебе нужно сделать поджигу. У меня есть трубка — во! — Он оттопырил вверх большой палец правой руки, а тремя пальцами левой как бы посыпал его сверху — это означало «на большой с присыпкой», по-нынешнему — высший сорт или товар повышенного спроса, что ли.

Он повел меня в наш общий длинный сарай, в клеть под номером четыре, и первым делом показал мне свой маузер, который извлек из тайника в углу, за поленицей душистых колотых дров. Это была, уверяю вас, замечательная вещь.

К обеду я тоже был вооружен браунингом. Изготовил его Эсбэ, но я наблюдал внимательно и так освоил процесс производства, что позже сам стал порядочным оружейным мастером.

Очень вкусно выходило все у Эсбэ. Материалов и инструментов было в специальном ящике множество.

Он сам остался доволен своей работой, а обо мне и говорить нечего. Но Эсбэ на этом не остановился. Достал из ящика два коробка спичек и начал обстреливать серу о дуло — она падала в ствол. Потом высыпал серу на клочок газеты, вынул из ящика заткнутый тряпочкой винтовочный патрон, из него отсыпал немножко пороха и смешал его с серой, а смесь ссыпал в ствол. Из газетной бумаги слепил пых, загнал его коротеньким шомполом в ствол, легонько утачивал. Потом вынул из ящика мешочек — в нем оказались самолитные свинцовые пули самых разных калибров. Он выбрал подходящую, опустил в ствол, загнал еще один пых и сказал:

— Сейчас попробуем.

Мы пошли через болотце, лежавшее сразу за сараем, к заброшенной будке, неизвестно зачем стоявшей посреди огромного пустыря.

Эсбэ, как в первый раз, велел мне стать у него за спиной и выстрелил по будке. Смятую пулю мы отыскивали внутри, и Эсбэ протянул мне поджигу.

— Хороший браунинг, — авторитетно объявил он при этом.

Мы вернулись в сарай и зарядили оба браунинга. Обстреливал я спички и размышлял. И выходило так, что все знаменитые затеи Тома Сойера — просто девчоночьи игрушки. Эсбэ, пока мастерил браунинг, кое-что рассказывал про город и его малолетних и уже не очень малолетних обитателей, обрисовал расстановку сил. Тут по-настоящему пахло порохом, без всяких шуток.

Дело вот какое.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13.

По другую сторону железной дороги строился еще один большой завод, народу там было если и поменьше, чем по эту, то ненамного. Стройка существовала самостоятельно и как бы не входила в состав города. Из-за чего возник конфликт между стройкой и городом, толком никто уже не помнил, но, в общем, предлог был мелкий, вроде того как официальным поводом для первой мировой войны послужило убийство эрцгерцога Фердинанда и его жены в югославском городе Сараево. Нашу войну можно было назвать окопной. Стороны не тревожили друг друга, пока не нарушалась граница, то есть городские не могли безнаказанно перейти через железную дорогу на территорию стройки, и наоборот. Но раз, а иногда и два раза в год, обязательно летом, происходили генеральные сражения на обширном поле километрах в двух от города.

День битвы устанавливался по договоренности между атаманами двух войск. Атамана нашего войска звали Ватула, ему было лет двадцать.

На вооружении у нас имелись поджиги, не менее смертоносные рогатки, из которых стреляли шариками от подшипников, а для ближнего боя — ножи. Но главное не это. Хотите верить, хотите не верить, у нас была настоящая пушка на колесах, маленькая и старенькая, но настоящая. Ее унесли с заводского шихтового двора, избавив таким образом от переплавок в мартеновской печи. Она, правда, не стреляла за отсутствием снарядов, но на поле боя ее выкатывали, а после опять прятали в укрытие, в какой-то погреб, о котором знали только несколько человек.

Мне лично пришлось участвовать в трех битвах, и однажды я получил ранение — шариком из рогатки мне так закатали в лоб, что я потерял сознание. Очнулся, гляжу в небо, как князь Андрей, а шум битвы уже далеко — наши врагов разгромили и обратили в бегство. Вообще мы всегда одерживали победу, хотя раненых и у нас бывало много. Меня, можно сказать, вынес с поля боя Эсбэ, довел до амбулатории, и там мне промыли рану, залили йодом и наложили скрепки...

Можно спросить: куда же смотрела милиция? А куда ей смотреть, если на весь город было милиционеров человек пятнадцать, а вооруженных сорванцов — под тысячу. К тому же Д и Ч — день и час сражения держались в строгом секрете. Если бы кто проболтался — на городском кладбище прибавилась бы свежая могила.

Вы не подумайте, будто были мы какими-то ответными бандитами. Ничего подобного! В школе все шло чин чинном, учились нормально и в пионерском строю с барабаном ходили, хотя круглых отличников, конечно, презирали. Кто постарше, после семнадцати — в аэроклуб рвались, на планерах летали, а значки «Ворошиловский стрелок» и ГТО считались чуть не орденом. На каждой улице существовала своя тесная компания и свой атаман, иногда возникали междоусобицы, и довольно жестокие, но главный закон был — лежачего не бьют, это соблюдалось свято, не то что у сегодняшних переростков и недоростков. И вина мы не пили. Но так уж завелось: в школе пайка, а после уроков — совсем иное дело. Время было голодное, далеко не каждая семья хлеб с маслом ела, больше все маргаринчик. Мы на базаре шарап устраивали. Скажем, стоит тетка, яблоками торгует. Один подходит, дергает мешок споднизу, за ухо мешка, яблоки раскатываются, тетка вопит: «Караул, грабят!» — а мы сьем кто сколько за пазуху — и дёру. А уж подойти к мешку с семечками, схватить горсть и удрать — тут вообще никакой доблести. Никуда не годится, конечно, я бы за такие штуки собственному сыну не то что уши надрал, но что поделашь — шпанистые у нас коноводили...

Если говорить о деньгах, то их у большинства ребят никогда не бывало. Редко кому, как мне и Игорю Шальневу, родители полтинник на кино давали. Единственный источник дохода был утиль. Тогда по улицам ездили старьевщики — приемщики на больших фургонах, битюгами запряжены. Принимали тряпки, кости, фарфор, бутылки, а дорожке всего шла медь. Взамен предлагались свистульки глиняные, разные пищалки типа «Уйди-уйди»,

ландрин в железных коробках, а самым дорогим приобретением считался пугач и пробки к нему, которые в упаковке походили на соты с медом, и старьевщик аппетитно так отламывал от большой плитки малые куски. Но пугачи брали только маменькины сынки, а тому, кто был вооружен поджигой, они ни к чему. Мы с Эсбэ сдавали утиль за деньги.

А у Эсбэ имелась еще одна статья дохода, связанная с известным риском, — он делал и продавал взрослым хоккейные клюшки.

До войны в шайбу не играли, даже не слышали про такую игру. Только в мячик, или в шарик, как мы выражались. Обычно все, кто играл в футбольных командах, и взрослые и пацаны, зимой в том же точно составе выходили на лед. И на тех же местах. Футбольный инсайд и в хоккее оставался инсайдом, хавбек — хавбеком и так далее.

Фабричные клюшки надежностью не отличались. Клинья, или ручки, делались такие непрочные, чуть стукнет соперник — клин полопал. На один матч порой на команду большую охапку клюшек требовалось, но их, конечно, никто не покупал. Поэтому настоящие, заядлые хоккеисты старались сами себе делать клюшки, а кто не мог — покупал у других. Спрос был большой и постоянный. Особенно ценились клюшки с камышовым клином, а на втором месте стоял клин текстильный, из нового искусственного материала, но они были гораздо тяжелее.

Главная деталь в клюшке — все-таки загиб, ведь по шарик не клином бьешь, а загибом.

Лучший материал для загиба — дуга из лошадиной упряжи. А где ее возьмешь? Только на конном дворе горкомхоза. Там и добывал дуги Эсбэ, в этом и состоял риск.

Откуда он научился, до сих пор не пойму, но Эсбэ классные клюшки создавал. Именно создавал. Впервые я увидел его работу в сентябре, мы уже в школу пошли. И был я просто околдован.

Меня что по сию пору удивляет — рос Эсбэ в интеллигентной семье, отец бухгалтер, мать инженер, у них даже домработница была, а он на все руки мастер. Одно с другим как-то не стыкуется...

Кстати, нужно о его семье хоть немного рассказать, раз уж я о ней упомянул.

Отец Эсбэ, дядей Андреем ребята его звали, был высокий, стройный, плечистый и носил усы, тонкие, стрелками, которые все называли почему-то офицерскими. Слово «офицер» употреблялось тогда только в ругательном смысле, а дядю Андрея соседи уважали и любили за добрый нрав, а все-таки усы считали офицерскими. Мать Эсбэ ходила в ту пору с животом, ждала ребенка, поэтому не могу сказать, какая она была в обычном своем виде. У них жила домработница Матрена, как родная. Маленькая такая, как колобок. Она еще и мать Эсбэ нянчила, привезли они ее из Рязани, они все рязанские. Помню, мне смешно было, как она говорила «анадысь» — в смысле недавно. Безответная такая старушка, вечно хлопотала. Замечательный хлебный квас она делала. И морс из клюквы варила очень вкусный, иногда мама просила ее и для нас сварить, из нашего сырья.

У них под выходной день вечером почти всегда собирались гости, человек по десять, и гуляли допоздна. Дядя Андрей на гитаре играл, мать на скрипке, и пели они дуэтом старинные романсы очень душевно. Ну, дом-то деревянный, слышимость не хуже, чем в нынешних, так что жили мы как бы внутри музыкальной шкатулки или патефона. Моя мама не одобряла такого образа жизни — из-за беременности мамы Эсбэ. Иной раз с досадой скажет: «Ну, как она может, в ее-то положении?!» А отец мой поддакнет, чтоб угодить ей: «Шумная семейка!» Но чужое веселье отцу не мешало. С дядей Андреем они подружились, а его жене он даже целовал руку. Жаль Шальневых, печально все сложилось, но до этого мы еще дойдем.

Хочу досказать насчет клюшек.

Однажды вечером, уже смеркалось, Эсбэ постучал к нам в дверь — звонков тогда не было — условным стуком: удар, длинная пауза, удар, короткая пауза, удар — длинная пауза и еще два таких удара — это по азбуке Морзе на флоте означает общий вызов. Мы флажную и буквенную телеграфную азбуку выучи-

ли в неделю и договорились пользоваться между собой. Выхожу, он шепчет: «Ты не трусишь?» Кто же себя трусом назовет? Говорю: «Что надо делать?» Шепчет: «Надень тапки, через десять минут — за сараем». Мы пошли к конному двору, и по дороге Эсбэ объяснил мою задачу. Я буду ждать у забора, он бросит мне дугу, и я должен быстро утащить ее к нашему сараю. Подошли, он поставил меня у забора, на углу, а сам испарился. Не знаю, сколько ждал, а потом слышу — шмяк на траву. Поднимаю — дуга. На ощупь — гладкая, но как бы рябая. Я ее на плечо — и быстрым шагом домой. Большая дуга попалась, хотя не очень тяжелая. Эсбэ, пожалуй, ее по земле волочил бы: он пониже меня был.

На следующий день после школы Эсбэ начал мастерить клюшки. Он проявил великодушные и кое-что разрешил делать мне.

Первым долгом мы распилили дугу ручной пилой пополам в ее вершине, поперек.

Дуга была очень красивая, покрашенная в вишневый цвет, а сверху покрыта лаком. Собственно, лак давно облупился, остались мелкие блестяшки, как чешуя у рыбы, которая долго лежала на сухом берегу, но все равно дуга пускала зайчики на солнце.

Опилки пахли приятно и были пушистые и легкие в горсти.

— Вяз, — сказал Эсбэ. — Это старая дуга.

Из толстой дуги для тяжелых запряжек можно было выкроить и восемь загибов, а нам как раз такая и досталась, но Эсбэ не любил халтурить, и мы сделали шесть.

А происходит это так.

Половинку дуги надо распилить вдоль на три части. Трудная работа, если учесть, что пилили мы не на верстаке, а на порошке сарая, держа скользкую заготовку руками. А вяз потому и вяз, что вязкий. Не один пот сошел, пока разделили первую половинку на три плашки. Средняя плашка получилась готовым полуфабрикатом, а крайние еще требовалось обтесать с одной стороны, чтобы они стали плоскими.

Эсбэ ножом обстругал заготовки, придал им форму фабричного загиба и начал доводить сначала драчевым напильником, потом бархатным, а потом тонкой наждачной шкуркой. Когда заготовка сделалась нежной, словно замша, он достал из ящика фанерный шаблон загиба и шилом нанес на заготовку его контур, затем лобзиком выпилил по контуру, и оставалось лишь сделать вырез для клина.

Из-под кровати Эсбэ вынул камышовый клин, уже совсем готовый, дал мне плитку столярного клея, консерваную банку, велел развести у сарая костерок и научил, как варят клей.

Я все исполнил по инструкции, а он подогнал клин к вырезу на загибе и склеил их. Пока клей сох на зажатой в маленькие тиски клюшке, Эсбэ приготовил изоляционную ленту, киперную (такая белая широкая тесьма, употребляли ее для обмотки и как шнуровку для хоккейных ботинок) и клубок свитой в тонкий жгут кожаной оpletки.

Потом сочленение было туго спелено изоляционной, загиб — киперной лентой, а поверх красиво оплетен кожаным жгутом, так что было похоже на заплетенную гриву коня (недаром же загиб из дуги), а ручка с торца обита куском толстой кожи и на две ладони от торца обмотана той же изоляционной.

Такие клюшки ходили по полсотни штук. Если не ошибаюсь, столько же стояли самые лучшие мокшановские футбольные мячи, в которые играли команды мастеров. А харьковские велосипеды, которых тогда было раз в сто меньше, чем сейчас автомобилей марки «Жигули», стояли двести пятьдесят рублей. Может, насчет цен я неточно — подзабылось немного, но, в общем, что-то около этого.

Понятно, что Эсбэ в свои десять лет был вполне самостоятельным человеком, брось его, как говорится, в любой водоворот жизни — не утонет. Но все же дуги не каждый день добывать удавалось и даже не каждый месяц. А поймать — родителям позор и суровое общественное порицание.

В октябре Эсбэ все шесть клюшек пристроил, и мы начали пировать. Кино — каждый день. Ситро — пей не хочу. Халва — пожалуй, пока не стошнит.

В школе я был за Эсбэ, как за каменной стеной. Меня с первого дня приняли в свою компанию самые заводицы, потому что я был другом Эсбэ, а его даже старшеклассники знали.

Зима с тридцать четвертого на тридцать пятый запомнилась на всю жизнь.

Мать Эсбэ родила девочку и умерла при родах. Моя мать страшно плакала и кляла себя за то, что осуждала ее когда-то. Оказывается, ей нельзя было рожать, врачи запретили из-за сердца, но дядя Андрей очень хо-

тел дочку. Дом наш после похорон как-то притих, а дядя Андрей стал непохож на самого себя. С тех пор я его трезвым не видел, наверно, целый год, пока он не женился на молодой женщине, которая сильно красила губы и курила длинные папироски.

Эсбэ неделю не ходил в школу и не встречался даже со мной, сидел в своей комнате при занавешенном окне.

Девочку называли Олей. Вот забыл только, в декабре она родилась или в январе.

Во-вторых, той зимой шел фильм «Чапаев».

Мы с Эсбэ смотрели его сорок три раза — в клубе имени Горького, который был, так сказать, культурным центром города, и везде, где работали кинопередвижки.

Летом я поехал, как и все, в пионерский лагерь, в деревню Глухово, и мы с Эсбэ пробыли там две смены. Поджиги и рогатки мы с собой не брали. Тогда все лето играли в Чапаева, и даже когда у нас военные игры были, мы хоть и охотились официально за флагом синих, но между собой все равно оспаривали, кому Чапавым быть, кому Петюшкой, а кому лысым полковником. Анки у нас не было, потому что девчонок мы в компанию не принимали. Эсбэ и я были влюблены, одиннадцатилетние сопляки, в нашу вожатую Таню Соломину. Ей двадцать лет, очень красивая была, с парашютом прыгала и к тому же «Ворошиловский стрелок». Мы ее слушались, как ни отца, ни мать. А один раз увидели, в мертвый час, сидит на полянке за столовой и плачет. Мы к ней, она обняла нас, смеется сквозь слезы, спрашивает: «Вы что, мальчишки?» Эсбэ угрюмо говорит: «Кто вас обидел, должен погибнуть». Она так хохотала, что из столовой пришла судомойка Маша. Таня нам говорит: «Вы спать должны. Мертвый час. А ну-ка бегом». А жили мы в деревенском доме рядом с пуговичной фабрикой, которая тоже в таком же доме располагалась, может, немного побольше. Пуговки делали довольно ходовые — жестяная тарелочка величиной со шляпку желудя, на доннышке проволочное ушко, а тарелочка накрывалась жестяной же крышечкой, а поверх нее цветная бумажка в клеточку, а на бумажку — прозрачный целлулоид. Большим успехом пользовались пуговицы, а мы их воровали, и у кого больше — тот и пан. И вот нас разоблачил старший вожатый, ему начальник этой фабрики пожаловался. Устроили у нас в спальне шмон, и больше всего пуговиц нашли в подушке у Эсбэ — триста с лишком штук, почти недельный план всей фабрики, на которой работали четыре старушки. Нас не взяли в поход — в виде наказания. А потом мы выследили, что этот старший вожатый после отбоя встречается с Таней, и Эсбэ хотел вызвать его на дуэль, когда вернемся в город, и предложить ему маузер, а сам Эсбэ должен стрелять из браунинга. Это было очень даже благородно с его стороны, но дуэль не состоялась. Как говорится, время зализало наши сердечные раны...

Может быть, все, что я тут рассказываю, не имеет прямого отношения к делу, однако я думаю так: полезно знать истоки, откуда пошел человек, как его характер складывался. Когда это знаешь, легче поймешь и объяснишь поступки и поведение этого человека уже во взрослые годы.

Но пора переходить к черепахам.

В 1936 году появился на нашей улице Сашка Балакин. Он приехал откуда-то из Средней Азии, кажется, из Ташкента. В доме № 8 на Красной жили его дядя с женой и дедушка. Ходили слухи, что дядя не очень-то ему обрадовался. А нас он просто загипнотизировал. Начать с того, что Сашка умел ходить на руках хоть по полчаса, крутил сальто, а стойку на руках мог делать на спинках стульев, на краю крыши сарая и вообще на чем угодно. Он был на два года старше нас с Эсбэ, уже давно научился курить и, само собой, быстро стал нашим кумиром.

Но дело не в нас. Сашка сразу сделался своим среди старших ребят, и даже наш атаман Богдан признал его за равного себе, хотя был страшно самолюбивый.

Что еще всех поразило — у Сашки имелась на левой руке наколка. Симпатичная черепаха. Он небрежно объяснял, что наколол ее один его приятель, гроза тех мест, откуда он приехал. Это создавало некий таинственный ореол. Из наших только Богдан носил наколку — аляповатого орла на левой кисти, сделанного им самим и совсем бледного, потому что колот он в три иглы и неглубоко.

Всякий знает, у ребят два года разницы — все равно как в армии разница между сержантом и майором. Но Сашка относился к нам с Эсбэ так, словно мы ему ровня, не задался и вообще меньших не считал недоделанными, а если кто надоедал ему распросами или просьбами сделать стойку или

сальто, он беззлобно говорил: «Хватит. Брысь!» Так его и прозвали: Сашка-Брысь.

Он окончил семилетку и должен был бы, по нашим понятиям, идти в восьмой класс, но не пошел. Собираясь поступить в электромеханический техникум, потому что хотел пойти служить, когда призовут, на флот, и не куда-нибудь, а в подводники. А на подводной лодке главная специальность, мол, электрик. Так он нам объяснял, но у него ничего не получилось.

Отправился Брысь в Москву, подал документы в техникум, сдавал экзамены и провалил по всем предметам. Потом время упустил, в школу не записался и всю зиму гулял. Как он говорил, дядя сильно сердился и решил его наказать. Дело в том, что родители Брыся присылали дяде деньги на содержание своего сына, и вот дядя перестал давать Брысю даже несчастный полтинник на кино, и Брысь здорово из-за этого переживал, ему стыдно было даже перед нами, сопляками.

Дядя запретил ему пользоваться сараем. Но это не огорчало Брыся, потому что любой из мальчишек с великим удовольствием готов был предоставить ему ключ от своего сарайного замка и почитал за счастье, если Брысь принимал приглашение.

А у него стала появляться надобность в сарае.

Однажды поздней осенью он вечером вызвал Эсбэ, я как раз у него сидел, уроки готовили. Мы вышли вместе. Брысь спрашивает: «Можешь ключ от сарая взять?» У Эсбэ ключ всегда в кармане был. «Одевайся, буду ждать за сараем», — говорит Брысь. — Только — молчок». Я, конечно, тоже пошел.

В сарае Эсбэ зажег лампу — там у всех «летучая мышь» была.

Брысь развязал мешок, в котором лежало что-то кубическое. Это оказался большой фанерный ящик. Брысь попросил стамеску, отодрал планки, снял крышку. В ящике плотно друг к другу стояли фитилями вверх белые свечи. Брысь говорит: «Это надо продать». Мы с Эсбэ знали, что а двух деревнях возле города электричества не было, при керосиновых лампах жили, а такие свечи — белые, длинные, их восковыми называли — и в городе каждая семья в доме держала, потому что свет чистенько отнимали.

Брысь попросил Эсбэ поддержать ящик в сарае с неделю, а потом малыми порциями надо будет продавать свечи по деревням. И, само собой, приказал нам строго хранить молчание.

Свечи мы успешно продали. Выручка была небольшая, так как сбывали их вдвое дешевле магазинной цены, но мы испытывали сладкое чувство хорошо исполненного долга: мы удружили, помогли Брысю, а это много значило.

Сейчас-то, с высоты прожитых лет, я понимаю, что вели мы себя, то есть я и Эсбэ, незнательно. Ясно же, что свечи были краденые, но мы об этом и думать не желали.

Брысь поделил деньги на три равные части и дал нам нашу долю. И, взяв с нас слово хранить тайну, рассказал, что эти свечи он реквизирует — так он именно и назвал — в палатке возле базара. Мы прониклись к нему еще более пылкой любовью. Еще бы: Брысь оказал нам доверие, выбрал среди всех некого-нибудь, а именно нас. Я-то, правда, попал в избранные чисто случайно, из-за того, что в тот вечер оказался дома у Эсбэ, но это был несущественный момент, раз Брысь все-таки не отверг меня.

Так мы сделались помощниками нашего кумира, а вернее, сообщниками, но этого слова мы еще не знали.

Эсбэ дал Брысю запасной ключ от сарая, и за ту зиму под кроватью, где Эсбэ хранил в ящике свои инструменты, много чего побывало.

Брысь приносил в мешке конфеты и красивые дамские гребни, печенье и перочинные ножики, одеколоны и папиросы «Пушка», а один раз принес большой куб мармелада. И всегда все это было не навалом, а в фабричной упаковке. Мы с Эсбэ понемножку-потихоньку торговали ворованным добром по соседним деревням и в школе и ни разу не попались — Эсбэ у всех вызывал доверие, никто

не мог заподозрить его в чем-то нехорошем. Мармелад мы освоили сами, конфеты и вообще когда попадалось что-нибудь вкусное Брысь разрешал нам хавать, то есть лопать, сколько влезет. Деньги неизменно делились поровну, так что мы с Эсбэ иногда жировали, как недорезанные буржуи.

Удивительная вещь, но нам никогда и в голову не приходило, что занимаемся сбытом краденного, — так велик был авторитет Брыся. Мы считали его непогрешимым. Мы никогда не спрашивали, откуда что он принес, а он никогда не говорил нам об этом. Сам собой сложился уговор: что бы ни сотворил Брысь — значит, так и надо, так оно и должно быть. Ведь верующие не обсуждают деяния своего бога, не правда ли?

Той зимой Брысь научил нас курить — как раз когда реквизирует ящик папирос «Пушка».

После школы мы встретились с Брысем, пошли в сарай. Он распечатал пачку, закурил, а мы смотрим, как он, сидя на кровати, пускает одно за другим три колечка — здорово у него получалось.

Наверное, Брысь уловил, как мы ему завидуем. Говорит: «Я в четвертом классе закурил». А мы были уже в шестом. Стыд и срам! Эсбэ спрашивает: «Можно, мы попробуем?» «А чего ж?» Брысь дал нам по папиросе и объясняет: «Надо в себя дым втянуть, полный рот, потом враз вдохнуть — вот так», — он показал, как это делается, и выпустил дым двумя длинными струями из носа. «Ну, валяйте». Он дал нам прикурить. Мы сделали все по инструкции, но вышел из меня дым или нет, я не понял, потому что голова вдруг закружилась, и я очнулся на полу. Эсбэ лежал рядом. Брысь смеялся до слез, держа в руке две наши папиросы. Они еще дымились — значит, я был без сознания сколько-то там секунд, а показалось, будто приехал откуда-то издалека и всю дорогу спал. Эсбэ тоже очухался, и Брысь говорит: «Это всегда так бывает. На сегодня хватит, в следующий раз лучше будет». И правда, вечером мы с Эсбэ попробовали сами, без Брыся, сделали затяжек по пять, и было очень приятно. А через неделю мы курили в школьной уборной вместе с парнями из девятых и десятых классов, и они глядели на нас с большим одобрением.

Словом, Брысь сделал нас полноправными людьми. А сам, между прочим, чуть не попался.

Однажды — уже наступила весна, снег стоял — он вернулся из опасной своей экспедиции расстроенный и с пустым мешком. Мы курили в сарае, он долго молчал, а потом говорит: «Ша, птенчики, затаились». С того дня Брысь по вечерам стал ходить в кино, и так длилось до мая.

А у Эсбэ созрел грандиозный план. В Испании шла война с фашистами, каждый день по радио и в газетах сообщали о героической борьбе за республику и свободу, а слова «No pasaran»¹ знали даже трехлетние шкеты. Как-то идем мы после школы домой, и Эсбэ спрашивает вдруг с таинственным видом: «Хочешь в Испанию?» «Все хотят», — говорю, — только кто нас туда пустит?» Он говорит: «Чудак, убежим». И потащил меня в сарай.

Вытаскивает из-под кровати свой знаменитый ящик, а из него две географические карты, очень мелкие — на одной Советский Союз, на другой Европа. Разложил их и объясняет маршрут.

Надо на поезде доехать до Батуми. Там достать лодку и морем доплыть до турецкого берега — это совсем просто, граница рядом. Ну, а дальше еще проще: в Стамбул, оттуда на попутном пароходе в Марсель. Из Марселя же до Испании — рукой подать, как от Батуми до Турции. В Испании мы поступаем в интернациональную бригаду и будем разведчиками. Если же не примут, то мы станем действовать против фашистов и Франко самостоятельно, сделаемся мстителями-диверсантами и будем наводить страх и ужас в стане противника. Оружие на первые дни у нас есть — поджиги и ножи, а потом мы, конечно, добудем в первой же операции пулемет и гранаты.

Эсбэ показал мне компас, необходимый при дальнем путешествии, и кое-какие продукты, которые он начал запасать еще недели за две до этого, — сахар, соль, черные сухари.

План был, конечно, замечательный, и я сразу согласился бежать в Испанию. Эсбэ намечал отправиться в начале июля.

Немного смущало лишь одно: что скажут и как себя будут чувствовать наши родители, когда узнают о побеге? Но, обсудив этот вопрос, мы решили вырвать из сердца всякую жалость и оставаться мужчинами до конца. Мы же не девчонки, мы не можем думать о родительских слезах и разводите нюни. Ну, поплачут они день-другой, погорюют, зато после, когда мы вернемся героями и победителями, они будут гордиться нами. К тому же мы привезем им на память знаки различия с мундиров фашистских офицеров, которых мы будем брать в плен.

Сомнения были отброшены, и я тоже приступил к заготовке необходимых припасов, для чего приходилось урезать собственное дневное довольствие и малыми порциями конфисковывать дома соль, сахар, спички и прочее.

Денег на покупку железнодорожных билетов и на проезд от Стамбула до Марселя мы, само собой, тратить не собирались, но все же какую-то сумму на непредвиденные расходы иметь полагалось, и поэтому Эсбэ наметил сделать на продажу несколько ключей, для чего требовалась дуга.

Сторожа на конном дворе горкомхоза были благодарны Эсбэ уже бдительные, и добывали мы дугу с большим трудом, но в конце концов все-таки реквизировали. Эсбэ начал потихоньку изготавливать ключики, а я ему помогал.

Кончились занятия в школе, нас перевели в седьмой класс. В пионерский лагерь мы ехать отказались в первую смену, объяснили, родителям, что поедем во вторую, а пока нам надо потренироваться в футбол — нас приняли в детскую команду общества «Металлург». Насчет команды мы не врали, но никаких тренировок, конечно, не было.

Постепенно мы уточняли и шлифовали план побега, и все представлялось нам в лучшем виде, все сулило полную удачу. Но однажды задумался Эсбэ и говорит: «Два бойца — это хорошо, а три — было бы еще лучше». Мы стали перебирать знакомых ребят, кого можно сговорить на побег, но один за другим отпадал безнадежно: тот отца заболел, у другого вечно из носу сопля текут, третий из поджиги стрелять не может... «Вот если бы Брысь согласился», — сказал Эсбэ. — Вчера он со своим дядей дрался...» Мы знали, что дядя давно хотел на Брыся в милицию заявить, а сам Брысь говорил старшим ребятам — или морду набьет этому дяде за его крохоборство, а набить он мог, или плюнет на все и уедет домой, в Ташкент или куда там, но о своих родителях он никогда не поминал, будто их вовсе нет. Бабки сплетничали, мол, Брыся услал его папа с глаз долой, чтобы не мешал. Будто папа его, вроде отца Эсбэ, женился на молодой, а при таких случаях чужой сынок или дочка новой жены часто мешают. Вот и Эсбэ с мачехой не очень-то уживался. У них там опять по вечерам собираться начали, песни, музыка, только уже без скрипки, потому что на скрипке мать Эсбэ играла, а другие не могли, и няня Матрена убрала ее к себе в плетеную корзину. Один раз новая мама Эсбэ вошла к нему в комнату, там и Оля лежала в качалке, а она, мама, была немножко подшофе, и принесла Эсбэ кусок от плитки шоколада, а он сказал: «Не хочу», — и они потом редко разговаривали...

Мы постановили закинуть удочку и раз вечером подкараулили Брыся, когда он из клуба возвращался, с последнего сеанса. Остановили: мол, нет ли закурить? У него всегда было, пошли в сарай, зажгли лампу, и Эсбэ, пока курили, изложил наш план.

Брысь сначала улыбался, а потом щелкнул меня и Эсбэ в лоб и говорит:

— А что, это идея! Можно махнуть.

Мы от счастья закричали «ура!». Брысь нас остановил:

— Тихо! Никому не болтали!

¹ Они не пройдут (исп.).

Продолжение следует.

БЫТЬ АРТ

Путь Ирека Мухамедова к высшей награде на IV Международном конкурсе артистов балета был непрост.

Сказалось ли естественное для новичка волнение, но после первого тура будущий обладатель «Гран-при» был всего только седьмым, хотя пришелся по душе искусственной балетной публике конкурсных концертов. И прежде всего характером, огромным желанием и умением победить.

От тура к туру все ярче раскрывался его талант.

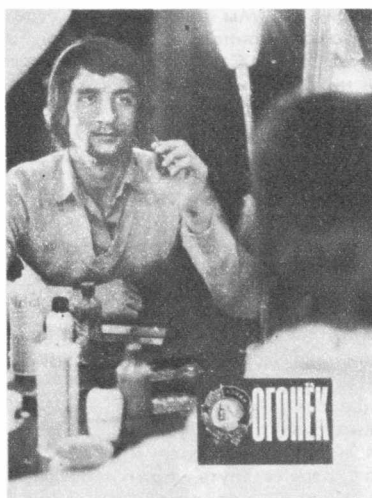
Исполнив вариацию пастуха из «Весны священной», Мухамедов стал третьим и к последнему туру «вдруг открылся как звезда первой величины», по свидетельству члена жюри конкурса композитора Кара Караева.

Словно забыв, что для него решается все, Ирек танцевал самозабвенно. Казалось, он импровизирует в неудержимом порыве высказаться.

Высокие, мощные и в то же время легкие прыжки; мягкость приземлений; четкая, графически точная форма пируэтов; совершенство движений делали танцевальное мастерство Ирека Мухамедова столь привлекательным.

Но, может быть, не так скоро стал бы Ирек тем танцовщиком, от которого ждут многого и в будущем, сложись его судьба чуть иначе.

Мне кажется, «госпожа удача», которая так часто вмешивается в

судьбы артистов, явилась к Иреку Мухамедову очень своевременно — как раз по окончании Московского хореографического училища (Ирек приехал в Москву из Казани, где с пятилетнего возраста занимался танцем во Дворце пионеров); он был «распределен» в ансамбль Н. Касаткиной и В. Васильева «Классический балет».

Руководители «Классического балета» Н. Касаткина и В. Васильев славятся своим особым зрением, когда дело идет о молодых талантах. Они видят там, где другие проходят мимо... Не раздумывая, они взяли Ирека к себе.

— Мы увидели — это яркий, внутренне богатый, азартный па-

рень. Не пожалели, что взяли, — говорит Наталья Дмитриевна. Неравнодушна она к талантливым людям. И нужно отметить, что это вообще стиль ансамбля. Здесь ценят таланты (не на словах), умеют их отыскивать и любить растить: с особо одаренными будут даже «нянчиться».

Талантом Ирека Мухамедова здесь восхищались, но дифирамбов ему не пели, только дали возможность «работать много» — в полную силу. В «четверках» и «шестерках» он задержался недолго. С первого же сезона ему доверили сразу крупные партии.

Прекрасный педагог Н. Азарин, вырастивший лауреатов международных конкурсов С. Исаева, М. Перкун-Безици, взялся за Ирека, упорно совершенствуя форму его танца.

Без высокопрофессионального владения техникой такие роли, как Армен в «Гаяне», пастух в «В весне священной» и тем более Ромео и Тибальд в «Ромео и Джульетте», не станцуются. Азарин приучил Ирека вдумчиво работать над ролями... Филигранно оттачивая каждый прыжок, каждое движение, он разрабатывал действенные задачи роли, создавал образ.

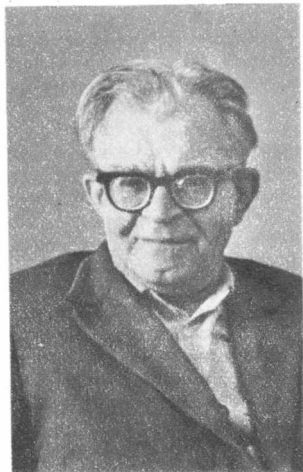
Мастерство танцовщика росло быстро. Но Н. Касаткиной мало только технического совершенства ее артистов. Мало развивать их «руки-ноги», по ее выражению. Пробудить душу артиста, развить ее, сделать артиста не «попры-

гунчиком», а человеком, способным решать сложные творческие задачи, — вот цель руководителей «Классического балета». И работать, конечно, интереснее с артистами-творцами, чем с ремесленниками, умеющими только выполнять указания балетмейстера.

Поэтому идут в ансамбле беседы об искусстве с молодыми артистами. Их возят на экскурсии, в музеи и на родине и за рубежом. И не для «галочки», не эпизодически. Руководители ансамбля одержимы искусством и зажигают своих учеников этим бесценным даром. В такой атмосфере — беспокойной, творческой, очень доброжелательной — не мог не раскрыться талант Ирека Мухамедова.

То «богатое нутро», которое увидела в нем Касаткина — его драматическая индивидуальность, — выдержало проверку в «Ромео и Джульетте». Здесь Ирек станцевал две роли. Ромео танцевал он пылким, благородным, романтичным юношей с горячей кровью, для которого если любовь, то непременно с первого взгляда. Казалось, его Ромео сошел на сцену с полотен живописцев эпохи Возрождения.

Тибальд же Мухамедова тоже человек больших страстей. Но, если так можно выразиться, со знаком минус. Словесная гордость лишила его доброты, озлобила. И, может быть, именно любовь нужна была такому Тибаль-

ПАМЯТИ СТАРОГО ОГОНЬКОВЦА

На восемьдесят третьем году жизни умер Петр Архипович Чумак, наш старый товарищ, давний огоньковец.

Как у всех коммунистов ленинского закала, его биография неразделимо спаяна с историей нашей страны, и это не просто красивые слова.

Он стал коммунистом в 1918 году и с тех пор все свои силы и способности отдавал делу партии, а значит, народу. В журналистику Петр Архипович пришел еще в гражданскую войну, в 1920 году, когда редактировал газету 3-й армии Западного фронта «Красноармейская правда». Позже, в период подготовки к коллективизации, он был редактором газет «Взаимопомощь» и «Крестьянская взаимопомощь».

Петру Архиповичу довелось занимать самые различные ответственные посты, но он никогда не оставлял пера и журналистского поиска, сотрудничал в «Правде» и «Известиях». Он разыскал и опубликовал новые, дотоле неизвестные документы В. И. Ленина.

О широте интересов Петра Архиповича говорит хотя бы такой факт: он вел переписку с крупнейшим западным философом XX века Берtrandом Расселом и мог увлеченно заниматься проблемами дирижаблестроения (предвосхищая, между прочим, сегодняшний всемирный интерес к дирижаблям). Он обладал острым журналистским зрением.

Но мы, зная Петра Архиповича лично, больше всего уважали и любили его за честность и глубокую душевную доброту. Он никогда не лукавил, он всегда говорил то, что думал. И писал так же. Память о нем мы сохраним в наших сердцах.

Огоньковцы.

ТЕАТРЫ ЕДУ

В середине марта в прекрасном своей древностью Пскове прошла очередная конференция, организованная советом по работе театров на селе Всероссийского театрального общества. Режиссеры и артисты, театроведы и журналисты, работники управлений культуры и отделений ВТО, съехавшиеся из всех республик и областей Нечерноземной зоны РСФСР, вели деловой разговор о совершенствовании своей работы на селе.

Перед началом конференции в Доме культуры известного на Псковщине совхоза «Победа» был устроен про-

смотр спектакля Псковского областного драматического театра имени А. С. Пушкина «Псковитянка» (по исторической драме Л. Мея). Для гостей особенно интересным было видеть то, о чем потом не раз говорилось в выступлениях: театр показал хорошо продуманный и подготовленный выездной вариант постановки с соответствующими декорациями, костюмами, световым и музыкальным оформлением. Работники совхоза приветствовали участников конференции хлебом-солью, которые от имени гостей принял знаменитый советский актер Б. П. Чирков, первый заместитель председателя президиума правления ВТО.

С докладом «Проблемы дальнейшего совершенствования работы на селе театров и отделений ВТО Нечерноземья» выступил заслуженный деятель искусств РСФСР, главный редактор журнала «Театральная жизнь» Ю. А. Зубков.

Рассказывает главный режиссер Великолукского драматического театра (одного из

ИСТОМ...

ду, чтобы очистить его душу. Но этот Тибальд любить не умел...

Безупречно станцевал артист, которому не исполнилось еще и двадцати лет, обе эти партии, такие трудные и такие разные. Сказалась и высокая школа «Классического балета» и система индивидуальной работы с Иреком. Н. Азарина освободили от занятий с другими учениками. Оставили ему только Ирека. Много часовые ежедневные уроки и репетиции, совместные походы педагога и ученика в театры, взаимное общение быстро сделали то, на что могли понадобиться годы. Мастерство Ирека как-то сразу резко рванулось вверх.

Выращенный, выпестованный в «Классическом балете» танцовщик закономерно пришел к высшему успеху — его пригласили в труппу Большого театра. Ю. Григорович доверил ему станцевать Спартака — одну из труднейших ролей современного балетного репертуара.

С артиста, получившего «Гран-при», всегда особый спрос. Кроме того, ведь Спартак чаще бывает кульминацией творчества, чем его началом.

Первые исполнители Спартака В. Васильев и М. Лавровский — эталоны, с которыми не каждый выдержит сравнение. К тому же соперничать с прославленными артистами невозможно. А подражать им — значит заведомо обречь себя на провал.

Ирек Мухамедов не соперничал и не подражал. Он поразил самостоятельностью созданного им образа, который «звучит» далеко не у каждого исполнителя.

Спартак на одном — хотя бы и виртуозном — владении техникой не станцевать. Нужно вложить в образ душу. Так и было. Ирек Мухамедов показал себя не только блестящим танцовщиком, но еще и актером глубоких психологических переживаний. Актером, способным к передаче тончайших эмоциональных оттенков. Он станцевал Спартака, придав давнему спектаклю свежее дыхание премьеры...

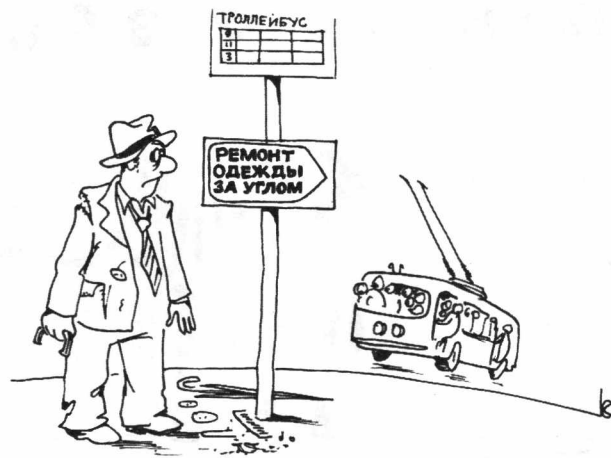
Ирека Мухамедова щедро одарила природа. Но еще большего он добился, работая над собой. О том, как требовательно он относится к себе, говорит такой, может быть, немного смешной факт. Готовя Спартака, Ирек отпустил бородку, она нужна для роли... Конечно, можно было бы просто приклеить ее, и дело с концом. Но роль так ответственна, что даже мелочи не должны отвлекать... Потом, когда роль станет уже своей, привычной, Ирек будет пользоваться гримом.

Мелочь? Пожалуй, нет.

Для настоящего артиста мелочей не существует. Ирек Мухамедов сделал серьезную заявку на это высокое звание.

Рис.
Т. Юнака

(Киев)

Юнак

Т НА СЕЛО

трех, работающих на псковской земле) Виктор Петрович АНТОНОВ:

— И содержательный, проблемный доклад и многочисленные выступления нацеливают театры на еще более глубокую заинтересованность в работе на селе, остро ставят нерешенные вопросы, подсказывают новые пути. У городских театров, каким является и наш Великолукский драматический, связи с деревенским зрителем особенно тесны. И правильно говорилось на конференции, что городские театры по отношению к ним, по обеспеченности надо поставить вровень с областными. Вообще, заботами товарищей из ВТО, Министерства культуры РСФСР и псковских областных организаций конференция была хорошо организована и принесет несомненную пользу.

Наш театр заключил договор о содружестве с Домом культуры колхоза «Россия» и народным театром Локнянского района. Мы помогаем им в репетициях, костюмами, декора-

циями. Есть, конечно, у нас с директором театра М. И. Лозницкой и проблемы. Как приспособиться к слишком маленьким клубным сценам, как довести оформление спектаклей по нашим далеко не лучшим дорогам... Мы рассчитываем, что областное управление культуры, которое всегда проявляло заботу о театре, поможет нам обзавестись новым автобусом.

Мы даем в течение года в сельской местности до двухсот спектаклей — это значительно выше средних показателей. На время приближающейся посевной театр выедет на полтора месяца тремя бригадами. Обычно возим три спектакля основного репертуара, много показываем детских постановок. Часто практикуется приезд колхозников в Великие Луки, например, на спектакль «Дети солнца» Горького.

Артисты Великих Лук хотят как можно успешнее нести на село высокое искусство театра.

Д. ИВАНОВ

Рисунки А. Орехова

Рисунки Е. Милутки

ПРИТЧА О ЗЕБРЕ

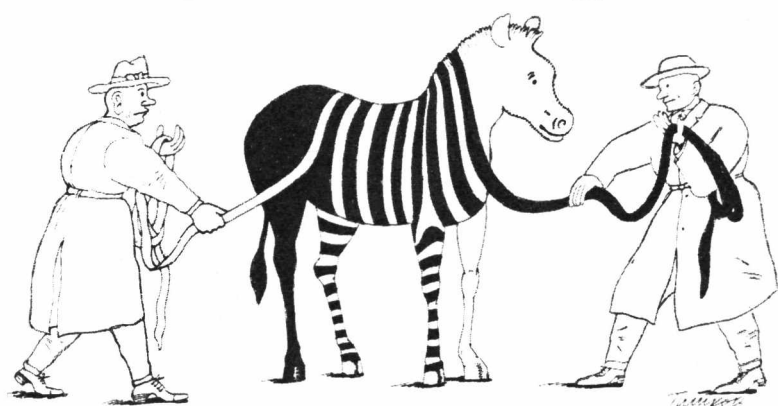

Рис. Леонида Тишнова

Сергей ВЛАСОВ

Жила-была зебра. Она не сделала никому ничего плохого, да и не могла сделать, наверное, поэтому ее и взяли в зоопарк.

А еще жили-были двое спорщиков. Они, казалось, только для того и появились на свет, чтобы спорить, спорить, спорить. До хрипоты, до умопомрачения. О чем, неважно, главное — спорить. И достигли они в своем искусстве больших вершин. Вы, наверное, тоже знаете таких людей, их, к сожалению, немало нынче развелось...

И вот как-то раз оказались эти двое в зоопарке, возле загона с зебр.

— Все-таки она черная, — как бы невзначай произнес первый.

— Даже если учесть наклон земной оси и географические координаты места, где мы с вами находимся, она не может быть черной, значит, — торжествуя усмехнулся второй и снисходительно посмотрел на первого, — значит, она белая.

— Черная, ибо она... черная, — упиваясь краткостью своих аргументов, парировал тот.

— Если она черная, то тогда я либо ослеп, либо вы, коллега, надо мной издеваетесь.

— Как вы могли обо мне такое подумать, мой друг? — вознегодовал второй. — Я хочу установить истину. Вот моя цель — установить истину!

В том же духе они спорили довольно долго. Вокруг стали собираться люди: когда они слушали поток красноречия первого, им казалось, что он прав и что зебра в самом деле черная. А когда второй заканчивал свою страстную убедительную речь, все соглашались с ним, а некоторые кричали: «Ура! Наконец-то мы дошли до истины — зебра-то белая».

И так было до тех пор, пока не прозвенел звонок и зоопарк закрыли. Продолжая спорить, спорщики (а за ними и толпа) пошли к выходу. У загона, где жила зебра, остался только один человек. Он был глухим и не слышал звонка. Не слышал он и того спора о зебре, что полдня вели двое замечательных спорщиков, и потому не мог понять, чего это тут так волновались люди.

Этот человек еще долго стоял и любовался красивым полосатым животным...

Иногда все-таки неплохо быть глухим.

Лечение добрым словом

Я не пишу афоризмов, не рисую карикатур — я их просто люблю. Каждому свое. Емкая, искрометная, с необычным поворотом мудрая мысль, изящно выраженная, наполненная к тому же иронией или добрым юмором, вызывает восхищение, а хлесткая карикатура или мастерски выполненный юмористический рисунок остается в памяти надолго.

Вот почему я с таким удовольствием перечитываю и переосмысливаю вышедшую недавно в издательстве «Советский художник» книжку сатирических миниатюр ленинградского писателя-сатирика В. Хочинского «За словом в карман», иллюстрированную старейшим мастером советской карикатуры, народным художником СССР Б. Е. Ефимовым. Вспоминается первая книжка миниатюр этого же автора — «Короче» с предисловием Б. Е. Ефимова и рисунками Ф. Ф. Нелюбина, вышедшая в 1971 году. Эта изящная книжка была тепло встречена читателями и имела заслуженный успех. И вот десять лет спустя новая встреча с работой В. Хочинского.

Его афоризмы яркие, объемные, они бьют по мещанству, равнодушию, лжи, карьеризму, лицемерию, ханжеству, тупости, хамству. Автор не навязывает себя, не учит, он как бы незаметно освещает дорогу в жизни — тернистую, но для человека, идущего прямым путем к истине, прекрасную.

Юлиан СЕМЕНОВ

Предлагаем несколько новых афоризмов В. ХОЧИНСКОГО.

Мало найти правду. Надо еще знать, что с ней делать...

Чаше всего свою линию гнут чужими руками.

Хочешь быть принципиальным? Не бойся одиночества!

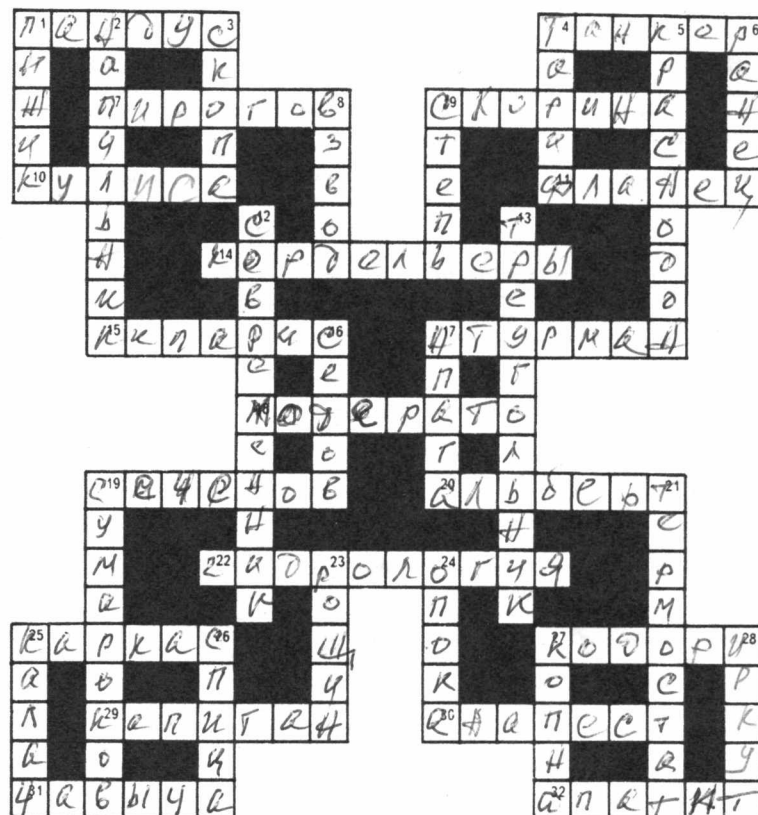
Мир слепого в руках поводыря.

— Она не моего круга! — буркнул ноль, увидев единицу.

По горизонтали: 1. Наклонная площадка в гараже. 4. Судно для перевозки жидких грузов. 6. Бас, народный артист СССР. 9. Основатель первой белорусской типографии. 10. Элемент театральной декорации. 11. Соединительная часть труб, валов. 14. Величайшая по протяженности горная система. 15. Хвойное вечнозеленое растение. 17. Специалист по вождению судов, самолетов. 18. Умеренный темп в музыке. 19. Основоположник русской физиологической школы. 20. Произведение Л. Н. Толстого. 22. Наука, изучающая природные воды. 26. Остов сооружения. 27. Река в Абхазии. 28. Офицерское звание. 30. Трехсложная стихотворная стопа. 31. Дальневосточный лосось. 32. Минерал, сырье для удобрений.

По вертикали: 1. Мех северного оленя. 2. Металлорежущий инструмент. 3. Хищная птица, обитающая у водоемов. 4. Ставка оплаты за услуги. 5. Город в Ворошиловградской области. 6. Ученическая сумка. 8. Воинское подразделение. 9. Повесть А. П. Чехова. 12. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 13. Геометрическая фигура. 16. Русский полярный исследователь. 17. Спортивное оружие. 18. Русский поэт и драматург XVIII века. 21. Прибор для поддержания постоянной температуры. 23. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 24. Приспособление для удержания формовочной смеси в литейном производстве. 25. Хлебное изделие. 26. Игла для вязания. 27. Сено, сложенное в виде конуса. 28. Приток Ангары.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 1. Мастерок. 4. Арканзас. 7. Касабланка. 8. Идиом. 9. Кубрик. 10. Кострома. 14. Ариосто. 16. Лютеций. 18. «Мельник». 19. Иравади. 21. Сценарий. 24. Ракета. 26. Беркут. 27. Контральто. 28. Инженктор. 29. Норвегия.

По вертикали: 1. Метелица. 2. Редька. 3. Курioso. 4. Антоним. 5. Корсак. 6. Савицкий. 10. Комплекс. 11. Сказание. 12. Ориентир. 13. Алюминий. 15. Сарьян. 17. Труппа. 18. Мурадели. 20. Интуиция. 22. Центавр. 23. Ильющин. 25. Акцент. 26. Воксер.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Солист Большого театра Союза ССР Ирек Мухамедов (см. в номере материал «Быть артистом...»).

Фото А. Награляна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Елена Ахведиани. Зима в горах * Дом на скале. 1964 (см. в номере материал «Мир Елены Ахведиани»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд. 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.03.82. Подписано к печати 30.03.82. А 00345. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1052. Заказ № 2102.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

82,

В такой упряжке членам НАТО
И тяжело и страшно вато.
Но им приходится стараться,
Поскольку некуда податься!

Стихи Сергея МИХАЛКОВА
Рисунок Марка АБРАМОВА

ISSN 0131—0097

Индекс 70663

Цена номера 40 коп.